

РОКХ

Том II

НЕЙТРАЛЬНЫЙ МИР

18+

Ладислав Усатов

Рокх. Том II. Нейтральный мир

«Автор»

2026

Усатов Л.

Рокх. Том II. Нейтральный мир / Л. Усатов — «Автор», 2026

Подземные города, забытые пути и наследие исчезнувшей цивилизации обещают приблизить разгадку. Однако за право искать придётся отвечать перед живыми: теми, кто открывает двери, доверяет свою судьбу незнакомцу и остаётся по эту сторону, когда путешественник уходит дальше.

© Усатов Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Медный порог	6
Глава 2. Обратное течение	47
Глава 3. Чужая смена	62
Глава 4. Право на дорогу	80
Глава 5. Каменная таможня	98
Глава 6. Мера прохода	107
Глава 7. Белая пристань	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Рокх. Том II. Нейтральный мир

Глава

Рокх

Нейтральный мир

Глава 1. Медный порог

Первой дрогнула вода в чаше возле княжеского стола.

По тёмной поверхности разошлись круги, хотя никто не касался ни чаши, ни каменного края. Затем в стене тихо щёлкнуло. Один из бледных цветов под потолком сложил лепестки, и Рокх увидел, как далеко наверху, за толщей породы, чужая сила осторожно обходит корни подземного города.

Она не искала кратчайшего пути. Могла бы проломить свод, обрушить серебряные мосты и пустить реку в нижние жилища. Вместо этого задерживалась у трещин, огибала цистерны, ощупывала опоры. Незнакомый гном изучал пещеру так, как хороший плотник осматривает дом, который ему предстоит чинить.

От этого он нравился Рокху ещё меньше.

— Он уже знает, где мы, — сказал маг.

Ваэль Тарисс стоял, положив ладонь на карту. Капли их крови ещё не высохли. Золотой глаз князя следил за Рокхом; чёрный смотрел будто сквозь него, в ту часть города, откуда доносились шаги поднимаемой стражи.

— Знать, где находится дверь, и получить разрешение войти — разные вещи.

— Ему не нужна дверь.

— Поэтому я и сказал, что достаточно умён, чтобы его бояться.

Иллис уже держал лук. На серебристых волосах разведчика остались мелкие капли водопада. Он повернулся к одному из воинов у стены, показал два пальца и коротко провёл ребром ладони вниз. Тот исчез в боковом проходе.

Рокх всмотрелся глубже. Подземная река загорелась синим, корни домов — тусклым зелёным. Чужой поток прошёл между ними и остановился под пустой площадкой возле водосборника. Там, где не было ни жилья, ни людей, камень поднялся на толщину ногтя.

На карте сдвинулся костяной грузик.

— Это уже оскорбление, — заметила старшая советница.

— Нет, — сказал Рокх. — Это стук.

Он коснулся края стола. Тёмная нить ушла в пол, нашла оставленный гномом след и провела по нему коротким холодным импульсом. Без удара, без попытки удержать. Только ответ.

Наверху что-то тяжёлое переставили с ноги на ногу. Через камень пришло три ровных толчка, пауза и ещё один. Звука почти не было, но вода в чаше повторила рисунок.

Ваэль прищурился.

— Старый сигнал переговоров. Четыре стороны света и открытая середина. Им пользовались на нижних перевалах, пока люди не объявили, что у мира есть только одна правильная сторона.

— Он зовёт меня.

— Он зовёт того, кто ответил.

— Какая редкая удача. Обычно за мной приходят уже с готовой речью о костре.

Маг убрал руку. Чужая сила отступила от водосборника, оставив после себя тонкую каменную дугу. Её можно было сломать пальцем. Ромгар намеренно показал, насколько точно умеет касаться породы.

Рокх искал у гнома центральный узел. Через толщу земли он видел слишком мало. Потоки входили в тело сверху и снизу, возвращались обратно, разделялись в корнях. Привычная попытка свести живое существо к удобному месту для удара не давала результата.

— Я поднимаюсь.

— Один? — спросил Иллис.

— Со мной достаточно народу.

Он произнёс это прежде, чем успел подумать. Чужая память отозвалась коротким, неприятным ощущением тесноты за грудиной. Ваэль заметил паузу, но не стал спрашивать.

— Твой союз с Домом заключён меньше четверти часа назад, — сказал князь. — Если ты сейчас уйдёшь к человеку Престола, мои советники решат, что ты купил себе убежище на время разговора.

— Мне понадобится дорога обратно.

— Это желание. Я спрашиваю об обязательстве.

Рокх посмотрел на кровь на карте. Раздражение было знакомым: другой человек считал, что обещание даёт ему право задерживать Рокха. Однако клятва действительно была произнесена. И присутствующие слишком хорошо помнили каждое слово.

— Пока я говорю с гномом, ваши выходы должны остаться целы. Если наверху начнут жечь лес или трогать город, переговоры закончатся. Я помогу отвести нападение от вас. После разговора сообщу, о чём договорились.

— Всё?

— Нет. Я не укажу им другие входы.

Советница хотела возразить, но Ваэль поднял ладонь.

— Иллис проводит тебя к старому сливу. Он выходит ниже по ручью. Пусть Ромгар увидит, что ты пришёл, а не позволил себя вытащить.

— Ты заботишься о моём достоинстве?

— О том, как долго твоя гордость позволит нам пользоваться союзом.

Рокх почти улыбнулся.

Они вышли на узкий мост. Внизу под прозрачным настилом текла синяя вода, несущая сорванные лепестки. На дальнем берегу женщина торопливо снимала с верёвки детские рубахи. Мальчик держал корзину вверх дном и никак не понимал, почему вещи падают на камень. Мать не ругала его — только подхватила корзину, перевернула и на мгновение прижала ребёнка к себе.

От стен отделялись лодки. В них грузили мешки с зерном, инструменты, свёрнутые постели. Воины старались двигаться спокойно, но жители уже знали разницу между обычной сменой караула и людьми, которым приказали успокаивать других.

— Вы собираетесь бежать? — спросил Рокх.

— Мы собираемся жить, — ответил Иллис.

У водосборника разведчик остановился. Перед нишей стояли четыре чаши; в каждой плавал фитиль. Иллис переставил один светильник в сторону и открыл проход между корнями.

— За мной. Камень здесь держится на старой кладке. Не трогай её своей силой.

— Ты даёшь мне советы по обращению с камнем?

— Я даю советы человеку, который не будет вытаскивать наших детей, если свод рухнет.

Рокх повернул голову. Иллис выдержал взгляд, хотя пальцы на луке побелели.

— Справедливое замечание, — сказал маг.

Он прошёл в низкий тоннель, стараясь не касаться стен. Под ногами текла ледяная вода. Она пахла железом, листьями и мокрой известью. Вдали белело отверстие, через которое пробивался зелёный дневной свет.

Перед выходом Иллис догнал его и протянул одну из двух узких пластинок чёрного дерева.

— Если надо будет передать слово князю, сломай пополам. Но только один раз. И держи половину, пока не услышишь ответ.

— А вторая пластинка?

— Останется у меня.

— Удобно.

— Не особенно. Мне придётся всё это время сидеть рядом с водосборником.

Рокх взял пластинку.

— Тогда надеюсь, переговоры будут короткими.

Он вышел под низкие ветви ольхи. Лес наверху казался непривычно пустым после подземного города. Между стволами стоял дым, пахло свежей щепой. Там, где войско прорубало просеку, голые корни торчали из размятой земли. На одном из них висела красная детская лента; ветер то прижимал её к коре, то распрямлял над ручьём.

Ромгар ждал на противоположном берегу.

Низкий, широкоплечий гном стоял без шлема. На лысой голове блестела морось, железные кольца в густой бороде потемнели от воды. Тёмные лезвия топора лежали у него поперёк предплечья, так что Рокх видел молитвы на обеих сторонах. Это были не украшения. На самых затёртых местах буквы вырезали заново, поверх старых следов.

В двадцати шагах позади гнома стояла женщина с копьём без наконечника. Ещё дальше, под буком, человек с цепями на запястьях завязывал кожаный футляр. Между деревьями мерцали белые плащи.

Ромгар поднял взгляд.

— Рокх?

— Смотря кто спрашивает.

— Тот, кто мог начать сверху.

Маг оглянулся на обнажённые корни.

— Но не начал.

— Пока мы разговариваем, не начну. Ты знаешь, кто я?

— Ромгар из Кхаз-Руна. Прислан исправлять чужие неудачи.

— Значит, часть правды тебе уже сообщили.

Гном ступил в ручей. Вода обогнула его сапог двумя прозрачными дугами и сразу сошлась снова. Он не стал переходить. Остановился посреди потока, одинаково далеко от обоих берегов.

— У меня к тебе вопросы.

— У меня к вашему миру тоже. Предлагаю отвечать по очереди.

— Предлагаю сначала убрать то, что ты протянул к моему сердцу.

Рокх замер.

Тончайшая тёмная нить, которую он выпустил из тени ольхи, не успела даже коснуться гнома. Она шла вдоль воды, почти не отличаясь от естественного мрака под камнями. Ни один инквизитор за последние недели не заметил бы её.

— Осторожность, — сказал маг.

— Понимаю. Убери.

Рокх втянул нить. Ромгар кивнул и наконец поставил топор обеими руками перед собой.

— Теперь можно знакомиться.

— Ты всегда знакомишься с оружием? — спросил Рокх.

— Когда собеседник начинает с моего сердца.

Ромгар повернул голову к женщине.

— Хельва. До моей команды никто не подходит. Если кто-нибудь из наших натянет тетиву, сломай лук.

— Вместе с рукой?

— По обстоятельствам.

Из-за деревьев вышел командор Гелл. Край белого плаща зацепился за свежий пенёк, и командор дернул ткань так резко, что та треснула.

— Вы не имеете права предоставлять ему условия.

Ромгар даже не посмотрел в его сторону.

— У меня есть грамота Престола. В ней разрешено выбирать способ задержания. Сейчас я выбираю способ, при котором вы останетесь живы. Помогите мне не изменить решение.

Хельва развернула древко поперёк тропы. Гелл остановился. По его лицу было видно: он запоминает каждое слово для будущего донесения.

Гном вернулся взглядом к Рокху.

— На сухой камень. Там под нами нет жилых сводов.

У изгиба ручья лежала широкая плита, заросшая по краям серым мхом. Когда-то она была основанием моста: из воды ещё торчали два обломка опор, а на дальнем берегу виднелись проржавевшие кольца для канатов. Рокх увидел, что гном выбрал место заранее. Порода здесь выходила наружу сплошным пластом; рядом не было ни деревьев, ни укрытий, за которыми могли бы стоять люди.

— Ты говорил о вопросах.

— Я должен понять, с кем разговариваю.

— Можно спросить.

— Я уже слышал ответы командора.

Рокх ступил на плиту. Камень был мокрым, но под подошвами не скользил: гном изменил верхний слой, сделав его шероховатым. Не ловушка. Удобство для обоих. Это вызвало у мага неожиданное раздражение, словно ему предложили чистое полотенце перед казнью.

— До первой серьёзной раны? — спросил он.

— До ясности.

— Обычно она приходит как раз после.

Ромгар снял с пояса маленькую каменную печать и положил на сухой выступ. Затем сделал первый шаг.

Топор пошёл снизу, неторопливо для такого тяжёлого оружия. Рокх успел рассмотреть, как вдоль рукояти загораются буквы, и понял, что лезвие служит только указателем. Настоящий удар уже проходил под плитой.

Маг сдвинулся влево. Там, где он стоял, из камня вырос узкий валик, рассчитанный сбить опору, а не проткнуть тело. Рокх ответил тенью: плоская чёрная лента обогнула рукоять и легла на кисть гнома.

Свет вспыхнул коротко, почти без сияния. Тень рассыпалась мокрыми хлопьями.

Ромгар остановил лезвие в ладони от плеча мага.

Рокх уже стоял на другом конце плиты.

Перемещение получилось тяжёлым. Вместо лёгкого шага через мрак ему пришлось протаскивать за собой собственную тень, словно та зацепилась за гвоздь. По камню тянулись тонкие светлые прожилки. Гном не запретил переход; он обозначил все места, из которых тот мог начаться.

— В твоей тени чужая сила, — сказал Ромгар. — Пользуешься недавно.

Рокх ударил фиолетовой нитью в основание топора.

Гном отклонил рукоять. Нить срезала кусок кожи с ремня на запястье и ушла в воду. Возле берега вскипела пена.

— Достаточно давно, чтобы попасть точнее.

— Попал куда хотел. Я видел.

Они двигались по кругу. Тяжёлые сапоги гнома ступали мягко, почти бесшумно. Ромгар не преследовал отступающего мага и не давал себя обойти. Каждый поворот оставлял на камне едва заметную метку, а через метки поднималась новая опора для следующего движения.

Рокх смотрел глубже. Жизненная сила гнома была плотной, тёплой, с редкими тёмными участками старых повреждений. Но земля, которой он пользовался, оставалась землёй. Не проходила через сердце, не принадлежала ему. Гном договаривался с ней каждым движением и освобождал, как только движение заканчивалось.

Разорвать такую работу можно было. Присвоить одним рывком — нет.

Рокх направил тьму в левое колено противника. Не в кость, а в короткий поток, управлявший мышцей. Если заставить ногу опоздать на полвдоха, топор окажется слишком далеко от тела.

Ромгар резко опустил. Тьма скользнула поверх плеча. Вместо колена она нашла пустой узел в порванном ремне. Гном отдал магу вещь, на которую сам на мгновение перенёс рисунок движения.

Рокх усмехнулся.

— Любопытно.

В ту же секунду его ударило в грудь.

Не лезвием. Плоской стороной топора. Щит принял большую часть силы, но воздух всё равно вышел из лёгких, и Рокх отступил на край плиты. Под каблуком хрустнул мох.

Ромгар мог продолжить. Вместо этого поднял оружие и ждал.

Маг вернул дыхание, чувствуя на губах вкус железа. Внутри уже собирался ответ — широкий, быстрый, рассчитанный сразу на всё живое в пределах ручья. Так было проще. Сломать среду, в которой гном работал, и оставить его одного на мёртвом камне.

За деревьями кто-то кашлянул. Обычный солдат, замёрзший в мокром плаще.

Рокх сузил плетение.

Три фиолетовых кольца сомкнулись вокруг Ромгара. Верхнее удерживало плечи, нижнее перерезало связь подошв с плитой. Третье прошло по рукояти топора. Гном попробовал развернуться и впервые не успел.

Рокх оказался у него сбоку. Два пальца остановились у виска, где кожа была тонкой и беззащитной.

Плита под магом провалилась на палец.

Из трещины вырос корень, обхватил запястье Рокха и замер, не сжимая. По дереву шёл белый свет. Стоило гному напрячь руку, и свет вошёл бы в открытые магом потоки.

Они остановились одновременно.

Рокх мог разорвать корень. Но тогда ему пришлось бы отпустить одно из колец. Ромгар мог принять удар у виска, чтобы завершить собственный, однако Рокх видел по его дыханию: гном не собирается проверять, чьё тело выдержит больше.

— Ясность? — спросил маг.

— Для начала.

— Кто отпускает первым?

— Тот, кому меньше надо доказывать.

— Опасный расчёт.

Ромгар разжал левую ладонь.

Корень отпустил запястье. Свет остался в древесине, освещая дождевые капли. Рокх удерживал кольца ещё одно мгновение — ровно столько, чтобы выбор гнома стал заметен всем, кто смотрел с берега.

Затем отвёл пальцы.

Фиолетовые линии погасли. Топор опутился на камень.

Весь бой занял меньше времени, чем понадобилось бы, чтобы вскипятить походный котелок. Из серьёзных потерь у гнома остался разрезанный ремень, у Рокха — ноющая грудь и узкий ожог на запястье, там, где свет всё-таки задел кожу.

— Сильнее, чем говорят, — произнёс Ромгар.

— Обо мне много говорят.

— И бережёшь большую часть силы.

Рокх почувствовал знакомое желание закончить разговор ударом. Не потому, что гном оскорбил. Потому, что попал.

— Ты тоже кое-что прячешь. Правая рука. После третьего поворота перестал держать топор на весу.

Ромгар посмотрел на пальцы, согнул их и выпрямил.

— Старое повреждение. В сырую погоду напоминает о себе.

— Удобно иметь такое объяснение.

— Неудобно иметь такую руку.

С берега донёлся щелчок.

Рокх увидел арбалетный болт ещё до того, как тот вышел из-за листьев. Стрелок стоял за спиной Гелла. На наконечнике горел маленький белый знак, а нить, связывавшая его с запястьем жреца, обещала разорвать щит при касании.

Маг поднял руку.

Топор Ромгара ударил в плиту. Каменный выступ вырос между Рокхом и стрелком, принял болт и раскололся. Свет выгорел в мокрой породе. Хельва уже была возле арбалетчика: древко её копы ударило под оружие, выворачивая руки вверх.

Рокх направил тень к человеку за листьями. Достаточно было сомкнуть её под челюстью.

— Я сказал — никто не подходит, — произнёс Ромгар.

Он говорил своим. Но смотрел на Рокха.

Маг остановил тень в нескольких пальцах от горла стрелка. Тот видел чёрную петлю и дышал маленькими частыми глотками. Юноша. Щетина на подбородке росла клочьями; над бровью белел след недавно снятого ожога.

— Он нарушил твой приказ, — сказал Рокх.

— Я разберусь.

— Обычно с такими разбираюсь я.

— Сегодня стреляли из моего строя и разбираться мне.

Рокх подержал петлю ещё мгновение и отпустил. Юноша рухнул на колени. Хельва придавила арбалет сапогом, сломав приклад.

Ромгар сошёл с плиты. Камень за его спиной выровнялся. Трещины сомкнулись, но срезанный ремень остался лежать у воды. Гном поднял его и убрал в карман.

— Зачем? — спросил Рокх.

— Пряжка целая.

Рокх впервые за всё утро рассмеялся.

Ромгар не улыбнулся. Он подошёл к стрелку, присел перед ним и положил топор на землю так, чтобы тот видел: сейчас его не собираются рубить.

— Кто велел?

Юноша посмотрел на Гелла.

Командор стоял совершенно неподвижно.

— Я задал простой вопрос, — сказал Ромгар. — Не торопись делать его трудным.

— Нечистый освободился, — выговорил стрелок. — Нам сказали: если выйдет из круга, бить сразу.

— Какого круга?

Юноша указал на плиту. Теперь, когда бой закончился, светлые прожилки почти исчезли, но по краям ещё виднелись остатки поставленных гномом меток.

— Это была разметка опоры, — сказал Ромгар. — Не круг удержания. Кто назвал её кругом?

Гелл шагнул ближе.

— Брат действовал по уставу. Враг Престола оставался вооружённым.

— Ты видел, как мы остановились.

— Я видел, как вы отпустили его.

— И велел стрелять мне в спину.

— Болт шёл мимо вас.

— Это твоя лучшая защита?

На просеке стало тихо. Даже солдаты, не слышавшие начала разговора, почувствовали, что сейчас не следует звенеть оружием. Рокх прислонился к ольхе и сложил руки. Ему хотелось посмотреть, как далеко простирается власть гнома, когда противник носит тот же знак.

Ромгар поднялся.

— Серет, наконецник.

Человек с цепями молча достал из каменного обломка обгоревший болт. На запястье у него развернулись два кольца, удержали металл между собой и повернули. В воздухе проступила короткая белая строка.

— Приказ привязан к печати командора, — сказал Серет. Голос у него оказался ровным и низким. — Условие срабатывания: выход цели с плиты. Поставлен после начала поединка.

— Он видел угрозу, — отрезал Гелл.

— Кто? — спросила Хельва. — Мальчишка или твоя печать?

— Следите за словами.

— Слежу. Поэтому пока говорю, а не бью.

Ромгар протянул руку к командору.

— Сними знак полевого распоряжения.

Гелл побелел.

— Вы не можете.

Гном достал из-за пазухи сложенный лист в промасленной коже. Развернул одной рукой, показывая красную печать.

— До установления природы угрозы мне передано старшинство над действиями. Ты только что попытался сорвать переговоры и поставить меня между двумя ударами. Знак.

Командор медленно снял с шеи маленькую серебряную пластину. На ней был вырезан луч, разделённый на пять полос. Ромгар передал её Серету.

— Запиши время. И показания стрелка — отдельно от командора.

— Исполню.

— До моего возвращения войско остаётся за старой дорогой. Ни огня, ни спуска в подземные ходы, ни задержаний людей, уходящих из леса. Хельва, поставь своих у водовозов. Сначала проверяйте масло, потом молитвы.

— Есть.

Гелл смотрел на Рокха с ненавистью. Маг уже устал встречать этот взгляд.

— Он убил наших братьев.

Ромгар обернулся.

— Я помню. Поэтому ещё стою здесь и спрашиваю. Если бы забыл, давно ушёл бы обедать.

Он снова присел возле юноши. Тот держал левое запястье правой рукой. После удара Хельвы оно начало опухать.

— Имя?

— Тев. Брат Тев.

— Служишь давно?

— С весеннего набора.

— Убийством безоружного хвалился?

Тев поднял глаза.

— Нет.

— Значит, пока есть с чем работать. Руку дай.

Гном ощупал сустав. Юноша вскрикнул. Ромгар не стал извиняться, только велел разжать пальцы. Под его большим пальцем проступило тёплое жёлтое свечение; опухоль уменьшилась, но боль, судя по лицу Тева, не исчезла.

— Кость цела. Связки потянул. Два дня ничего тяжёлого. И запомни: приказ объясняет, почему ты поднял арбалет. Куда ты его направил, объяснять будешь сам.

— Он мог нас всех...

— Мог. Сейчас жив потому, что он остановился. Это тоже внесут в протокол.

Рокх оттолкнулся от дерева.

— Я не давал согласия участвовать в твоём воспитании послушников.

— Ты уже участвовал. Почти повесил одного.

— Он почти застрелил меня.

— Вот и обсудим, почему у вас обоих так много «почти».

Ромгар подобрал топор и повернулся к лесу. Под его сапогом оказался стебель, сломанный каменным выступом. Гном наклонился, прижал землю двумя пальцами. Из-под корня вышла новая почка. Старый стебель не распрямился; остался лежать в грязи.

Рокх отметил это. Гном не обращал время вспять и не возвращал повреждённое в прежнее состояние. Он оставлял живому возможность продолжиться.

— Теперь вопросы? — спросил маг.

— Теперь два. Остальные в месте, где меньше людей хотят получить награду за твою голову. Ты пришёл из-за лесного барьера?

— Из-за того, который окружает звезду.

Ромгар впервые изменился в лице. Не сильно: только перестал щуриться и убрал ладонь с ремня. Но Рокх увидел, как в его ауре разошлось напряжение.

— Ты видел его снаружи?

— И прошёл внутрь. Это не то же самое, что понимать, как пройти обратно.

Гном помолчал.

— Второй вопрос. Ты ищешь Башню Круга?

— Да.

— Чтобы разрушить?

— Ты обещал два.

— Считаю уточнением.

Рокх посмотрел сквозь деревья. Вдали, над серыми холмами, в облаках временами темнела вертикальная полоса. Семь колец были отсюда не видны, но знак в ладони отозвался привычным слабым зудом.

— Чтобы понять, почему я здесь. И где следующая дверь.

— Если для этого придётся разрушить?

— Я пока не знаю, что передо мной.

— Хорошо.

— Это тебя устраивает?

— Меня устраивает, что ты хотя бы в одном месте не притворяешься знающим.

Рокх уже открыл рот, но Ромгар поднял ладонь.

— У старой переправы есть таверна. «Медный порог». До неё два часа пешком, если дорога не размокла. Хозяйка не любит ни чёрных мантий, ни белых плащей. У неё можно поесть и поговорить.

— Ты приглашаешь главного врага своего Престола выпить?

— Пока я приглашаю человека, который сбил мне ремень и не попал в голову. Не заставляй перечислять остальные причины.

— А войско?

— Останется здесь.

— А если нет?

Ромгар повернулся к Хельве.

— Если нарушат — выводил лесных жителей по нижнему броду. Перекрой просеку, затем отправь Серета ко мне. За глупость командоров люди платить не должны.

Женщина кивнула. Она не спросила, что будет, если Гелл предъявит другой приказ. Видимо, этот спор они вели раньше и ответы уже знали.

Рокх достал чёрную пластинку, переломил и зажал половину в кулаке. Через несколько мгновений в древесине возник голос Иллиса, приглушённый журчанием воды.

— Слушаю.

— Нападения пока не будет. Гном остановил войско. Мы идём говорить к старой переправе.

— К князю вернёшься?

Ваэль говорил уже сам.

— Передам условия до наступления темноты. Твой союз остаётся в силе.

— Я слышу рядом с тобой Кхаз-Рун, — сказал князь.

Ромгар протянул руку. Рокх не отдал пластинку, но развернул её к нему.

— Твои нижние ходы я не трону, Ваэль Тарисс. Свод у западной цистерны слабый. Уведи оттуда тяжёлые лодки.

Пауза была долгой.

— Ты заглядываешь в чужой дом и советуешь переставить мебель?

— Советую не хоронить под ней детей.

— И что потребуешь за совет?

— Чтобы вы не стреляли в спины тем, кто выводит раненых к дороге.

— Если они действительно выводят раненых.

— Смотри сам. Я оставлю проход открытым.

Древесина потеплела. Голос князя стал тише:

— Рокх. Я жду твоего слова. Не слова гнома.

— Я вернусь.

Связь погасла. В ладони осталась обычная щепка, пахнущая горьким соком.

Ромгар уже подтягивал ремни на заплечном мешке. Топор лёг ему за спину под углом, так что нижнее лезвие не касалось плаща. Из кармана гном достал кусок грубой кожи и начал чинить порезанный ремень на ходу.

— Ты идёшь один? — спросил Рокх.

— Ты пока ещё не согласился.

— Без стражи.

— Мне редко помогают десять испуганных людей, когда достаточно одного спокойного.

— Себя ты к каким относишь?

— К голодным. Пойдём.

Рокх посмотрел на оставленную у плиты каменную печать.

— Забыл.

Ромгар вернулся, поднял её, вытер большим пальцем и убрал под ворот.

— Не забыл. Не хотел наклоняться перед тобой ещё раз, пока ты не решил насчёт таверны.

Теперь он улыбнулся — коротко, одной стороной рта. Улыбка исчезла раньше, чем Рокх успел ответить.

Они пошли вдоль ручья. За спиной остались белые плащи, мокрая плита и командор, уже требовавший у писаря чистый лист.

Дорога была древнее окружавших её построек.

Плоские серые камни лежали так плотно, что между ними не проросла трава. По краям тянулись неглубокие желоба. Вода в них шла против уклона, поднималась на невысокие гребни и исчезала в круглых отверстиях, похожих на следы от вынутых пальцев.

Рокх остановился у одного из отверстий. Внизу мерцал зелёный узел, почти такой же, как на древних развалинах у места его появления. Он проследил нить, но та ушла под дорогу и затерялась в переплетении корней.

— Не лезь глубоко, — сказал Ромгар. — Дренаж от этого иногда начинает считать дождём всё, что движется.

— Проверял?

— В молодости. Трое суток сушил сапоги.

— И поэтому теперь ходишь пешком?

— Поэтому теперь предупреждаю дураков.

Дорога вышла на возвышенность. Лес расступился, открывая длинную долину. Над ней висел бледный солнечный диск, окружённый зелёным кольцом. Свет просачивался через облака неровными пятнами. Там, где он падал на поля, пшеница казалась серой; в тени придорожной стены сохраняла тёплый жёлтый цвет.

Далеко к югу блестела река. Через неё был переброшен мост с двумя неравными арками, а возле моста теснились низкие дома под черепицей. На холмах стояли башенки с зеркальными щитами. Некоторые поворачивались следом за солнцем. Другие были закутаны чёрной тканью.

— Как называется этот мир? — спросил Рокх.

Ромгар остановился.

— Ты воюешь здесь больше месяца и до сих пор не знаешь?

— Первые люди хотели забрать сапоги. Следующие — сжечь. Между ними не нашлось краеведа.

Гном перевёл взгляд на небо.

— Илий.

Рокх повторил имя про себя. Оно было коротким, почти не имело вкуса на языке. После зелёного леса, мёртвых городов и зеркал Светограда он ожидал чего-то более тяжёлого.

— На древнем языке — «нейтральный мир», — сказал Ромгар. — Так переводят название в наших дорожных книгах.

— Нейтральный.

— Я вижу, ты оценил.

— Ваши предки умели издеваться заранее.

Ромгар подошёл к придорожному столбу. Соскоблил ножом мох. Под ним оказались два знака: разомкнутое кольцо и короткая черта, не касавшаяся краёв.

— Когда писали это имя, оно означало порядок встречи. Здесь не должны были решать за пришедшего, кому он принадлежит. По крайней мере, так утверждает старый перевод. Самих составителей я не застал.

— Значит, прежде сюда приходили из других миров.

— Возможно. В книгах говорится о дорогах, которые начинались не в соседней земле. Большинство жрецов считает это иносказанием. Некоторые гномы архивариусы — плохой географией. Я раньше склонялся к архивариусам.

— А сейчас?

— Сейчас рядом стоит человек, который утверждает, что видел нашу звезду снаружи. Я ещё не решил, верю ли ему во всё.

Рокх достал ладонь из рукава. Под кожей появилась короткая зелёная линия и почти сразу погасла.

Гном заметил.

— Это твой ключ?

— То, что от него осталось.

— Не показывает дорогу постоянно?

— Если бы показывал, я бы не слушал твоих архивариусов.

Они пошли дальше. Под сапогами Ромгара камни изредка отзывались низким звуком, словно внутри дороги находилась натянутая струна. Рокх попытался уловить закономерность. Гном касался пяткой сначала края, затем середины каждой третьей плиты. Проверял кладку, не задерживаясь.

— Ты всё время слушаешь землю?

— Нет. Тогда не услышал бы тебя.

— Она рассказывает правду?

— Она сохраняет давление, жар, некоторые движения силы. Если человек солгал стоя, камень запомнит его вес. Ложь придётся проверять иначе.

— Жаль. Я почти позавидовал твоим вопросам.

— Поэтому почти и ошибся.

Внизу, возле поворота, закричала женщина.

На обочине стояла телега с мешками. Левое колесо провалилось в промоину; деревянный обод лопнул, груз накренился. Под осью лежал человек. Двое подростков пытались приподнять телегу за оглоблю, но земля уходила у них из-под ног.

Ромгар побежал.

Рокх остался на дороге ещё на одно мгновение. Во всём этом было слишком удобное устройство ловушки: открытое место, тяжёлый груз, человек, которого нужно коснуться обеими руками. Он открыл зрение. Четыре живые ауры. Лошадь в стороне. Никого в канаве, никаких нитей к дальним зеркальным башням.

Когда он подошёл, гном уже лежал на боку возле колеса, проверяя, куда приходится вес.

— Отойдите от оглобли, — сказал Ромгар подросткам. — Ты, в коричневом, держи лошадь. Девочка, принеси плоский камень. Не круглый. Женщина, перестань тянуть мужа за плечи.

— Он задыхается!

— Если выдержишь, оставишь под телегой половину ноги.

Рокх поднял руку. Мешки можно было сбросить в канаву одним движением. Или поднять всю телегу в воздух. Он уже собирался сделать второе, когда Ромгар резко сказал:

— Не вверх. Ось держит кость. Подними край на два пальца и удерживай.

— Я умею поднимать вещи.

— А я сейчас вытаскиваю человека. На два пальца.

Тёмные нити легли под кузов. Рокх поднял его ровно настолько, насколько требовалось. Ромгар просунул под ось найденный девочкой камень, затем осторожно освободил ткань. На штанине расплзлось тёмное пятно. Человек смотрел в небо и часто сглатывал.

— Как зовут? — спросил гном.

— Марен.

— Марен, слушай меня. Сейчас будет больно. Смотри на жену, не на ногу.

Он положил широкую ладонь выше раны. Жёлтый свет прошёл под кожей. Рокх видел, как рваные потоки выравниваются, но не заполняются новой силой из ниоткуда. Гном заставлял кровь обходить повреждение, давал телу время. Собственная аура Ромгара понемногу тускнела возле плеч.

— Ты отдаёшь своё, — заметил маг.

— Не всё. Воду.

Рокх подал флягу женщины. Гном смочил ткань, убрал грязь, достал из поясной сумки иглу и полоски чистого полотна.

— Мог бы закрыть быстрее, — сказал Рокх.

— Вместе с песком. Через три дня резать заново. Держи телегу.

Женщина наконец заметила, кто стоит рядом. Её лицо изменилось. Она потянулась к груди, где под рубахой висел маленький знак света, и сжала его так сильно, что металл продавил ткань.

Женщина переводила взгляд с Рокха на зажатую под осью ногу.

— Не вздумай начать молиться мне под ухом, — сказал он. — Я могу отвлечься.

Женщина опустила ладонь. Не потому, что перестала бояться. Потому, что под телегой лежал муж.

Через несколько минут Марена уложили на снятую дверь от кузова. Ромгар закрепил ногу двумя рейками. Одна оказалась слишком длинной; он сломал её руками и затянул узел зубами. Ладони у него дрожали сильнее, чем после боя.

— До переправы довезёте. Там лекарка Рута. Скажите, я удержал сосуд, но кость не правил. Пусть не снимает шину до вечера.

— Чем платить? — спросила женщина.

— Лекарке — как договоритесь. Мне вернёте чистую ткань, если ещё встретимся.

Он поднялся с усилием, вытер нож и оглядел мешки.

— Что везёте?

— Ячмень. Для похода.

— Весь?

Женщина кивнула на запечатанный лист, прибитый к кузову. Ромгар прочёл, и его лицо стало жёстче.

— Здесь сбор с четырёх дворов. Где остальные?

— Одни сгорели. Из других люди ушли. Староста сказал, долг на тех, кто остался.

Рокх посмотрел на мешки. На двух стоял знак церковного амбара, на остальных — простые угольные цифры.

— Сколько вам оставили?

— До нового урожая хватит. Если разбавлять.

Ромгар снял лист с гвоздя, бережно расправил и убрал за пазуху.

— Этот воз пойдёт к «Медному порогу». Там Рута, и там есть весы. Пока человек не встанет на ноги, зерно никто не тронет.

— Нас накажут.

— Покажешь это.

Он отрезал узкую полоску от своего дорожного листа, написал несколько слов и приложил каменную печать. Знак вдавился в бумагу без воска.

— Но вы не староста...

— Нет. Староста далеко. Я здесь.

Гном повернулся к Рокху.

— Теперь поднимай. Целиком.

Маг восстановил опору под колесом. Ромгар стянул треснувший обод железной скобой, вынутой из сумки. На ходу он чинил вещи так же уверенно, как держал топор: без лишних движений, но и без надежды, что мир сам исправит сделанное людьми.

Они проводили телегу до ровного участка. Рокх заметил, что женщина теперь смотрит не на его лицо, а на ожог у запястья.

— Вам тоже перевязать? — спросила она тихо.

— Не стоит.

— У меня есть...

— Себе оставь, — сказал он резче, чем хотел.

Женщина отвернулась. Ромгар ничего не сказал, и от этого Рокх раздражился ещё сильнее.

Когда телега отъехала, гном сел на придорожный камень и достал кусок сухого сыра.

— Минуту, — произнёс он. — Потом пойдём.

— Ты истратил больше, чем собирался.

— Крови ушло много.

— Теперь, если я захочу напасть...

Ромгар откусил сыр.

— Придётся тебе ждать. Я ем.

К переправе они подошли после полудня.

Река здесь была широкой и мелкой. Через мутную воду просматривались длинные полосы белого камня; между ними стояли рыбацкие садки, привязанные к сваям. Ветер нёс запах дыма, кислой капусты и свежей стружки. На дальнем берегу чинили мостовой настил. Плотники работали молча, лишь изредка переговариваясь через реку. На столбе возле мостовой будки висел список запрещённых к перевозке товаров, а под ним — новая листовка с чёрной фигурой в белом круге.

Рокх остановился прочесть.

Лицо на рисунке было лысым, но этим сходство заканчивалось. Из рта торчали длинные зубы, руки заканчивались когтями, под ногами лежал ребёнок. Художник старательно изобразил игрушку возле маленькой ладони. Магу показалось, что на игрушку ушло больше времени, чем на всю остальную фигуру.

Ромгар встал рядом.

— Успели привезти.

— Нос мне льстит.

— Это не приказ о розыске. Указ о главном враге Церкви Единого Света в Илии. Теперь укрывательство приравнено к соучастию, торговля с тобой — к снабжению тьмы, отказ сообщить о встрече — к отступничеству.

— И ты собираешься войти со мной в таверну.

— Да.

— Хозяйка обрадуется.

— Сначала увидим, что именно ей приказали.

Ромгар прочёл мелкие строки до конца. По мере чтения его большой палец всё сильнее вдавливался в край деревянного столба.

— Здесь нет оговорки о дорожном приюте.

— Она должна быть?

— По действующим соглашениям — да.

— Видимо, сегодня соглашения устарели.

Мостовой сторож наблюдал за ними из будки. Когда Рокх повернулся, тот попытался спрятать руку, уже тянувшуюся к колокольной верёвке. Ромгар подошёл первым и показал печать. Разговор был коротким. Сторож дважды кивнул, вылез наружу и принялся отвязывать колокол от столба.

— Ты запретил ему звать помощь? — спросил Рокх.

— Я объяснил, что помощь уже стоит перед ним. Колокол снимет до вечера, чтобы люди не подумали о пожаре. Врать о нашем приходе не будет.

— Ты действительно рассчитываешь на слова?

— Нет. На слова, печать и то, что он помнит прошлую весну.

Таверна стояла чуть выше моста, на каменном цоколе. Над дверью висела медная пластина с двумя глубокими вмятинами; в дождь по ней стекала вода, оставляя зелёные полосы на стене. Сама дверь была широкой и низкой. Под навесом стояли лавки для путников, которым не хватало денег на место внутри. На одной спал человек, накрыв лицо пустым мешком.

У коновязи уже находилась телега Марена. Подростки переносили зерно под крышу, пока женщина спорила с седой лекаркой в синем переднике. Через открытое окно доносился сердитый голос:

— Если гном велел не снимать до вечера, так и не трогай. Он хоть что-нибудь оставил мне делать?

— Кость не правил, — ответила женщина.

— Уже лучше. А то совсем без заработка останусь.

Ромгар толкнул дверь.

Внутри было тепло. Низкие балки потемнели от многолетнего дыма. На стенах висели весла, старые упряжные дуги и связки сушёных корней. У печи двое возчиков ели похлёбку; возле окна торговка считала мелкую медь, раскладывая монеты по блюдам. Когда вошёл гном, хозяйка подняла голову от разделочной доски.

Это была плотная женщина с коротко остриженными волосами и серым пятном на правой щеке. Она посмотрела на Ромгара, затем на Рокха. Нож перестал двигаться.

— Нет, — сказала она.

— Здравствуй, Нера.

— Здравствуй. Нет.

— Нам нужен стол и еда.

— Тебе нужен стол. Ему — другой берег. А мне нужно, чтобы к ночи у дома оставалась крыша.

Рокх усмехнулся.

— Очень гостеприимно.

— Пока ещё разговариваю, — ответила Нера. — У нас это считается хорошим приёмом. Ромгар положил на стойку свою печать и дорожную грамоту.

— Он пришёл со мной на переговоры. Я отвечаю за ущерб, если он будет причинён по моей вине. Запиши его как моего гостя, без ложного имени.

— А церковные люди?

— Увидят ту же запись.

— Вот этого я и боюсь.

Гном помолчал. Затем достал кошель и высыпал на доску шесть небольших серебряных монет.

— За еду, комнату для разговора и место под навесом для телеги. Остальное на случай, если придётся чинить дверь. Если тебе всё равно нельзя нас принять, уйдём. Здесь живёшь ты.

Нера долго смотрела на деньги. Рокх ожидал торга. Вместо этого она взяла только две монеты, остальные сдвинула обратно.

— Дверь ты чинишь сам. И топор под стол. Мне не нужно, чтобы с твоих молитв капало в суп.

— Договорились.

— А ты, — она повернулась к Рокху, — ничего не вызываешь, не поднимаешь и не превращаешь. Если еда не понравится, скажешь словами.

— У тебя часто бывают такие посетители?

— После него готова к любым.

Она кивнула на гнома и повела их в небольшую комнату за кухней. Там стоял длинный стол, четыре стула разной высоты и печь с треснувшим изразцом. Окно выходило во внутренний двор. У стены была дверь в кладовую, откуда пахло луком и сухим сеном.

Рокх сразу осмотрел углы. Никаких зеркал. В потолке — обычная балка; под полом — погреб, несколько бочек и кошка. Два выхода. От кухни их отделяла толстая стена, но голоса в общем зале слышались достаточно хорошо, чтобы разговор приходилось вести негромко.

Ромгар выбрал низкий стул, поставил топор под стол и снял мокрый плащ. Под ним оказалась кольчуга без серебра и золота, с несколькими аккуратно заменёнными рядами колец. На груди висела небольшая пластина с углублением в форме раскрытой ладони.

— Не тот знак, который носят ваши жрецы, — заметил Рокх.

— Родовой обет.

— Кхаз-Рун?

— Да. Имя дома и школы, в которой я вырос. У нас детей сначала учат подпирать балку, потом читать молитвы над теми, кого из-под неё достали. Это экономит время на похоронах.

Нера принесла кувшин горячей воды, два полотенца и миску. Гном вымыл руки особенно тщательно, выскребая кровь Марена из-под ногтей. Рокх заметил, что два пальца на правой руке до конца не сгибаются.

— Ты обещал рассказать о мире.

— Расскажу. Но сперва мне нужно понять, что ты называешь Церковью. Сейчас ты считаешь, что каждый человек со знаком света пришёл тебя убить.

— Наблюдение подтверждается достаточно часто.

— Рута носит знак света. Сейчас она вправляет ногу человеку, которому помог твой некромантский дар.

— Она знает?

— Узнает. Марен расскажет всем, кто согласится слушать.

В дверь вошла Нера с большой кастрюлей. Поставила её на стол, разлила густую похлёбку с ячменём и мясом, оставила хлеб. Пока она ходила, Ромгар молчал. Возобновил разговор только после того, как дверь закрылась.

— Церковь в Илии старая. Старше нынешнего Престола. У неё есть сельские приходы, больничные дома, хранилища, школы. Не все живут приказами из Светограда. Когда болезнь света пошла по южным полям, именно приюты первыми открыли амбары.

— А потом закрыли их под печать.

— Некоторые. Об этом и говорю: мне нужны имена, а не одно удобное слово на всех.

Рокх отломил хлеб. Корка хрустнула неожиданно громко.

— Перечисляй.

Ромгар намочил палец в воде и провёл по столу три короткие линии.

— Святой Престол утверждает учение и назначает высших служителей. Великий Собор собирает старших от областей, решает, что объявить общей угрозой. На деле они спорят о доходах и пределах власти не реже, чем о вере. Варн управляет областью Светограда. Сейр заведует местной учёной службой. Гелл — командор Воинского Братства. Это вооружённая рука, которую инквизиция использует при исполнении приговоров.

— Значит, приказал один, решил другой, сжёг третий, а виноват туман.

— Очень часто. Инквизиция должна разбирать случаи опасного колдовства. Должна устанавливать, было ли преступление и кто пострадал. В чрезвычайном порядке она получила право сперва обезвреживать, потом разбирать.

— Как удобно, что потерпевший не возражает после обезвреживания.

— Поэтому чрезвычайный порядок нельзя оставлять навсегда. А здесь его продлевали столько раз, что выросли люди, не знающие другого.

Гном съел несколько ложек.

— Почему ты служишь им? — спросил Рокх.

— Моему дому разрешают держать перевалы и больничные дворы. Мы признаём часть церковных правил, Престол признаёт наши обеты. Когда угроза выходит за возможности местных отрядов, зовут нас. Я принял поручение расследовать твои действия и остановить тебя, если угроза подтвердится.

— Войско слышало только последнее.

— Я тоже сначала слышал последнее. Потом посмотрел на брод.

— Земля сказала, что я хороший?

Ромгар положил ложку.

— Земля показала, куда пришлось удары. Хороший человек ты или нет, предстоит выяснить из другого.

В кухне кто-то уронил крышку. Нера выругалась. Из общего зала донёсся смех, короткий и нервный. Рокх вдруг понял, как давно не сидел в доме, где люди занимались своими делами и не ждали от него очередного решения.

Он не был уверен, что ему это нравится.

— И что будет после разговора? — спросил он.

— Пока не знаю.

— Необычная честность для человека Престола.

— Не делай из неё заслугу. Просто не знаю.

Ромгар придвинул к магу миску.

— Ешь. Потом расскажешь, с чего у тебя всё началось.

Рокх не собирался рассказывать о детстве.

Он начал с Владыки. Так было удобнее: могущественный хозяин, запретные книги, поручения, Источник под горами. Здесь всё можно было объяснить расчётом. Ромгар слушал, не перебивая, и только один раз попросил уточнить, видел ли Рокх своего хозяина в человеческом теле.

— Тогда нет.

— Значит, демоном ты его считал.

— Я знал достаточно, чтобы не спорить с его желаниями.

— Это я понял. Почему вообще пришёл к нему?

Рокх отпил воды.

— За знаниями.

— У тебя уже была школа. По рукам видно. Ты пользовался чарами раньше, чем научился брать чужое.

Маг посмотрел на свои пальцы. Они лежали возле миски совершенно неподвижно.

— Ты многое выводил из того, как человек держит ложку.

— Ты проверил еду на яд, не произнеся заклинания. Понюхал пар, коснулся края, потом только посмотрел силой. Так учат тех, кто ещё может умереть от обычной ошибки. Кто тебя учил?

За окном прошёл подросток с ведром. Вода плеснула на камни, и в запахе мокрой земли вдруг проступило давно забытое: поливочные канавки в саду, зелёная кожа недозрелых яблок, пыль на горячем подоконнике.

Рокх закрыл глаза не для того, чтобы вспомнить. Чтобы перестать видеть.

— Женщина по имени Мараэль.

— Она жива?

— Нет.

Ромгар подвинул кувшин ближе, убрал со стола пустую миску и ждал.

Молчание было неудобным. В нём не находилось ни вызова, на который можно ответить, ни жалости, которой можно оскорбить.

— Раньше меня звали Кинар, — сказал Рокх.

Он сам удивился тому, как просто прозвучало имя. Ромгар только кивнул.

— Кинар, — повторил гном, запоминая.

— Не называй меня так.

— Хорошо.

Это тоже оказалось неожиданным. Рокх привык, что найденной слабостью обязательно пользуются. Гном оставил имя лежать между ними и не потянулся к нему.

— Мне было двенадцать, когда заболели слуги. Сначала все думали, что виновата вода. У нас был нижний колодец, возле старой конюшни. Отец приказал закрыть его и носить воду из верхнего. Потом заболел сам.

Рокх говорил ровно, перечисляя, как будто составлял описание места после чужой смерти. Рассказ позволял держать прошлое на расстоянии. Но расстояние постепенно уменьшалось.

— Мать велела не входить в комнату. Я входил. Она уже не различала, кто принёс воду. Называла меня именем человека, который давно уехал из дома. Я тогда думал: если она не видит меня, значит, я могу делать всё правильно и никто не заметит.

Ромгар слушал, положив ладони на колени.

— Сестра боялась лекаря. Он пах дымом, потому что жёг какие-то травы перед дверью. Я говорил ей, что дым отпугивает болезнь.

Рокх остановился. Воспоминание пришло не картинкой, а тяжестью маленькой руки. Кожа была горячей. Потом, через несколько дней, он трогал ту же руку и не мог понять, почему она стала холоднее стены.

— Помогло? — спросил Ромгар негромко.

— Она перестала бояться дыма.

Гном опустил глаза.

За стеной Нера считала кому-то сдачу. Медные монеты звякали о дерево, одна за другой. Рокх смотрел на мокрый след от кувшина и продолжал, потому что остановиться теперь значило бы остаться в той комнате.

— К концу месяца дом опустел. Я не помню, сколько раз ходил за лопатой. Помню, как она становилась тяжелее к вечеру. Земля была сухая сверху и липкая внизу. Один из работников успел показать, как подрезать край, чтобы стенки не осыпались. Потом показывать было некому.

— У вас были соседи?

— Были. Мор не делает людей любопытными.

— А храм?

— Был храм. Были обещания. Я тогда перестал их различать.

Ромгар медленно провёл большим пальцем по краю стола.

— Двенадцатилетний ребёнок не должен заканчивать такое один.

Рокх усмехнулся без улыбки.

— Объясни это прошлому.

— Прошлому не объясню. Тебе скажу.

Маг хотел ответить резко, но не нашёл подходящих слов.

Рокх рассказал о женщине у ворот. О зелёном плаще и седой пряди возле виска. О том, как Мараэль не стала говорить, что всё будет хорошо. Сказала, что он не может остаться, и подождала, пока он возьмёт вещи. Он набил мешок бесполезным: медным подсвечником, отцовским ножом для бумаги, сломанной застёжкой. Она не заставила ничего выбросить. Через день пути он сам оставил подсвечник у дороги.

— Она знала твою семью?

— Возможно. Мне она этого не объяснила. Я слишком долго принимал спасение за ответ на все вопросы.

— А потом?

— Потом было что спросить важнее.

Лесной дом вспоминался яснее имения. Связки растений под потолком, деревянные ящики, подписи на склянках. Мараэль заставляла его узнавать корни с закрытыми глазами.

Ошибался — чистил ступки до ночи. Попытался однажды ускорить работу первым выученным заклинанием и расколол единственную большую миску.

— Она наказала?

— Велела сделать новую. Без магии. Я возился почти неделю.

Ромгар впервые улыбнулся, слушая историю о наставнице.

— Толковая женщина.

— Ты бы перестал так говорить, увидев некоторые её уроки.

— Возможно. Пока слышал об одном.

Рокх рассказал, как в шестнадцать лет впервые увидел настоящий поток силы. До этого считал, что магия живёт в произносимых словах. Мараэль поставила перед ним чашку, подняла её над столом и попросила объяснить, что именно держит воду внутри. Он перечислил всё, чему успел научиться. Она перевернула чашку. Вода осталась висеть.

— «Теперь перестань смотреть на посуду», — сказала она.

Ромгар хмыкнул.

— У нас сначала дают камень. И очень долго запрещают бросать его в учителя.

— У твоего дома, должно быть, огромный опыт.

— Нынешние дети считают себя изобретательнее предыдущих. Пока ни одному не удалось доказать.

Рокх поймал себя на том, что хочет рассказать ещё один случай. О том, как Мараэль заставила его продавать на рынке мазь, запах которой отпугивал покупателей сильнее, чем отпугивал насекомых. Он передумал. Такое воспоминание слишком легко делало мёртвую женщину живой.

Вместо этого рассказал о путешествиях, чужих школах, городах Карна. О том, как к двадцати пяти годам начал считать себя взрослым и однажды спросил наставницу, почему она не стареет.

— Она солгала?

— Нет. Сказала: обряд. Жертвоприношение.

Ромгар перестал улыбаться.

— Кого приносили?

— Я не знал всего.

— Это не ответ.

Рокх поднял глаза.

— Это единственный ответ, который у меня есть. Я узнал, чем она занимается, и остался учиться. Меня не держали.

Гном некоторое время молчал.

— Продолжай.

— Ты уже решил, что её следовало сжечь?

— Я решил, что хочу знать, кого она убила. Это не одно и то же.

Защитить Мараэль от белого плаща было легче, чем ответить на этот вопрос. Рокх почувствовал, как в нём поднимается злость.

— Она лечила тех, кто не мог заплатить храму, — сказал Рокх. — Вытаскивала людей из лихорадки. Принимала детей, от которых отказывались собственные семьи. Могла быть жестокой. Но она не насылала мор на деревни.

— Я слышу.

— Орден этого не слышал.

Слова стали короче.

Он рассказал о возвращении. О пепелище, где ещё торчала железная петля от входной двери. О табличке со знаком Святого Ордена Ищущих. О тщательно написанном приговоре,

не оставлявшем места для вопроса. Дом был уничтожен вместе с содержимым. Не книги отобраны, не свидетели собраны. Просто огонь, зола и объяснение для прохожих.

— Ты видел её тело? — спросил Ромгар.

— Я видел достаточно.

— Мне нужно знать, что ты видел сам.

Рокх стиснул край стола.

— Не превращай её смерть в задачу.

— Не превращаю. Продолжай так, как помнишь.

— Я нашёл их на второй день. Тридцать семь. Жрецы и вооружённые послушники. Они разбили лагерь, ели, спорили, ставили дозоры. Всё было обыкновенно. Меня больше всего разозлило именно это.

Он посмотрел на закрытую дверь комнаты. За ней кто-то попросил ещё хлеба.

— Они уже закончили с ней, — сказал Рокх. — И жили дальше.

Ромгар не шевельнулся.

— А ты решил, что не будут.

— Да.

На этот раз Рокх не стал подбирать другого слова.

О расправе Рокх рассказал без подробностей, которыми мог бы гордиться.

Зелёный огонь. Тьма из погасшего костра. Жизнь, уходящая из тел и возвращающаяся к нему. Он помнил число людей, но не все лица. Некоторые успели повернуться, другие так и остались для него силуэтами между палаток.

Ромгар слушал, опустив голову. Когда Рокх закончил, гном спросил:

— Ты знал, кто из них отдавал приказ?

— Знал знак, под которым они пришли.

— Я спросил о людях.

— Они были вместе.

— Тев сегодня тоже был вместе с Геллом.

Рокх посмотрел на него долго и тяжело.

— Не сравнивай.

— Почему?

— Потому что ты не стоял перед тем домом.

— Не стоял. Но сегодня ты дал мне разобраться с Тевом, хотя было проще его убить.

Поэтому я и спрашиваю, существовала ли разница тогда.

Рокх отвёл глаза. В узкой полосе света возле окна висела пыль. Каждая частица опускалась по собственной траектории, и он вдруг слишком ясно увидел, насколько легко было бы заставить их все двигаться одинаково.

— Я не искал разницы.

— Теперь понимаю.

— И что ты понял?

Ромгар сложил руки на столе.

— Что у тебя отняли дом, потом человека, который заменил его. Что никто не помог тебе удержать ни то ни другое. И что в тот вечер ты убивал уже не только тех, кто съёл Мараэль.

Маг резко поднял голову.

— Ты очень уверен.

— Нет. Поэтому говорю о том, что слышу. Ты можешь поправить.

Рокх хотел сказать, что не нуждается в поправках, но это прозвучало бы нелепо даже для него. Он рассказал о смене имени. Кинар остался среди сожжённых палаток. Рокх был удобнее: имени не требовались объяснения, у него не было детской комнаты, сестры, дома в лесу. С новым именем проще входить в места, куда прежнего человека не пустили бы.

— И к Владыке пришёл уже Рокх, — сказал гном.

— Да.

— Он обещал, что ты больше не будешь слабым?

— Он не был настолько глуп. Обещал книги. Доступ к тому, что я не сумел бы найти сам. И показывал достаточно, чтобы хотелось следующего.

Ромгар медленно кивнул.

— За каждую дверь — ещё одно поручение.

— Ты знаком с такими учителями?

— С такими договорами.

Рокх говорил о замке Урготрон, о сфере над остатками трона, о голосе, которому приходилось придавать словам форму через тьму. Рассказ перестал быть воспоминанием о горе и снова стал цепью решений. Здесь ему было легче.

Он объяснил, почему отправился за Источником и почему хотел получить его раньше хозяина. Рассказал о гномьих картах и спрятанных линиях. Сказал, что забрал недостающий участок у двух братьев.

Ромгар поднял взгляд.

— Купил?

— Нет.

— Украл?

Рокх помолчал.

— Убил их.

За стеной скрипнула половица. На этот раз оба услышали её слишком отчётливо.

Ромгар не двинулся к оружию. Ладони оставались на столе, но правая сжалась так, что побелели старые шрамы возле пальцев.

— Имена.

Рокх почувствовал, как рассказ упирается в то место, которое он обычно обходил быстрее всего.

— Брейндер. Берингор. Из Серых Гор.

— Почему?

— Они знали о поисках.

— И?

— Могли привести других.

— Могли.

Ромгар ждал. Рокху стало хуже, чем от крика.

— Брейндер был силён, — сказал маг. — Его велели сохранить. До определённого времени.

— Но ты решил раньше.

— Я решил не оставлять свидетелей.

Ромгар поднялся. Стул коротко скрипнул по полу. Гном подошёл к окну и закрыл задвижку, чтобы их не слышали со двора.

— Они напали первыми?

— Я потребовал карту. Они отказались.

— Ответ получил.

— Ты хочешь, чтобы я изложил всё как в храмовом протоколе?

— Хочу, чтобы мы оба не забыли, что у отказа было право существовать.

Рокх откинулся на стуле.

— Теперь ты собираешься отомстить за гномов?

Ромгар посмотрел на него так, что магу на мгновение показалось: короткий бой у ручья был только вежливым предупреждением.

— Если бы они были людьми, тебе стало бы легче рассказывать?

— Нет.

— Тогда зачем предлагаешь мне удобную причину?

Гном сел. Передвинул миску, хотя давно закончил есть. Ему нужно было что-то сделать руками, и он не скрывал этого.

— Я знал людей, которые считали чужую смерть допустимой ценой своей работы, — сказал Ромгар. — Некоторые носили мой знак. Я не стану говорить тебе, что понимаю убийство этих братьев. Не понимаю. Понимаю мальчика, оставшегося в пустом доме. Того человека, который забрал карту, хочу видеть яснее.

Рокх долго молчал.

Он мог уйти. Топор лежал под столом, а гном заметно устал после лечения. Дорога до двери была короткой. Можно было закончить рассказ удобной ложью и оставить Ромгара выяснять, кто из них ошибся. Вместо этого Рокх услышал собственный голос:

— После них горгулья убила хозяина трактира и подавальщицу. Я велел закончить там.

Ромгар закрыл глаза.

Когда открыл, в них не было примирения. Рокху почему-то стало легче именно от этого.

— Запомнил, — сказал гном.

— Зачем?

— Чтобы потом не слушать, будто все твои жертвы носили оружие.

— Ты их имён не знаешь.

— Ты тоже не назвал.

Рокх отвернулся. В памяти была женщина с подносом. Он оставил её горгулье и ушёл в тень. Дальше история продолжалась без неё. Так легко продолжалась, что он почти никогда не задерживался на этом месте.

За дверью постучали.

Нера вошла с чайником и чистыми чашками, увидела их лица и поставила поднос без слов. Пока разливала травяной настой, Ромгар спросил о Марене. Рута закончила вправлять кость, больной уснул. Лошадь поили. Телегу подперли. Из шести мешков два оказались отсыревшими снизу.

— Высушите в амбаре, — сказал гном. — Я позже посмотрю, сколько пригодно в пищу.

— Ты снова распоряжаешься моим амбаром?

— Прошу.

Нера задержала на нём взгляд.

— Вот это уже лучше.

Она ушла. Запах горячих листьев медленно вытеснил мясной пар. Ромгар подвинул чашку Рокху, не глядя на него.

— Почему ты рассказываешь? — спросил он.

Маг коснулся горячей керамики.

— Хотел узнать имя мира.

— Уже узнал.

— Ты спросил, кто меня учил.

— Уже ответил.

Рокх усмехнулся, но привычная ирония не помогла.

— Потому что ты заметишь, если я начну пропускать самое важное.

— Не всё замечу.

— Я тоже не всё помню.

— Тогда разделяй. Что помнишь, что предполагаешь, что хотел бы забыть.

Рокх подумал, что Даргош оценил бы такой разговор. Потом вспомнил, почему больше не может услышать его настоящего ответа.

— Был ещё один маг, — сказал он. — Даргош.

Но сперва пришлось рассказать о северной дороге, воздушном судне гоблинов и существе, которое тогда ещё не умело ни есть хлеб, ни задавать неудобные вопросы. Ромгар слушал, время от времени уточняя устройство корабля. На словах о паровом генераторе оживился, попросил объяснить, как держался правый винт. Рокх раздражённо ответил, что тот как раз держался плохо.

— По крайней мере, это похоже на настоящую машину, — заметил гном.

Рассказ ненадолго стал легче. Гракк, красный рычаг, буря. Страх за баллон, холод в охотничьем домике, попытки сберечь силу до цели. Рокх всё чаще говорил «мы» — так же естественно, как тогда.

— Видящий был твоим созданием? — спросил он, когда Рокх дошёл до превращения горгульи.

— Я изменил его тело. Дал кристалл. Направил силу.

— А сознание?

— Оно росло. Менялось. Я не знаю, что именно было там прежде.

— Он мог тебе отказать?

Рокх посмотрел на чашку. По краю шла тонкая трещина, заполненная старой смолой. Нера не выбросила повреждённую вещь — починила и продолжала пользоваться.

— Позднее он пытался, — сказал маг.

Ромгар отставил настой. Теперь он понял, к чему движется рассказ.

Даргош появился в рассказе сначала противником.

Рокх говорил о старом Ордене Тёмных Магов, о человеке, оставшемся после его гибели, о споре за ключ и заклинании, которое удерживало тело, забыв о тени. Здесь гном задавал вопросы охотно. Его интересовали способы плетения и то, почему два мага не закончили встречу трупом одного из них.

— Потому что каждый знал часть дороги, — ответил Рокх. — И потому что стало ясно: в одиночку дальше не пройти.

— Значит, смогли договориться.

— На время.

— Большинство договоров сначала такие.

Рокх рассказал о Вратах и пространстве между звёздами. О дорогах, меняющихся от взгляда, и кольцах, возле которых обычные расстояния теряли смысл. О существах, похожих на китов, только на их коже горели созвездия. Ромгар несколько раз открывал рот, чтобы спросить, потом закрывал. Наконец взял у Неры кусок угля и начал рисовать на обратной стороне счёта.

— Так?

На бумаге появилась дорога между двумя неровными кругами.

— Нет. Ты всё ещё рисуешь место, которое можно обойти сбоку.

— А там нельзя?

— Можно. Но сбоку может оказаться другой мир.

Гном долго разглядывал рисунок.

— Тогда я пока ничего не понял.

Рокх рассмеялся от неожиданности. Ромгар оставил уголь на столе.

Маг продолжил. Даргош в этих воспоминаниях переставал быть последним носителем древнего знания. Оказывался уставшим человеком, который прятал боль в раздражении, умел развести огонь и сердился, когда Видящий отвлекал всех от важного ради вкуса еды. Рокх рассказал о хлебе. О первом укусе, о том, как существо с новым телом не могло понять, почему ему раньше не объяснили такую простую вещь.

— И ты дал ему время поесть? — спросил гном.

— Дал.

— Хорошо.

Рокх резко поднял глаза.

— Не спеши.

— Я сказал о хлебе.

Маг замолчал.

Рокх рассказал о погибающей звезде и Голодном страннике. Не о том, что видел чужими глазами после поглощения, — до этого ещё предстояло дойти. О первом ужасе перед существом, для которого целые миры могли оказаться пищей. О Хеме, о Собирателях, о том, как дороги возвращали спутникам раны, страхи и чужую память. Некоторые переходы он изложил коротко, потому что сам не был уверен, какое время там считалось настоящим.

Ромгар не требовал стройной карты. Спрашивал только, когда неопределённость меняла смысл следующего решения.

— Ты знал, что эта тень убьёт Даргоша?

— Видел, как она входит в его потоки.

— Знал или считал неизбежным?

— Считал, что времени почти не осталось.

Гном кивнул.

Рассказ подошёл к морю. Рокх видел его перед собой так ясно, будто вместо окна в комнате стояло белое кольцо. Три углубления. Для ключа, открывающего и тени проводника. Даргош отказался. Видящий убрал руку. Путь можно было не открывать.

Здесь Рокх замедлился.

— Ты хотел забрать силу до того, как её возьмёт кольцо, — сказал Ромгар.

— Да.

— Даргош согласился?

— Нет.

— Тогда зачем говоришь так, будто выбирали между двумя способами помочь ему?

Рокх сжал чашку. Керамика жалобно скрипнула.

— Я говорю, как было.

— Пока говоришь, что хотел. Как было?

Маг поставил чашку.

— Он сопротивлялся. Я не дал Видящему вмешаться. Схватил Даргоша за поток и начал тянуть.

Дальше слова шли тяжело, но уже без остановок. Фиолетовая сила, чужие годы обучения, поднявшаяся тень, кровь на груди. Последние слова Даргоша, обращённые не к нему. Рокх не повторил их дословно. Сказал только, что Даргош велел Видящему не позволять назвать убийство необходимостью.

Ромгар долго смотрел на стол.

— Он понимал тебя.

— Возможно, лучше, чем я думал.

— Ты мог отпустить?

В памяти золотая сила снова ударила между их руками. На одно мгновение сопротивление ослабло. Рокх увидел Даргоша, падающего у кольца живым. Увидел закрытую дорогу. Увидел угрозы, которые могли прийти позже.

— Мог.

— Но не отпустил.

— Нет.

Из печи осыпался уголёк. Оба повернули головы на короткий треск, словно звук дал им разрешение перестать смотреть друг на друга.

Ромгар поднялся, достал топор из-под стола и поставил у стены. Рокх напрягся.

— Убираю подальше от руки, — сказал гном. — Мне нужно слушать, а не решать быстрее, чем дослушал.

Это было первое признание того, сколько ему стоит разговор.

Рокх вдруг понял, что не только он сам остаётся в комнате по собственной воле.

— Можем закончить, — сказал маг.

— Ты закончил историю?

— Нет.

— Тогда я ещё не закончил слушать.

Рокх заговорил о Видящем после смерти Даргоша. О жезле, который спутник не хотел отдавать. О страхе, становившемся видимым благодаря украденному зрению. О хозяйской связи, существовавшей дольше, чем он предпочитал признавать.

Он пытался сказать, что удерживал Видящего ради его безопасности. Сам услышал, как это прозвучало, и остановился.

Ромгар не помог.

— Мне нужен был открывающий, — сказал Рокх наконец. — Он мог уйти. Я этого не хотел.

Гном кивнул.

— Теперь дальше.

Владыка вернулся в рассказ уже человеком из старой памяти. Серебряная женщина, печать, отказ, попытка присвоить чужую силу ради спасения мира. Рокх рассказал, как узнал в чужих доводах собственные. И как всё равно продолжил изучать печать.

— Ты считаешь, что это воспоминание было правдивым? — спросил Ромгар.

— Я видел то, что мне показали. Владыка мог выбирать, что оставить.

— Но опасность печати ты понял.

— Да.

Когда Рокх дошёл до семи кругов и незамкнутой линии, за окном стало заметно темнее. Облако закрыло солнце. В комнате оставался только красный свет печи.

Маг рассказал о клятве памятью сестры и повторил слово «прежняя», которое вставил, чтобы сохранить для себя выход.

Ромгар медленно выдохнул через нос.

— А он слышал.

— Услышал.

— И всё ещё надеялся, что ты остановишься.

Рокх не ответил. В горле стояло что-то сухое, мешавшее проглотить воду.

Он рассказал о прямом приказе войти в круг. О сопротивлении Видящего. О том, как человеческие ноги двигались вопреки воле, как щупальца прежней формы цеплялись за пол и одно за другим отпускали. Это было самое трудное место: здесь уже нельзя было говорить, что он только направил чужую силу. Он заставлял живое существо делать то, чего оно не хотело.

Ромгар поднял ладонь.

— А проход? Он всё ещё был закрыт?

Рокх усмехнулся с ненавистью к себе и собеседнику.

— Ты не позволяешь мне оставить хоть одну удобную часть.

— Позволяю. Только не вместо остального.

Портал открылся. Силы хватало на двоих. На один переход, после которого Видящий мог уйти. Печать обещала другое: сохранить дорогу внутри себя, больше не зависеть от чужого согласия. Рокх описал этот выбор коротко. Потом сказал, что завершил последнюю линию.

Гном отвернулся.

Рокх рассказал о поглощении, о чужой памяти и надежде, вошедшей последней в его сознание. О том, как сила стала разрывать его тело. О бегстве на звёздные пути и о голосах, которые с тех пор всплывают внутри, не становясь настоящим разговором.

Он не сказал, что Видящий простил его. Не сказал, что Даргош продолжает жить в привычном смысле. У этих слов было слишком мало основания.

— Я думал, у Первого узла можно будет вернуть их, — произнёс маг.

— Кто сказал?

— Существо на дороге. Оно говорило иначе. Что можно пойти туда, куда они ушли.

— Значит, это надежда.

— Да.

Ромгар помолчал.

— Ты хочешь вернуть их самих или сделать так, чтобы случившееся перестало быть твоим поступком?

Рокх поднялся так резко, что стул упал.

Печь погасла. Не совсем — огонь прижался к углям, будто над ним сомкнулась ладонь. Тени под столом вытянулись. За стеной стих разговор.

Ромгар сидел неподвижно. Топор стоял слишком далеко от руки. Гном сам поставил его туда.

Рокх видел открытое горло, старую рану в правом плече, медленный тёплый поток у сердца. Видел, как легко было бы назвать вопрос провокацией, а свой ответ — защитой.

Он втянул тьму.

Огонь в печи снова поднялся.

— Ты не имеешь права, — сказал маг тихо.

— Спрашивать? Имею. Отвечать за тебя — нет.

Рокх стоял, тяжело дыша. Потом поднял стул, поставил его на место и сел.

— Не знаю, — произнёс он.

Ромгар смотрел на него ещё несколько мгновений.

— Это тяжёлый ответ, — сказал гном. — Но с ним хотя бы можно идти дальше.

За дверью послышались шаги. Нера толкнула створку локтем, держа в руках лампу.

— Если снова будете гасить печь, сами и разжигайте. У меня тесто подходит.

Она поставила лампу, посмотрела на следы ножек от упавшего стула и ушла. Ни один из них не улыбнулся.

Ромгар потёр лицо ладонью.

— Я понимаю, почему ты ненавидишь тех, кто приходит отнимать под знаком добра, — сказал он. — И понимаю, почему от тебя хотели уйти. Одно не мешает другому.

Рокх сидел, глядя на собственные руки.

— После всего, что услышал, ты ещё собираешься говорить о своём мире?

Гном придвинул лампу к середине стола.

— Да. Прежде чем решать, как отсюда уйти, тебе стоит узнать, кто здесь распоряжается дорогами.

Ромгар развернул на столе лист, снятый с телеги.

Бумага пахла мокрым деревом. Внизу стояли три печати: сельского старосты, сборщика зерна и походного казначея. Имена были написаны разными чернилами, суммы — одной рукой. Рокх наклонился ближе. Там, где чернила казались чёрными, магическое зрение различало слабый белый след.

— Приказ связан с людьми? — спросил он.

— С дворами. Пока долг числится, их зерно могут изъять на любой заставе. Даже если хозяин уже умер.

— Ты поэтому забрал лист.

— Я поэтому записал, что груз задержан для проверки. Это не отменяет сбор, но заставит казначея показать основание.

— А он покажет новую бумагу.

— Вероятно.

— И ты покажешь ещё одну.

— Пока могу. Когда не смогу, придётся выбирать другое.

Рокх откинулся на стуле.

— Ты слишком хорошо понимаешь устройство вашей машины, чтобы считать всё ошибкой нескольких людей.

— Я давно так не считаю.

Ромгар достал маленький нож и начал счищать засохшую грязь с края печати. Это была привычная работа, помогавшая говорить о неприятном.

— Мне сто восемьдесят семь лет, — сказал он. — Для нашего рода возраст рабочий. Старики ещё спорят со мной из вежливости. Первый топор я получил раньше, чем первую дорожную грамоту, и долго думал, что это правильный порядок.

— Теперь думаешь иначе?

— Теперь знаю, сколько дров можно нарубить человеком, который умеет приказывать и не умеет читать то, что подписывает.

Гном перевернул правую ладонь. На коже от основания большого пальца к запястью тянулся бледный рубец. Два пальца были толще остальных, словно кости срослись не совсем правильно.

— Это не после войны. Шахта Тарн. Восемидесятый год моей службы дому. Внизу добывали белый камень для церковных зеркал. Начались обвалы, потом у рабочих пошли судороги. Надзор решил, что в нижних ходах поселилось чужое колдовство.

Рокх молчал.

— Мне выдали приказ перекрыть третью штольню. В бумаге было сказано, что людей вывели. Я проверил печати. Подписи. Разрешение местного старшего. Всё сходилось.

Ромгар провёл ногтем по рубцу.

— Землю не послушал. Торопился. Уже наверху услышал удары.

— Там оставались люди.

— Да. Смену не пересчитали. Один десятник решил, что мастер знает. Мастер решил, что начальник получил список. Начальник видел только число в отчёте. А я видел разрешение.

За окном скрипнули колёса. Рокх не повернулся.

— Ты открыл штольню?

— Открыл. Не сразу. Когда камень уже осел, вынуть его аккуратно труднее, чем поставить. Подпирал плечом и силой, пока другие вытаскивали людей. Руку раздробило. Четверых не успели.

— Сколько спас?

Ромгар посмотрел на него.

— Спасённых перечисляю, когда надо знать, кто жив. Ты сейчас предлагаешь вычестить их из четверых.

Рокх усмехнулся без веселья.

— Удобная привычка.

— Очень. Поэтому и запомнил, как работает.

Гном убрал нож.

— Я мог вылечить руку лучше. Но пока держал свод, потратил слишком много жизни. Когда до меня дошла очередь, сращивали уже обычным способом. Потом правили ещё дважды. Сейчас работает. Не до конца, зато свою ошибку помню даже в перчатках.

— Ты носишь её как наказание?

— Как повреждение. Не всякой боли нужен красивый смысл.
Это понравилось Рокху больше всего, что гном сказал о себе.

— Кто отвечал за приказ?

— Двух чиновников сняли. Одного перевели. Казначей признал расходы на похороны, но не расходы на вдов: в бумагах рабочие значились временными. Я спорил три года.

— Добился?

— Часть выплатили. Через четыре года одна из женщин вышла замуж и потеряла право на остальное. Другая умерла раньше решения.

Рокх посмотрел на лист о зерне.

— И ты всё ещё носишь печать.

— Если бы я выбросил её тогда, сегодняшнего Марена вывели бы из таверны вместе с зерном. Но это не значит, что печать следует держать любой ценой.

Гном говорил без гордости. Правая кисть лежала на столе ладонью вверх.

Рокх спросил о семье. Ромгар ответил не сразу, словно решал, насколько можно впускать собеседника в ту часть жизни, которой тот ещё не коснулся.

— Младшая сестра, Дорна. Заведует запасами в верхнем доме Кхаз-Руна. Письма пишет короткие. Обычно сообщает, сколько я задолжал за потерянное снаряжение.

— Жена?

— Нет.

— Дети?

— Ученики. Они тоже умеют требовать невозможного, но их хотя бы можно отправить к другому наставнику.

Он достал из мешка небольшой свёрток. Внутри лежали кусочки чёрного хлеба, высушенные почти до камня.

— Дорна прислала с последним обозом. Говорит, внизу нас кормят так, что скоро перестанем отличать мясо от подошвы.

— Судя по хлебу, она не желает исправлять положение.

— Этот переживёт любой поход. В отличие от хорошего мяса.

Гном отломил кусочек, положил в горячий настой и подождал, пока тот размокнет. Рокх подумал о том, что в рассказе Ромгара ещё есть живые люди, которым можно написать. Почему-то это казалось почти неприличной роскошью.

Ромгар развернул второй лист — настоящую карту, испещрённую мелкими пометками. На ней были реки, перевалы, населённые места. Маг заметил, что знаки больничных дворов нанесены ярче храмов.

— Это Илий целиком?

— Нет. Только земли вокруг Светограда и пути к восточному нагорью. О целом мире у нас спорят не меньше, чем о древнем имени. Северные моря мешают картографам быть самоуверенными.

Он показал реку.

— Серая. Ты бился у верхнего брода. Мы сейчас здесь, ниже по течению. К востоку начинаются меловые холмы. Дальше — старые водосборники и Башня Круга. Прямая дорога идёт через церковные заставы. Есть служебный путь, вдоль подземных отводов. Его знают дорожные мастера.

— Ты знаешь?

— Начало. Я чинил там опоры тридцать лет назад. Дальше были закрытые участки. Нас не пустили.

— Чем объяснили?

— Опасностью старых узлов. Возможно, не солгали.

Рокх коснулся изображения башни. На бумаге её окружали только три кольца.

— Их семь.

— Сейчас. Карте больше сорока лет. Художник нарисовал три.

— Он мог ошибиться.

— Мог. Поэтому я не делаю из рисунка пророчество.

Гном передвинул карту ближе к лампе.

— Старые дома считают, что Илий был местом договоров между народами, которые не доверяли друг другу на собственной земле. Здесь строили приюты, рынки, переходы. Башни следили за дорогами и водой. Потом часть путей исчезла. Появились земли, куда нельзя было войти без болезни, и места, где часы расходились на целый день.

— Когда?

— Надёжные записи начинаются слишком поздно. До них — пересказы, запреты и книги, из которых вырезаны листы. Называют разные века. Я не стану выбирать тебе удобный.

Рокх кивнул. Он слишком хорошо знал древние источники, в которых каждое поколение переписчиков делало незнание более торжественным.

— А солнце?

Ромгар поднял взгляд к окну.

— Зелёный венец был до моего рождения. Дорна помнит рассказы деда, который уверял, что его дед видел чистый свет. Проверить невозможно. За последние годы зелени стало больше. Вода портится в закрытых колодцах. Некоторые растения растут быстро, а потом оказываются пустыми внутри. Лекарки называют это истощением света. Проповедники — следствием тайного колдовства.

— Ты веришь лекаркам.

— Я верю, что можно разрезать стебель и увидеть пустоту. Кто её сделал, ещё надо выяснить.

Рокх рассказал о барьере вокруг звезды: о пластинах, каждая размером с город, о знаках, которые не отражали сияние, а словно процеживали его. О том, как проход открылся перед ключом и захлопнулся за спиной. Ромгар слушал внимательно, записывая несколько слов на краю карты.

— Если это действительно вокруг звезды, — сказал он, — ни один наш собор не видел сооружение целиком.

— А распоряжается так, будто построил.

— Люди часто распоряжаются тем, что нашли раньше соседей.

Гном ткнул пальцем в семь коротких линий, которые Рокх нарисовал вместо прежних трёх.

— Ты считаешь, башня связана с барьером.

— Потоки сходятся к ней. Это я видел. Что она делает — не знаю.

— Тогда ты нужен мне живым.

Рокх поднял глаза.

— Наконец дошли до честной части.

— Она началась раньше. Просто тебе легче слышать пользу, чем всё остальное.

Гном свернул карту не до конца, оставив на виду дорогу к восточным холмам.

— В моём доме лежат дети, у которых свет больше не держится в крови. Их лечат, им становится лучше, потом всё начинается снова. Я приехал к Варну в том числе из-за этого. Он обещал доступ к наблюдениям Башни. Вместо наблюдений выдал сведения о некроманте, от которого происходят все беды.

— И ты решил проверить некроманта.

— Да. Теперь проверю вторую часть обещания.

Рокх коснулся края карты.

— Ты ещё не спросил, что было у западных ворот.

— Собирался. Сначала хотел услышать про твоё появление здесь.

Маг рассказал о зелёно-белой звезде, дороге, которой пришлось позволить выбирать направление, и ударе, выбросившем его среди развалин. О шестипалых фигурах со сбитыми лицами. О ключе, рассыпавшемся в ладони, и лесном пути, где каждую ночь приходилось убеждаться, что дар Видящего ещё с ним.

Ромгар слушал особенно внимательно, когда речь заходила о разрушенных городах. Просил описать форму арок, расположение чаш, ширину плит. Несколько раз находил на карте старые отметки, но тут же отказывался от них: место не совпадало, описание не подходило.

— Шесть пальцев на обеих руках? — уточнил гном.

— На тех изображениях, где руки сохранились. Лица уничтожили намеренно.

— В нижнем архиве Кхаз-Руна есть похожие прорисовки. Их сняли со стены, которую позже разобрали на облицовку. Я считал, что резчик ошибался в счёте.

— На десятках фигур?

— На прорисовке было две. С десятками придётся разобраться.

Он записал возле старых развалин вопрос, не ставя уверенного знака.

Рокх дошёл до Светограда. В отличие от рассказа о Владыке, здесь нельзя было положиться на неведение слушателя. Гном уже ходил по полям сражений, говорил с людьми, имел доступ к донесениям. Магу пришлось следить не за тем, чтобы история выглядела убедительной, а за тем, чтобы не пропустить собственные действия между чужими приказами.

— Они распознали ауру, — сказал он. — Для них я уже был тем, кого требовалось уничтожить.

— Кто первым отдал приказ?

— Эрд. Он не хотел слушать. Лиор пытался возразить, потому что на дороге стояли горожане.

Ромгар кивнул.

— Имя слышал.

— Эрда?

— Обоих. Продолжай.

Рокх рассказал о трёх щитах и копье света. О пепле, который он поднял, вложив в каждую частицу крошечный узел огня. О том, как частицы тянулись к теплу живых тел.

Ромгар перестал писать.

— Ты мог отличить стражника от горожанина?

— Мог.

— В этом заклинании различие было?

Рокх посмотрел на его неподвижную руку.

— Нет.

— Почему?

— Мне нужно было остановить хор. Свет мешал пройти. Пепел должен был заставить их погасить знаки или сгореть от собственного очищения.

— Они погасили?

— Один из жрецов коснулся облака пламенем.

— И загорелись все, на ком был пепел.

— Да.

Ромгар положил перо.

— Значит, Эрд приказал ударить сквозь людей. А ты ответил способом, который тоже не оставлял им защиты.

— Я не пришёл убивать горожан.

— Я спрашиваю не о том, зачем пришёл.

Рокх провёл ладонью по лицу. Пепел не различал людей — этого теперь нельзя было обойти словами.

— Я выбрал заклинание, — сказал он. — Не проверив, кто успеет уйти.

Гном записал несколько слов.

— Я приложу это к своему отчёту.

Рокх поднял глаза.

— Ты будешь защищать меня и приложишь признание?

— Я пока выясняю. Если стану защищать, не стану для этого лгать. Иначе мой отчёт будет отличаться от Варнова только именем человека, которому он выгоден.

Маг посмотрел на лист. Ромгар не прятал написанное. Там не было слов «чудовище», «раскаianie» или «невиновность». Были действие, результат и указание, что сведения получены от самого участника. Рядом с чужими показаниями гном оставлял место для проверки.

— Думаешь, тебя кто-нибудь станет читать?

— Не все. Кому-нибудь придётся, если доживём до спора.

— Тебе нравится надеяться на далёких разумных людей.

— Мне не нравится оставлять только удобные бумаги тем, кто придёт после нас.

Они поговорили о дороге, где Гелл выставил жителей трёх деревень перед спрятанным хором. Здесь Ромгар задавал меньше вопросов: он уже видел разрушенные подземные камеры, знал о Великом Зеркале и о том, что люди на тракте остались живы.

— Там ты нашёл другой способ, — сказал гном.

— Было больше времени посмотреть.

— И больше силы.

— Да.

— Значит, выросла не только опасность от тебя. Возможность выбирать тоже выросла.

Рокх усмехнулся.

— Ты умеешь сделать из любого приобретения новую обязанность.

— А ты умеешь сделать из любой трудности разрешение. Может быть, поэтому нам ещё есть о чём разговаривать.

В этот раз маг не ответил резко. Подвинул к себе карту и указал на дорогу, по которой отступал после последнего боя.

— Здесь они жгли лес, уже потеряв мой след. Я видел свет с холма. Можно было пойти назад и ударить по обозу.

— Почему не пошёл?

— Потому что это удержало бы меня ещё на день. Я искал тех, у кого есть сведения. Встретил Иллиса.

— А теперь у эльфов новый союзник и прежний пожар возле дома.

— Я уже увёл от них войско.

— На время разговора. Не забудь, что время кончается.

Рокх посмотрел на окно. В стекле отражалась лампа, а за ней — зелёный сумрак. До вечера оставалось меньше, чем он думал. За время рассказа войско никуда не исчезло.

Ромгар заметил его взгляд.

— Отправим весть, как только закончим здесь. Хельва знает, где меня искать.

— Ты доверяешь ей полностью?

— В том, что она выведет людей из-под огня, — да. В том, что согласится с каждым моим решением, — нет. Иначе послал бы не её.

Рокх медленно кивнул.

В общем зале хлопнула дверь. Кто-то вошёл быстро и тяжело, в мокрых сапогах. Нера заговорила громче обычного:

— Стой там. На пол не ставь. Я сказала — на пол не ставь!

Ромгар замер с картой в руках.

Из-под двери протянулось тонкое белое свечение.

Ромгар вышел первым.

В общем зале стояли пятеро. Двое носили дорожные кольчуги и короткие белые накидки. Третий, пожилой сборщик с кожаной папкой, держал перед собой лист так, будто тот мог защитить от Нериного ножа. Четвёртый остался у двери. Пятый сидел на корточках возле тяжёлого фонаря, заключённого в медную клетку.

Свет внутри был белым, почти синим по краям. Он не освещал комнату равномерно, а цеплялся за предметы отдельными нитями. Одна тянулась к мешкам возле кухни, другая — к дверям амбара. Третья ушла под потолок, куда спряталась кошка.

— Я сказала, не ставьте это на доски, — повторила Нера. — В прошлый раз у меня пол неделю белел.

— Проверка походного имущества, — ответил сборщик. — Груз, направленный в церковное хранилище, был самовольно задержан.

Ромгар показал печать.

— Задержан мной. Человек ранен, телега повреждена. Груз под опись.

Сборщик узнал его и заметно растерялся.

— Мне велели проверить...

— Проверяй. По весу. Фонарь погаси.

Человек возле клетки поднял голову. На виске у него пульсировала жилка. Он держал рукоять обеими руками, хотя фонарь уже стоял на полу.

— Не гаснет, почтенный.

Рокх подошёл ближе.

Он увидел проблему сразу, но не целиком. Внутри фонаря находилась тонкая пластина белого камня. По ней шли обозначения дворов — такие же, как на листе из телеги. Сборщик принёс устройство для опознания помеченного груза. Однако нижняя нить, которая должна была замыкаться внутри клетки, уходила в пол и дальше, в старую кладку под таверной.

Дренаж дороги отвечал свету.

— Где вы его включили? — спросил Рокх.

Сборщик отступил, узнав лысую голову.

Один из воинов поднял меч. Ромгар перехватил запястье и опустил клинок так спокойно, словно помогал убрать инструмент после работы.

— Он спрашивает о фонаре. Отвечай.

— На мосту, — сказал человек у клетки. — Печать не читалась. Я усилил.

— Сколько раз?

— Дважды.

Белая нить под потолком натянулась. Кошка зашипела, сорвалась с балки и упала на лавку. Возчик попытался подхватить её, но отдёргнул обожжённую ладонь.

Ромгар повернулся к Нере.

— Выведи людей через кухню. Во двор, дальше от стены. Руту позови к Марену. Его пока не двигайте.

— Что происходит?

— Сейчас объясню. Сначала люди.

Нера не стала требовать подробностей. Ударила ладонью по стойке и заговорила тем голосом, которым, видимо, поднимала дом при настоящем пожаре. Возчики бросили миски. Торговка сгребла монеты вместе со скатертью. Подросток, помогавший с телегой, распахнул дверь кухни.

Фонарь потянулся к нему тонким лучом.

Рокх перерезал нить тенью. Белый свет вспыхнул, ударил по меди и разошёлся ещё на четыре ответвления.

— Не руби, — сказал гном. — Он считает потерю связи попыткой спрятать имущество.

— Устройство считает мальчика мешком ячменя?

— Его двор внесён в список.

Рокх почувствовал ярость, холодную и ясную.

— Великолепная работа ваших мастеров.

Ромгар не ответил. Уже стоял на коленях возле клетки, опустив ладони на доски. Внизу, под домом, вода начала двигаться быстрее. Где-то лопнула глиняная труба.

Человек у фонаря застонал. Свет входил ему в пальцы через рукоять. Он пытался отпустить, но кисти сводило судорогой.

— Имя, — коротко спросил Ромгар.

— Орен.

— Орен, не тяни. Я освобожу. Когда скажу — уберёшь правую руку. Не обе.

Рокх увидел простой выход. Остановить жизненные потоки всех, кого устройство распознало как должников. На несколько мгновений тела станут для фонаря мёртвыми, связь погаснет, пластину можно разбить. Живые могли пострадать, но большинство, скорее всего, пережило бы короткую остановку. Быстрее всего было начать с человека на рукояти.

Маг поднял ладонь.

Ромгар посмотрел на него.

— Что собираешься делать?

— Прервать связи через людей. Ненадолго.

— У Марена мало крови. Он этого не выдержит.

— Тогда отдельно...

— Ты можешь гарантировать?

Рокх увидел больного в комнате Руты. Рванный сосуд удерживался тонким жёлтым узлом, поставленным гномом. Отдельно обойти его было можно. Но под полом двигалась вода, фонарь искал новые отметки, и времени на расчёт почти не оставалось.

— Нет.

— Тогда ищи другой конец.

Фраза ударила сильнее, чем приказ. Искать другой конец означало тратить время, которое он привык экономить чужими телами.

Рокх опустил руку и открыл зрение глубже.

Белая пластина. Медная клетка. Рукоять с двумя каналами. Под ней — старое дорожное кольцо, замурованное в цоколе дома задолго до таверны. Фонарь цеплялся за него, принимая древнюю сеть за усилитель собственной власти. Но кольцо отвечало иначе: пыталось отвести избыточную силу туда, где обычно шла вода.

— Под нами коллектор, — сказал Рокх. — Он наполняется светом.

— Ведёт к реке, — ответил Ромгар. — Выход под средней опорой моста.

— Если открыть его полностью...

— Сорвёт опору. На мосту люди.

— Ты умеешь только объяснять, почему нельзя?

— Пока ты предлагаешь только это.

Рокх стиснул зубы. Чужие навыки разворачивались внутри не готовыми ответами, а способами видеть. Даргош дал бы потокам форму. Видящий заметил бы направление, которого никто не использовал. Решение всё равно предстояло найти самому.

Маг проследил воду обратно.

— Старый отстойник. Под двором. Он пустой?

Ромгар закрыл глаза.

— Почти. Нижняя стенка просела. До ручья есть глиняный слой.

— Развернёшь туда отвод?

— Если ты удержишь фонарь от нового поиска.

— Как долго?

— Не знаю, пока не потрогаю стенку.

— Очень обнадеживает.

— Буду рад твоему варианту с точным сроком.

Рокх поставил вокруг клетки три тонких кольца. Не щит: поверхность, на которой устройство увидит собственные знаки и на несколько вдохов примет их за прежние связи. Белые нити застыли.

— Делай.

Ромгар положил правую ладонь на доски. Пальцы не слушались. Он разжал их левой рукой, прижал сильнее и направил силу вниз.

Рокх видел, как гном работает с кладкой. Не тянет всю породу разом, а по очереди освобождает зажатые камни, ищет, куда перенести вес. Таверна осела на толщину ногтя. В кухне зазвенели горшки.

— Правая рука, Орен, — сказал гном.

Человек у фонаря со всхлипом оторвал пальцы. Кожа на ладони была белой, будто её долго держали в кипятке.

— Теперь левая. Отползай.

Ромгар подхватил рукоять ремнём, снятым с мешка, не позволяя клетке опрокинуться. Починенный на ходу ремень с запястья такой нагрузки не выдержал бы.

Под полом глухо ударило.

Из кладовой донёсся крик Руты:

— Ромгар! Марен холодеет!

Гном резко втянул воздух. Жёлтый узел возле раны больного дрогнул. Он не мог одновременно удерживать сосуд и полностью перенести усилие на камень.

Рокх повернул голову.

— Я удержу кровь.

— Без чужой жизни.

— Я помню, как перевязывают сосуды.

Он направил тонкую нить в соседнюю комнату. Не вошёл в сердце. Осторожно поддержал плетение гнома, повторяя движение, которое уже видел на дороге. Получилось грубо, но поток выровнялся.

— Рута, выше повязки. Плотнее, — сказал Рокх через дверь. — Сейчас.

Лекарка не спросила, кто говорит. Через мгновение он почувствовал давление её пальцев. Часть нагрузки ушла.

Первое кольцо вокруг фонаря треснуло.

Свет нашёл ложь. Белые знаки повернулись внутрь, и пластина начала нагреваться.

— Ещё немного, — произнёс Ромгар.

— Сколько у вас в Кхаз-Руне длится немного?

— Дольше, когда мешают.

Рокх мог поглотить излишек. Сила была невелика по сравнению с тем, что он уже носил, но связана с чужими обязательствами. Принять её означало протянуть в себя всё, к чему был привязан фонарь. Дворы, мешки, люди. Удобная сеть, готовая для руки хозяина.

Он увидел это слишком ясно.

Раздражённо выругался и вместо поглощения расширил второе кольцо. Пусть устройство бьётся о собственный рисунок. Пусть считает долг выплаченным, пока под ним открывается пустое русло.

Из двора донёсся треск. Вода прорвала старую решётку. Нера закричала кому-то, чтобы убрал ноги. Потом пошёл ровный шум, как от сильного дождя.

— Есть, — сказал гном. — Отдай вниз.

Рокх наклонил плетение.

Белый свет ушёл через пол. Под досками вспыхнула сеть, на мгновение показав каждую трещину в основании дома. Затем сила хлынула в отстойник и дальше, через глину, к ручью. Во дворе поднялся пар.

Клетка потемнела.

Ромгар откинулся к стене. На правой ладони появились мелкие кровавые трещины. Он смотрел на погасший фонарь и тяжело дышал.

Рокх удерживал последние нити, пока не убедился, что ни одна не тянется к живым. Потом отпустил.

В комнате сразу стало теснее и обыкновеннее. На полу стояла безвредная медная клетка. Возле двери лежала рассыпавшаяся мелочь. На столе сохла недоеденная похлёбка.

Нера вернулась со двора. Посмотрела на вздувшиеся доски, на пар за окном и на обоих магов.

— Дверь целая, — сказала она.

Ромгар поднял глаза.

— Да.

— Жаль. Про пол мы не договаривались.

Гном попытался встать и не смог с первой попытки. Рокх подхватил его за локоть. Ромгар позволил помочь, но через мгновение освободил руку.

— Сначала посмотрим больного, — произнёс он. — Потом будешь считать.

Сборщик всё ещё стоял у стены, прижимая папку к груди. Рокх подошёл к нему. Тот отступил так резко, что ударился затылком о балку.

— Кто ставил связи на людей? — спросил маг.

— Я не... Это готовые пластины. Нам выдают в хранилище.

Рокх протянул руку. Сборщик зажмурился.

Маг забрал папку.

— Тогда начнём с того, что вам выдают.

К вечеру у «Медного порога» собралась половина переправы.

Люди сначала проверяли, не пропала ли вода в колодцах, не побелела ли мука и не ослепли ли дети, стоявшие во дворе. Нера заставила сборщика пересчитать все мешки при свидетелях. Рута заново осмотрела Марена и велела больше не трогать его никакими дарами до утра. Орен сидел у печи с перевязанными ладонями, стараясь не смотреть на медную клетку.

Рокх вынес фонарь в пустой сарай. Разобрал осторожно, без магии: отвернул четыре винта, снял нижнюю пластину, отделил белый камень от медной опоры. Под слоем копоти обнаружилось клеймо. Разомкнутое кольцо, перечёркнутое семью короткими чертами.

Ромгар принёс лампу.

— Видел такое на отводных станциях, — сказал он. — Это не знак сборщиков.

— Откуда у них детали?

— Узнаем по бумагам.

В папке нашлись накладные, списки дворов и два разрешения на использование фонаря в походных нуждах. На первом стояла печать хранилища Светограда. На втором — отметка о поступлении каменных пластин из восточных мастерских при Башне Круга.

Рокх почувствовал короткий укол в ладони.

— Вот и дорога, — сказал он.

— Пока только накладная.

— Ты очень стараешься не радоваться.

— Я стараюсь не обвинить башню в том, что сделали люди, которым выдали её камень. Вполне возможно, эти пластины вообще предназначались для водосборников.

Рокх повернул белый осколок. На внутренней стороне под нанесёнными позже знаками действительно шли старые каналы. Они не имели формы приказа. Скорее обозначали направление возврата.

— Их переделали.

— Похоже.

— А болезнь света?

— Мы ещё не знаем.

Рокх посмотрел на него с раздражением, но спорить не стал. Удобное объяснение уже начинало складываться: церковь забирает древнюю силу, портит звезду, обвиняет некроманта. Оно могло оказаться правдой. Именно поэтому хотелось принять его слишком быстро.

Они сделали две копии накладных. Ромгар писал левой рукой медленно и разборчиво. Рокх держал лампу, потом не выдержал и забрал перо.

— Диктуй.

Гном диктовал названия, даты и количество пластин. Не позволял пропускать мелкие отметки. Когда закончили, завернул осколок в ткань и положил рядом с бумагами.

— Один экземпляр в мой дом. Второй тебе.

— Оригиналы?

— Сборщику нужна расписка об изъятии. Иначе его накажут за то, что мы забрали доказательства.

— Ты действительно собираешься отвечать за каждого человека на дороге?

— Нет. За тех, чьи дела меняю собственными руками, постараюсь.

Из двора донёсся знакомый женский голос.

Хельва приехала на мокрой лошади. Рядом с ней шёл Серет, держа повод второй. Позади остановился молодой жрец в испачканном белом плаще. Рокх узнал его не сразу: у ворот и на дороге он видел слишком много одинаково одетых людей. Потом вспомнил голос, возражавший Геллу из-за горожан.

— Лиор, — сказал маг.

Жрец напрягся.

— Вы меня помните.

— Ты слишком часто говорил очевидное среди людей, которым это не нравилось.

Хельва спешила.

— Войско за дорогой. Гелл пытался отдать приказ о спуске к ручью через старшего хоругви. Не получилось. Тев дал показания. Серет взял копию. А это, — она указала на свёрнутую грамоту в руках Лиора, — пришло через походное зеркало.

Ромгар взял документ.

Читал долго. В наступающих сумерках Рокх видел, как меняется его лицо. Усталость никуда не уходила, но поверх неё появлялось спокойствие другого рода: гном переставал надеяться, что спор ещё можно закончить прежними средствами.

— Приказ Престола? — спросил маг.

— Подтверждение Собора с полномочием Престола. Переговоры прекращаются. Требуют передать тебя под очищающую печать до полуночи. Подозрение считается установленным самим фактом отказа сдаться.

— Замечательно. Где расписаться в том, что я подозрителен?

Ромгар протянул грамоту Серету.

— Проверь.

Тот развернул цепи на запястьях. Кольца зависли над бумагой, не касаясь её. На печати появились три тонкие светлые линии.

— Передача подлинная. Подписи в пределах полномочий. Текст после отправки не меняли.

— Значит, не подделка Гелла, — сказал Ромгар.

Лиор смотрел ему в лицо так, будто надеялся услышать иное.

— Там ещё приют, — произнёс он.

Гном дочитал нижнюю часть.

В случае отказа надлежало изолировать место пребывания Рокха, задержать укрывателей и изъять имущество, пригодное для снабжения тьмы. Никаких исключений для раненых или дорожного дома в тексте не было.

Нера стояла в дверях сарая. Она услышала достаточно.

— Изолировать — это окружить и ждать, пока мы проголодаемся?

Лиор не ответил.

— Или сразу поджечь? Мне надо знать, куда переносить муку.

— Здесь никого не будут жечь, — сказал Ромгар.

— Ты уже не можешь выбирать способ задержания, — тихо напомнил Серет.

— Знаю.

Хельва сняла с плеча копье.

Рокх смотрел на гнома. В нём почти не осталось силы, которую тот охотно показывал у ручья. Долгий день, лечение, старая кладка, повреждённая рука. Сейчас Ромгар держался на упрямстве и собственном весе. Если за грамотой пришёл бы боевой хор, сражаться пришлось бы Рокху.

— Я могу уйти, — сказал маг. — Ваша таверна перестанет быть местом моего пребывания.

— Укрывателями они уже стали, — ответил Лиор. — В грамоте это сформулировано...

Он замолчал, заметив взгляд Неры.

Ромгар сложил лист.

— Нера, принеси стол наружу. Нужны свидетели. Марена не трогайте. Пусть жена подпишет, если согласится. И позови мостового сторожа.

— Ты что задумал?

— Сделать так, чтобы завтра никто не смог сказать, будто не знал, где остановился приказ.

Они вынесли стол под навес. Дождь почти закончился. На западном небе между тучами оставалась зелёная полоса, и её отражение дрожало в лужах под сапогами.

Ромгар положил рядом обе грамоты: прежнее поручение и новый приказ. Снял каменную печать с шеи, но не передал Серету. Рядом положил родовую пластину с раскрытой ладонью.

— Записывай, — сказал он.

Лиор достал перо.

Ромгар назвал себя, дом и обстоятельства расследования. Сообщил о неподтверждённых обвинениях, об использовании мирных жителей на дороге, о попытке сорвать прекращённый бой и о фонаре, связавшем долговыми метками живых людей. Не назвал Рокха невиновным. Не объявил ложью всё, что услышал о нём. Потребовал приостановить исполнение приговора и открыть независимую проверку записей Башни Круга.

— До решения проверки, — произнёс гном, — я отказываюсь передавать Рокха людям, которые уже исказили обстоятельства дела. Отказываюсь исполнять приказ об изоляции дорожного приюта. Ответственность за отказ принимаю лично.

Серет поднял голову.

— От имени дома?

— От своего. Мои родные не обязаны соглашаться, потому что я стою здесь с их именем.

— Престол может всё равно взыскать с дома.

— Поэтому отправишь им копию сегодня. Пусть успеют подготовить ответ.

Рокх смотрел на строки. Ему приходилось видеть клятвы на крови, ритуалы подчинения, договоры, после которых смерть становилась меньшим из последствий. Здесь гном просто диктовал слова человеку с обычным пером. Однако цена была вполне настоящей.

— Ты выбираешь сторону, — сказал Лиор.

— Да. В этой охоте я на стороне Рокха. И пойду с ним к Башне Круга.

Он произнёс это без торжественности, как объявляют маршрут перед выходом.

Рокх повернулся к нему.

— Мы этого не обсуждали.

— Сейчас обсудим.

Хельва коротко выдохнула. Не от удивления — скорее от того, что наконец было сказано ожидаемое.

— Своих выведу к северной переправе, — сказала она. — Беженцам нужен проводник. Дальше решу сама.

Ромгар кивнул.

— Серет?

— Отправлю записи. Останусь проверять фонари. Если Гелл потребует выдать свидетельства, получит заверенные копии.

— Оригиналы спрячешь?

— Сохраню, — ответил Серет. — В подходящем месте.

Лиор долго смотрел на перо.

— Я не могу пойти с вами.

— Не прошу, — сказал гном.

— Но этот текст передам без изменений.

— Этого сегодня достаточно.

Ромгар поставил печать. Мостовой сторож, Нера и жена Марена по очереди назвали имена. Женщина не умела писать, и Лиор отметил её слова при свидетелях. Никто не заставил сборщика свидетельствовать против собственного начальства: ему дали прочесть ту часть, где описывалось устройство фонаря, и подписать только её.

Когда закончили, гном положил ладонь на прежнюю грамоту.

— Служебное полномочие возвращаю. Родовой обет оставляю.

— Его у тебя могут потребовать тоже, — сказал Серет.

— Пусть приедут и объяснят, почему забота о живых стала нарушением обета.

Рокх ждал, что свет на пластине погаснет. Ничего не произошло. Тёплое свечение оставалось таким же, как прежде. Отказ от приказа не вырвал из гнома дар, не заставил землю отступить от его ног.

Ромгар заметил взгляд.

— Ты думал, силу выдаёт казначей?

— Многие ведут себя именно так.

— Пусть попробуют удержать её в расписке.

Он собрал бумаги и только после этого посмотрел на Рокха.

— Теперь поговорим о том, как идти вместе.

Они вернулись в маленькую комнату за кухней.

На столе всё ещё лежал рисунок звёздной дороги, сделанный Ромгаром. Уголь размазался под чашкой, и один из кругов превратился в серое пятно. Гном не стал его исправлять. Сел, вытянул ноги и несколько мгновений просто молчал.

Рокх закрыл дверь.

— Зачем?

Ромгар поднял взгляд.

— Ты хочешь ещё раз услышать про детей в больничном доме?

— Нет. Я хочу понять, почему человек, которому рассказали о двух убитых спутниках, решил стать третьим.

Гном долго смотрел на него. Теперь, без срочной работы, он уже не скрывал усталости.

— Сегодня я видел, что ты способен остановить руку, хотя очень не любишь её останавливать. И услышал достаточно, чтобы не путать тебя с тем, о ком писал Варн.

— Один фонарь ничего не меняет.

— Не меняет прошлого. Меняет то, что случилось возле фонаря.

Рокх прошёл к окну. Во дворе Серет складывал бумаги в два разных футляра. Хельва поила лошадь. Лиор стоял под навесом и сушил свежие строки, осторожно проводя над ними ладонью.

— Ты собираешься меня перевоспитывать.

— Я собираюсь идти к башне. Там могут быть ответы, которых у нас нет. Ты видел то, чего не видел никто из моих знакомых. Я знаю часть дороги, людей и старых сооружений. Вместе у нас больше шансов добраться.

— А всё остальное?

— Всё остальное не исчезнет только потому, что у нас совпал маршрут.

Ромгар наклонился, достал из сапога мелкий камешек и бросил его к печи. Этот обыкновенный жест неожиданно разрушил тяжесть разговора. Перед Рокхом сидел не суд, не древний пророк и не новый хозяин. Усталый гном с больной рукой, которого весь день натирал сапог.

— Я не буду требовать, чтобы ты называл себя добрым, — сказал Ромгар. — И не поверю, если назовёшь. Мне нужно другое. Пока идём вместе, ты не связываешь мою волю. Не входишь в мои потоки без разрешения, кроме случая, когда я без сознания и ты действительно пытаешься спасти мне жизнь. Не берёшь силу у спутников. Если захочешь сделать то, что требует чужой жертвы, скажешь до того, как начнёшь.

— А если я не соглашусь?

— Тогда у нас не получится идти вместе.

Рокх повернулся от окна.

— Ты только что объявил всем обратное.

— Объявил, что встану на твою сторону против этого приказа. Тебя не выдам. Но спутником против твоей воли не стану.

Маг опустил взгляд на ладонь. Под кожей было тихо. Никакой цепи, никакой готовой печати, которая могла бы сделать разговор необратимым.

— Твои условия звучат как устав.

— У меня было время подумать, что должно быть в уставе после слов «не убивай своих».

Рокх молчал, обдумывая условия.

— Соглашусь, если право спорить будет у обоих, — сказал он. — Ты не отдаёшь меня своим судьям за спиной. Не решаешь за меня, какую правду мне дозволено знать. И не требуешь отказаться от поиска только потому, что какой-нибудь камень объявлен священным.

— Если камень держит на себе город, придётся обсудить.

— Обсудить. Не запретить.

— Согласен.

— Я не обещаю стать тем, кого ты хотел бы видеть.

Ромгар кивнул.

— Я иду с тем, кто сидит передо мной. Этого уже достаточно трудно не перепутать с тем, кого мне описывали.

Ромгар помедлил, затем добавил:

— И ещё. Если один из нас решит уйти, он скажет об этом. Без исчезновений ночью и без попытки убедить другого силой.

— Ты предлагаешь заранее обсудить конец путешествия?

— Я предлагаю оставить его возможным. Дорна знает, что я могу не вернуться. Но она не должна гадать, жив ли я, потому что мой спутник считает письма лишней тратой времени.

— Если связь будет доступна, сообщишь своим, — сказал маг. — Я не стану мешать.

— Хорошо.

Они не скрепляли договор кровью. Ромгар протянул левую руку, потому что правая болела. Рокх пожал её. Пальцы гнома были тёплыми, с грубой кожей и мелкими заусенцами. Никакого потока внутрь не вошло.

Рокх поймал себя на желании проверить, не спрятана ли за этим ещё одна связь. Проверил. Не нашёл.

— Теперь о Ваэле, — сказал он. — Я уже дал слово ему.

— Помню. Ты должен сообщить, что меняется.

— Ты пойдёшь в его город?

— Если пригласит. Сегодня лучше не вести туда ещё одного человека Престола, даже бывшего по этому поручению.

Во двор как раз вернулся мостовой сторож. За ним под навесом показалась знакомая серая фигура. Иллис пришёл пешком, в плаще без знаков, с луком, спрятанным под тканью. Он оглядел Хельву, Серета, белый плащ Лиора и остановился, явно пересчитывая возможные пути отступления.

— Ты выбрал оживлённое место, — сказал разведчик Рокху.

— Здесь кормят.

— Князь ждёт ответа.

Иллис протянул новую пару чёрных пластинок. Рокх заметил, что одну разведчик держит особенно осторожно: край дерева был ещё влажным после среза.

На этот раз связь установилась быстрее. Ваэль слушал молча, пока Рокх рассказывал о прекращении охоты у подземных входов, о приказе из Светограда, о фонаре и о намерении идти к Башне Круга с Ромгаром.

— Ты предложил мне силу против инквизиции, — сказал князь. — Теперь предлагаешь ждать, пока вы вдвоём найдёте объяснение её поступкам?

— Предлагаю отвести главную погоню от твоего города и узнать, откуда берут пластины для печатей. У них есть связь с башенными мастерскими. Это не обещание, что я завтра уничтожу всех твоих врагов.

— Таких обещаний я не прошу у людей, которые собираются уйти из мира.

Рокх выдержал паузу.

— Тогда уточним срок. Первую весть передам с восточного водосборника, если он действует. Если нападение на твои выходы возобновится до нашего ухода из долины, вернусь помочь. После этого мы идём к башне. Твои сведения о старых ходах нужны сейчас.

Ромгар стоял рядом, не вмешиваясь.

Ваэль спросил о прежней дороге. Ромгар назвал несколько опор, которые чинил. Из древесины донёсся короткий смех.

— Ты укрепил их снаружи. Наши мастера укрепляли изнутри. Тогда вы три дня ругались, почему камень не идёт туда, куда велят.

— Помню три дня отвратительной работы, — сказал гном.

— Мы тоже.

Иллис неожиданно улыбнулся. У чужих друг другу собеседников нашлась общая история о той давней починке.

Князь согласился уточнить договор. Передал через Иллиса небольшой свёрток с копией подземной схемы. До третьего водосборника по ней можно было идти, дальше проверенных

сведений об этом маршруте у Дома не было. Нижняя галерея возле башни была отмечена знаком опасности.

— Оттуда перестали возвращаться разведчики ещё до твоего появления, Рокх, — сказал Ваэль. — Запомни это, когда тебе опять объяснят, что всё началось с тебя.

Связь погасла.

Рокх убрал схему к копиям накладных.

Ночь прошла без нападения.

Это само по себе казалось подозрительным, и Рокх долго не ложился. Он сидел у окна, наблюдая, как свет в башенках за рекой поворачивается к востоку. На соседней койке Ромгар уснул сразу, положив сапоги рядом, а топор так, чтобы рукоять была доступна левой руке. Правую он обернул влажной тканью.

Маг мог уйти до рассвета. Мысль пришла спокойно, без драматического обещания самому себе. Новый спутник значил новые задержки, вопросы, чужой взгляд на его решения. Сила гнома была полезна. Сам гном — неудобен.

Рокх посмотрел на карту водосборников, потом на железные кольца в бороде спящего. Одно оказалось разомкнутым с краю. Ромгар, должно быть, повредил его давно и всё не находил времени заменить. Или считал пригодным.

Внутри на мгновение всплыло воспоминание о другом спутнике, который впервые пробовал хлеб. Рокх не стал ни отгонять его, ни разговаривать с ним. Просто сидел, пока оно не ушло само.

Перед рассветом он проверил тёмные нити у окна. Поставил предупреждение о приближении, но не замкнул выход. Человек на койке мог встать и уйти, не спрашивая.

Ромгар проснулся, когда во дворе начали таскать воду. Посмотрел на свободный проход, на Рокха у окна и ничего не сказал. Сел, долго растирал правую ладонь, потом попросил подать сапог.

Утром они чинили пол.

Нера принесла доски и молоток, словно решение магов отправиться к башне не имело значения, пока в её зале торчал горб. Ромгар выровнял опоры, Рокх вынул испорченные гвозди тёмными нитями. Гном потребовал не вытаскивать сразу все. На этот раз маг послушался без спора.

Марен проснулся и попросил есть. Орен смог согнуть пальцы. Сборщик получил расписку, копию акта и собственную папку без двух изъятых накладных. Рута вручила Ромгару свёрток с мазью.

— Себе, — сказала она. — Не первому встречному.

— Посмотрим по обстоятельствам.

— Я так и знала. Второй свёрток спрятала у твоего мрачного приятеля.

Рокх обнаружил мазь в кармане плаща и с удивлением посмотрел на лекарку. Она уже отвернулась.

Нера дала им хлеб, холодное мясо и маленький мешок сушёных слив. Денег взяла ровно столько, сколько назвала вечером. Провела сапогом по новой доске и одобрительно кивнула.

Хельва ушла на север ещё до света. Серет остался на переправе с записями и разобранным фонарём. Лиор уехал с донесением; Ромгар смотрел ему вслед до тех пор, пока белый плащ не исчез за изгибом дороги.

— Думаешь, доедет? — спросил Рокх.

— Надеюсь. Он взял две копии и знает, кому показать вторую, если первую потеряют по пути.

— Ты начал учить людей подозрительности.

— Некоторые уроки полезны и без тёмной магии.

Они перешли мост. На дальнем берегу Рокх остановился возле листовки. За ночь кто-то стёр углём изображение ребёнка под его ногами. Саму фигуру оставил. Надпись о главном враге Церкви тоже.

— Не трогай, — сказал Ромгар. — Пусть знают, с кем я ушёл.

Рокх опустил руку. Он не собирался срывать лист, но объяснять это не стал.

Впереди начиналась дорога к меловым холмам. Утренний ветер качал жёсткую траву, гнал по канавам клочья тумана. Больная звезда поднималась за облаками. Зелёный свет ложился на камни, на железо топора, на ладонь Рокха, где медленно проступал короткий золотой зубец.

На этот раз рядом с ним появилась ещё одна линия. Тонкая, почти бесцветная. Она повернула к востоку и погасла.

Ромгар заметил движение.

— Что показал?

— Направление. На мгновение.

— Совпадает с дорогой?

Рокх посмотрел на карту. Прямая линия шла через холмы к Башне Круга. Отмеченный Иллисом путь уходил левее, к водосборникам.

— Не совсем.

Гном поправил ремень мешка.

— Тогда сначала посмотрим, где можно пройти. Спорить с башней будем возле башни.

Рокх усмехнулся.

— Ты уверен, что выдержишь столько моих ошибок?

— Не уверен, что ты выдержишь столько моих замечаний.

Они пошли рядом. На узком участке Рокх пропустил его вперёд, затем снова поравнялся. С обочины осыпались мелкие камни. Ромгар придержал край сапогом, пока спутник проходил мимо, и стряхнул с плаща зацепившийся репейник.

За поворотом дорога раздваивалась.

Рокх открыл ладонь, подождал. Знак больше не появлялся.

— Налево, — сказал Ромгар, сверившись со схемой. — До третьего водосборника. Дальше решим на месте.

Маг посмотрел на далёкую тёмную башню. Между облаками проступило одно зелёное кольцо, затем второе. На мгновение показалось, что верхнее поворачивается им навстречу. Проверить с такого расстояния было невозможно.

Рокх убрал руку в рукав.

— Пойдём.

И на этот раз, произнося это слово, он не отдавал приказ.

Глава 2. Обратное течение

У первого водосборника сушились рубахи.

Их развесили между двумя обломанными столбами, под которыми ещё сохранялись старые знаки. Ветер надувал рукава, и издали казалось, что над пустой дорогой спрят безголовые люди. Женщина с корзиной посмотрела на путников, узнала гнома и подняла ладонь. Потом увидела Рокха. Ладонь опустилась.

Ромгар не остановился. Только спросил, идёт ли вода.

— С утра тёплая, — ответила женщина. — А ночью рыба к решётке поднялась. Вся разом. Мы думали, дохлая, а она живая.

— Не пускайте детей в нижнюю чашу. Пока не остынет.

Женщина кивнула. Она хотела спросить ещё что-то, но маг уже проходил мимо.

За водосборником дорога поднялась между меловыми склонами. Мокрая белая пыль налипала на сапоги. В расселинах росла короткая жёсткая трава; там, куда падал прямой свет больной звезды, стебли были выше и ломались под собственным весом. Рокх сорвал один, раздавил пальцами. Внутри оказалось сухо. Живая оболочка окружала пустоту.

Он бросил стебель и посмотрел на солнце.

Пустые стебли подтверждали рассказ Ромгара. Причину ещё предстояло искать — у водосборников, не на обочине.

Ромгар шёл ровно, но правую руку держал под плащом. Иногда пальцы другой руки поправляли ремень топора, сдвигая тяжесть с больного плеча.

— Мазь, — сказал Рокх.

— Что?

— Рута дала тебе мазь. Пользуйся, пока она не узнала, что ты предпочитаешь страдать бесплатно.

Гном покосился на него, затем остановился возле плоского камня. Размотал ладонь. Ночью трещины стянулись, но одна снова открылась после ремонта пола. Рокх вынул из кармана второй свёрток.

— Своя есть, — сказал Ромгар.

— Тогда не трать мою.

Маг убрал свёрток. Гном усмехнулся и принялся втирать мазь большим пальцем левой руки. Несколько мгновений они молчали.

У второго водосборника людей не было.

Вода проходила под дорогой, и Рокх чувствовал её движение даже без магического зренья. Камень гудел с короткими промежутками. После каждого толчка из круглого отверстия у обочины поднимался пар.

Ромгар опустил на колено.

— Снизу подпирает.

— От башни?

— С востока. Башня тоже там.

Рокх развернул схему Иллиса. Третий водосборник обозначался двумя незамкнутыми окружностями. За ним тонкая линия уходила к башне; другая спускалась под изображение холмов и терялась среди условных знаков. Разведчик провёл по ней углём, отмечая границу известных ходов.

Знак в правой ладони не появлялся.

— На поверхности быстрее, — сказал маг.

С вершины склона было видно прямую дорогу. На ней стояли две повозки, поперёк тянулась цепь, а возле белого навеса двигались вооружённые люди. Зеркало на высокой раме медленно поворачивалось над заставой.

— Быстрее дойдём или быстрее начнём драться? — спросил Ромгар.

Рокх сложил схему.

— Иногда разница несущественна.

Но к заставе не пошёл.

У них было достаточно врагов впереди. Тащить за собой ещё и тех, кто пока не заметил их на боковой дороге, он не собирался.

Третий водосборник оказался ниже дороги.

Каменная крыша почти сливалась со склоном. Из земли выступали только круглый световой колодец, два вентиляционных горла и широкая арка, к которой спускались ступени. Над аркой висел новенький замок. Цепь, продетая сквозь дверные кольца, была натянута снаружи.

Изнутри кто-то стучал.

Не в дверь. В камень справа от неё: два удара, пауза, ещё два. Ромгар ответил сапогом. Стук прекратился.

— Сколько? — спросил гном.

— Одна. Остальных вниз забрали.

Женский голос звучал зло, почти требовательно.

Рокх осмотрел цепь. Простой металл, простые звенья. Магическая печать находилась на деревянной бирке под замком и следила не за дверью, а за сохранностью собственного рисунка.

Он не стал её трогать. Вытянул из кладки железную скобу вместе с двумя камнями. Цепь повисла на одной створке.

— Можно было открыть замок, — заметил Ромгар.

— Он новый.

— И что?

— Кладку потом починишь. Замок тебе, возможно, пригодится.

Дверь толкнули изнутри.

Женщина была в кожаном переднике, мокром до груди. На поясе висели короткие ключи, у левого виска подсыхала кровь. Она сперва посмотрела на вывороченную скобу, потом на Рокха.

— Если ты тот самый, я не собираюсь тебя задерживать.

— Разумное начало.

— Но внизу шестеро с оружием и трое моих. Не обрушивай им потолок.

Ромгар вошёл первым.

— Имя?

— Эrsa. Старшая смены. А ты Кхаз-Рун. Видела твою работу на восточной опоре. У нас до сих пор ругаются, когда надо снять поставленную тобой скобу.

— Значит, держит.

— Значит, снять не можем.

Внутри пахло горячей известью. Вдоль круглой стены тянулись низкие чаши, соединённые желобами. Вода переливалась через края неравномерно: в одной чаше стояла почти неподвижно, в следующей вращалась белая пена. Над лестницей вниз горел масляный светильник. Рядом лежал разбитый второй.

Эrsa приложила тряпку к виску и повела их к узкому окну над внутренним колодцем.

— На рассвете пришли. Дорожный надзор, двое печатников, охрана. Велели перекрыть нижнее ответвление. Я сказала: сначала дайте людей из галереи вывести. Мне показали бумагу, потом ударили. Смену заставили спустить разделитель.

— Куда идёт ответвление? — спросил Рокх.

Она задержала на нём взгляд.

— В нижние сады. Оттуда гриб везут, масло, корень для перевязок. Наверху это едят даже те, кто называет покупателей пособниками тьмы.

— К эльфам.

— В сады. Я отвечаю за воду, а не за уши тех, кто её пьёт.

Ромгар посмотрел на мокрый пол.

— Почему тёплая?

— Потому что они не отсекают. Они гонят туда всё, что должно уходить обратно. Я слышу по заслонкам. Печатник говорит, временный режим. У меня в таком временном режиме лопнет нижняя стенка.

Рокх подошёл к окну.

Внизу находился второй зал, гораздо старше верхнего. Кладку здесь сменяла цельная тёмная порода. Через зал проходил мостик, по обе стороны от него вода медленно поднималась в вертикальных щелях. На дальней площадке стояли люди и устройство на трёх медных ногах.

Оно было больше фонаря из таверны, но несколько деталей Рокх узнал сразу. Белые пластины. Узкие прорезы возвратных каналов. Клеймо разомкнутого кольца на креплении.

Только здесь никто не ошибся, усиливая свет на мосту.

Здесь свет направляли вниз намеренно.

Один из печатников повернул рукоять. Под ногами дрогнул пол. Из глубины пришёл долгий звук, напоминавший скрип корабельного борта.

Рабочий на мостике обернулся. Рокх увидел верёвку на его поясе. Другой конец был привязан к перилам возле охранника.

— Есть другой спуск? — спросил маг.

Эрса указала на решётку под чашей.

— Проверочный лаз. Узкий. Внизу выйдете за опорой.

— Я ходил здесь, — сказал Ромгар. — После второго поворота будет сухая полка.

— Была. Её зимой смыло. Держитесь слева, где железные костыли. Правый край только выглядит целым.

Гном посмотрел на неё, затем снял мешок.

— Спасибо.

Рокх ещё раз посмотрел на решётку под чашей. Внизу придётся держаться левых костылей.

В лазу было жарко.

Вода текла у щиколоток, но по стенам поднималась вверх — тонкими плёнками, в которых мерцали белые точки. Рокх коснулся одной тенью. Точка погасла, а дальше по стене вспыхнули две новые.

Он убрал руку.

Система была слишком большой, чтобы начинать с удара по первому видимому узлу.

Ромгар шёл позади. Топор он нёс перед собой, лезвиями вдоль тела; в тесноте оружие почти не оставляло места для поворота. Время от времени гном касался рукоятью пола и слушал, как меняется звук.

После второго поворота пришлось протискиваться боком. Рокх видел справа гладкую площадку и чёрную воду под ней. Сверху тонкая корка камня действительно выглядела надёжной. Он придержал край плаща, чтобы не намочить его ещё сильнее.

Из зала доносились голоса.

— Ещё четверть, — сказал кто-то.

— Механизм не берёт.

— Усиль.

— Разорвёт шов. Люди стоят на мосту.

— Людей отвести. Приказ заканчиваем.

Рокх остановился перед выходом.

Сквозь щель между опорой и стеной был виден ближний охранник. Молодой, в мокрой кольчуге, с копьём наперевес. Взгляд его всё время возвращался к воде. Он боялся того, что происходило внизу, сильнее, чем возможного нападения.

Дальше двое тянули рабочих с мостика. Не освобождали: перетаскивали связанные верёвки на другую сторону. Ещё один стоял возле лестницы с коротким арбалетом. Печатники работали у медной треноги.

Рокх открыл зрение.

Белые потоки сходились к разделителю из четырёх стен. Само устройство почти не давало силы. Оно меняло направление той, что уже проходила через водосборник. Один поток возвращался к востоку. Второй с каждым поворотом рукояти всё глубже уходил под холмы, в сторону подземного города.

Там, далеко за толщей породы, возникали мелкие ответные вспышки. Рокх не мог различить, были ли это защитные знаки или разрушающиеся соединения.

— Начали до нас, — тихо сказал он.

Ромгар коснулся камня рядом с его плечом.

— Вижу нагрузку.

— Не только нагрузку. Они давят на нижние ходы. Я обещал вернуться, если начнут снова.

— Сначала остановим здесь.

— Арбалетчик мой. Копейщика не убирай с места, пока я не пройду.

Гном кивнул.

Рокх шагнул в тень опоры.

Привычный холод сомкнулся вокруг лица — и тут же стал тесным. В стенах работал белый свет. Тень не исчезала, но дробилась на короткие участки, не соединявшиеся друг с другом. Вместо выхода за спиной арбалетчика маг оказался у самого мостика.

Слишком близко к открытому месту.

Охранник увидел его и закричал.

Рокх выбросил руку. Тёмная нить обвилась вокруг арбалетной дуги, дёрнула оружие вниз. Болт ушёл в перила. Почти одновременно медная тренога повернулась на своих ногах.

Первый удар света пришёл не от печатников.

Он вырвался из воды.

Рокх успел поставить щит, но плоская белая полоса скользнула по его краю и полоснула стену над головой. Посыпались раскалённые осколки. Ожог на запястье пронзил болью; пальцы на мгновение потеряли чувствительность.

— Под водой зеркало! — крикнул он.

Ромгар уже вышел из лаза. Камень под ногами копейщика вздулся, прижал древко к опоре. Гном прошёл мимо, ударил плоской стороной топора второго охранника в бедро и подхватил падающего за ворот, чтобы тот не свалился с мостика.

На дальней площадке старший печатник поднял обе руки.

Рокх увидел плетение раньше, чем оно замкнулось: тонкие белые нити тянулись к верёвкам рабочих. Людей собирались использовать как неподвижные точки для следующего удара.

Маг мог закрыть их щитом. Мог попытаться оборвать нити. До печатника было меньше десяти шагов, и Рокх выбрал более короткий ответ.

— Покой.

Тьма ударила человека под подбородок.

Тот успел сделать вдох. Пальцы свело, белые нити обвисли. На лице проступили тёмные вены, и тело осело у треноги, ещё сохраняя форму, когда Рокх уже повернулся к следующему противнику.

Младший печатник закричал. Схватился за рукоять разделителя и рванул её на себя.

— Не туда! — донеслось сверху.

Эрса бежала по основной лестнице.

Рукоять прошла ограничитель.

Вода в вертикальных щелях исчезла.

На один короткий миг зал стал совершенно тихим. Рокх увидел сухие полосы на стенах, мокрые сапоги рабочих, открытую пасть водоотвода под мостом.

Потом из глубины поднялся белый свет.

Ромгар ударил топором по полу.

Мостик выгнулся, опуская людей за каменный бортик. Свет прошёл над ними, срезал перила и ударил в потолок. Воздух наполнился горячей пылью.

Рокх прижал ладонь к треноге. Не к рукояти — к нижнему соединению, где чужое плетение входило в старый камень. Зрение, полученное от Даргоша, помогло различить порядок креплений. Дар Видящего раскрыл несколько направлений, в которых можно было сорвать поток.

Одно вело обратно к рабочим.

Другое — к гному.

Третье уходило под город.

Было и четвёртое: прямо вверх, через зал, в котором стояла Эрса.

Маг выругался.

Он успел перехватить только ближайший узел. Свет замедлился, но продолжал подниматься. Кожа на ладони стала горячей, словно под неё вдавливали раскалённую монету.

Ромгар пытался вернуть мостик на опоры. Камень послушался не сразу. Один край просел ещё ниже, и гном резко отдёргнул руку.

— Здесь пусто, — сказал он.

— Под кладкой? — Эрса добралась до площадки. — Там облицовка. Старый камень ниже! Я говорила, шов разойдётся!

Рокх увидел ошибку: гном принял толстый верхний слой за часть основания. Под светом и горячей водой тот держался хуже, чем показывала поверхность.

Ромгар не стал повторять движение. Перенёс опору к стене, положил топор поперёк трещины и сам опустился на колено, удерживая край мостика, пока последний рабочий перебирался на площадку.

Правую руку он прижал к камню левой. Из-под пальцев потекла кровь.

— Уходите наверх, — сказал он людям. — По одному. Не бегом.

Охранник возле лестницы поднял копьё.

Рокх повернул к нему голову.

— Ещё одно движение не в сторону выхода — и останешься здесь.

Человек посмотрел на то, что осталось от печатника, бросил копьё и отступил к лестнице.

Младший печатник лежал возле треноги. Правая нога подвернулась под него, на губах была кровь. Он пытался отползти, не сводя глаз с чёрной руки мага.

Печатник уже отпустил устройство, а разделитель продолжал выполнять последний приказ. Живой хозяин ему больше не требовался.

— Ромгар. Здесь есть старый выход. Под треногой.

Гном не повернул головы.

— Вижу шов. Что тебе нужно?

— Снять нагрузку с нижнего кольца. Не со всего зала. С кольца.

— Если отпущу мост, он ляжет поперёк лестницы.

Эрса сорвала с пояса связку ключей.

— Два рабочих уже наверху. Поднимут противовес. Я покажу, где зацепить.

Она не стала ждать согласия. Ушла к лестнице, перешагнув через выброшенное копьё.

Рокх посмотрел вниз.

Под ногами медной треноги открывалось то, чего он не заметил сразу: огромная круглая плита, разбитая на отдельные сектора. Новое устройство было поставлено поверх старого. В его прорезях сквозь воду проступали знаки, похожие на встреченные среди развалин после падения в Илий.

Правую ладонь кольнуло.

Короткий золотой зубец загорелся и погас. На древней плите ответила одна линия.

Зал словно повернулся, хотя камень остался на месте.

Рокх увидел пространство под ним. Вернее, возможность пространства: узкую сухую дорогу, уходящую в сторону башни, ряд стоящих на боку колец и пустой промежуток между ними. Пристальный взгляд делал очертания яснее. За первым кольцом было что-то ещё — большое, неподвижное, до боли напоминавшее карту звёздных путей.

Он мог дотянуться.

Не пройти целиком. Пока только сцепить собственное зрение с открывшимся направлением, закрепить его, сохранить до следующей попытки.

Для этого требовалось отпустить перехваченный узел.

Белый поток немедленно пошёл бы вниз.

Рокх удержал руку на месте.

— Что нашёл? — спросил Ромгар.

Маг не ответил сразу. Дорога была так близко, что остальной зал стал досадной помехой. Можно было сказать гному, что нужно ещё мгновение. Можно было назвать движение проверкой.

Из глубины донёсся глухой удар. На дальнем краю плиты откололся кусок камня. За ним темнела щель, из которой поднимался пар.

— Путь к башне, — сказал Рокх. — И, возможно, запись других дорог. Если удержу открытым, поток пойдёт к эльфам.

Ромгар посмотрел на него.

— Надолго?

— Не знаю.

Сверху заскрежетал противовес. Мостик поднялся на несколько пальцев.

Гном медленно освободил правую ладонь.

— Могу снять нагрузку сейчас. Потом обойма треснет.

Рокх ещё раз посмотрел на дорогу. Она не обещала ни свободы, ни нового ключа. Всего лишь была видна. Этого оказалось достаточно, чтобы отказ ощущался потерей.

— Снимай.

Ромгар перенёс силу вниз.

На этот раз он нашёл настоящий камень под облицовкой. Старое кольцо дрогнуло, приподнялось одним краем. Рокх разглядел узкий промежуток между ним и медным основанием разделителя.

Туда он и направил тьму.

Не против света. Между двумя устройствами.

Фиолетовые нити растянули соединения. Белый поток выгнулся, пытаясь удержаться в прежнем русле. Рокх почувствовал, как заклинание тянет из него больше, чем он рассчитывал. Перед глазами вспыхнули чёрные точки.

— Ещё палец, — сказал он.

— Не могу.

Гном произнёс это спокойно. Рокх видел его руку, дрожащую на рукояти топора, видел, как гаснет тёплый запас возле плеч. Можно было ворваться в открытые потоки и взять движение на себя — вместе с тем, что ещё оставалось в теле Ромгара.

Вместо этого маг посмотрел на три медные ноги.

Он до сих пор старался сохранить устройство. Для вопросов. Для исследования. Для себя.

— Отойди от правой, — сказал он.

Тёмная полоса ударила в медь.

Первая нога переломилась. Тренога накренилась. Вторая вырвалась из крепления. Рокх толкнул основание в сторону щели, и всё устройство обрушилось на древнюю плиту.

Белый камень разлетелся.

Удар выбросил мага на край площадки. Ромгар перехватил его за пояс левой рукой, сам едва удержался, но не отпустил. Рокх вцепился в каменный выступ. Вода снизу хлынула вверх, холодная, тяжёлая, уже без белого сияния.

Путь к башне исчез.

Сектора древней плиты один за другим сомкнулись. Один застрял, скрежетнул и раскололся от собственного веса. В провале мелькнула последняя золотая линия, и её поглотила вода.

Рокх долго смотрел в пустое место.

Потом поднялся на четвереньки и выкашлял воду.

— Замок, — сказал Ромгар после паузы, — действительно пригодится.

Маг повернул к нему мокрое лицо.

— Для чего?

— Чтобы запереть тебя подальше от устройств, которые хочется сохранить целыми.

Рокх хотел ответить. Вместо этого снова закашлялся.

К полудню вода в верхних чашах остыла.

Эрса проверяла её железным прутом, затем собственной ладонью. Рабочие таскали деревянные щиты к нижней лестнице: автоматические заслонки больше не держали прежнего напора, и на ночь водосборник предстояло перевести на ручной отвод.

На дороге сидели четверо разоружённых охранников и младший печатник. Одному Ромгар перевязал бедро. Другому Эрса сама вправила вывихнутый палец, выслушав столько ругани, что велела впредь ломать что-нибудь молча.

Рокх снял с печатника сумку.

Внутри оказались пропуск, складская отметка и приказ, выданный три дня назад.

Ромгар прочёл его, сидя на ступенях. На виске у гнома выступили крупные капли пота. Мокрая ткань на правой ладони понемногу краснела.

— «Прекратить самовольное пользование нижними ответвлениями», — произнёс он. — «Избыточное сияние отвести в исключаемую часть сети до прекращения обратного сопротивления».

— Перевод нужен? — спросил Рокх.

— Нет.

Гном положил лист на камень и прижал краем родовой пластины, чтобы его не унёс ветер. Младший печатник смотрел на бумагу.

— Я не составлял.

— Зато поворачивал, — сказала Эрса.

— Мне сказали, внизу пусто.

Она опустилась перед ним на корточки.

— Я утром тебе сказала, что внизу люди.

Он отвернулся.

Рокх забрал приказ. Дата имела значение. Удар по нижним ходам готовили до встречи у ручья, до отказа Ромгара, до их нового союза. Теперь прежней охоте просто дали ещё одну удобную цель.

— Они вернутся, — сказала Эrsa, глядя на охранников.

— Сюда больше нечего ставить, — ответил маг.

— Есть я. Есть мои люди. Найдут, за что спросить.

Ромгар поднял голову.

— Можешь уйти к переправе. Серет там. Я напишу, что видел.

— А воду кто даст верхним дворам? Твоя бумага?

Гном помолчал.

— Тогда напишу, где ты осталась. И почему.

Она кивнула. Это предложение ей подошло больше.

Рокх вернулся к разбитому устройству, когда низкий зал уже наполовину осушили. Большая часть белых пластин превратилась в крошево. Древнее основание исчезло под сомкнувшимися секторами. Он осторожно провёл по ним силой и отступил: открывать снова означало разрушить всё, что удерживало воду.

С края площадки удалось снять только узкую металлическую накладку, сорванную при ударе.

Она лежала под медной ногой разделителя, но принадлежала не ему. На внутренней стороне сохранилась схема: две чаши, вертикальный порог между ними, три короткие линии под основанием. Рядом была вырезана вытянутая ладонь с шестью пальцами.

Рокх обтёр металл.

Один край накладки износился от множества касаний. Другой сохранил ровную выемку — слишком точную для грубой меди, которой накладку недавно прижали.

Находка не заменяла утраченной дороги.

Он всё равно убрал её под плащ. Несколько осколков белой пластины завернул отдельно. На одном сохранился край нанесённого сверху знака.

Когда маг поднялся, Ромгар разговаривал с Эрсой у маленькой ниши в стене. В нише стояла чаша с тремя носиками. Женщина переливала воду из одного в другой, следя за тонким костяным поплавком.

— Нижние слышат? — спросил Рокх.

— Если кто-то остался у приёмной чаши. Мы так сообщаем, когда закрываем воду. Голос хуже проходит, чем удары, но обычно разбирают.

Она повернула один носик к стене.

Вода в чаше потемнела. Несколько мгновений был слышен только плеск, затем сквозь него пробился чужой голос.

— Третий? Отвечайте. Что у вас происходит?

Рокх наклонился ближе.

— Передайте Иллису. Здесь Рокх.

На другом конце замолчали.

— Повторите.

— Передайте Иллису. Пока мне не захотелось искать его обычным способом.

Эrsa посмотрела на гнома.

— Всегда так?

— Сегодня довольно вежливо.

Ответа пришлось ждать. Ромгар успел дописать сообщение Серету и отдельно несколько строк для Кхаз-Руна. Эrsa обещала передать их с вечерним возом к переправе. Попросил назвать возчика и сделал пометку на собственной копии.

Рокх тем временем отпустил охранников. Оружие осталось у Эрсы, документы — у него. Младшего печатника товарищи унесли на снятой двери. Маг проводил их взглядом, различая следы силы, идущие к заставе.

Уничтожить всех было бы проще, чем потом ждать новых донесений.

Но кто-то должен был рассказать, что произошло с разделителем. Желательно подробно. Наконец чаша заговорила голосом Иллиса.

— У западной цистерны обожгло двоих. Нижний шлюз треснул. Сейчас давление падает.

— Мы сняли устройство. Оно гнало свет в вашу сторону.

— От башни?

— Из сети. Откуда в неё приходит всё остальное, ещё не разобрались. Есть приказ. И деталь, которую я хочу показать твоим мастерам.

Пауза. Затем голос князя:

— Ты ещё в долине, Рокх.

— Помню, что обещал.

— Тогда возвращайся.

Маг взглянул на тёмную башню над холмами. В солнечном просвете были видны три нижних кольца. Выше мешали облака.

Служебный путь, по которому они собирались приблизиться к ней, остался под водой и обломками. Другого он пока не знал.

— Приду с Ромгаром.

— Это я слышал ещё вчера.

— Вчера ты слышал намерение. Сегодня я спрашиваю о входе.

Долго было слышно только воду.

— До внешнего моста, — ответил Ваэль. — Дальше я встречу вас сам. Оружие открыто не несите. Нижних опор не касайтесь. Мои люди сейчас держат их без помощи Кхаз-Руна.

— Передам.

Ромгар стоял достаточно близко, чтобы слышать каждое слово.

Связь оборвалась. Эrsa вернула носик чаши на место.

— Верхнюю дверь за собой закройте, — сказала она. — Замок оставьте здесь.

Рокх посмотрел на гнома.

— Не повезло.

— Переживу. Не последний замок на этой дороге.

К вечеру в Светограде знали, что Ромгар отказался от приказа.

Лиор доставил донесение в приёмную учёной службы и потребовал отметить время. Принимавший бумаги служитель дважды объяснил, что прелат занят. Лиор дождался отметки, только после этого отдал первый экземпляр. Второй остался у него под одеждой.

Сейр прочёл донесение раньше Варна.

Когда прелат вошёл, магистр стоял у окна. На столе лежали две бумаги: рассказ о событиях у «Медного порога» и свежая запись, переданная с восточной заставы через зеркало.

— Водосборник повреждён, — сказал Сейр. — Один печатник погиб. Разделитель уничтожен.

Варн взял первый лист.

— Значит, гном уже участвует в нападениях.

— Приказ о нижних ответвлениях вы подписали три дня назад.

— Я помню, что подписываю.

Сейр не ответил. Варн дочитал до описания фонаря и задержался на строках о накладных из башенных мастерских.

— Оригиналы у кого?

— Согласно донесению, у Серета.

— Потребуйте передать.

— Он пришлёт копии.

Прелат положил лист.

На другом краю стола лежали письма из человеческих земель. Два правителя уже соглашались закрыть свои перевалы для людей, не имевших церковного пропуска. В третьем письме обещали всадников, но требовали взамен отсрочить выплату долга храмовой казне.

Варн придвинул это письмо.

— Подготовьте отсрочку. На время похода.

— Казначей возразят.

— Пусть напишут возражение. Всадники нужны раньше.

Он позвал секретаря и продиктовал новое уведомление: Ромгар из Кхаз-Руна самовольно прекратил исполнение поручения и ушёл вместе с разыскиваемым магом. До выяснения обстоятельств не оказывать им содействия в передвижении, не выдавать карты служебных ходов, сообщать о появлении обоих ближайшей заставе.

В тексте не было ничего о раненых у таверны. Не было и требования проверить записи Башни Круга.

— Приложение о водосборнике? — спросил секретарь.

— Отдельно. Для правителей — ущерб дороге и смерть печатника. Для дорожных служб — номера утраченных пластин.

Сейр посмотрел на него.

— А приказ, из-за которого их туда поставили?

— Во внутреннее дело.

Секретарь продолжал писать.

Варн развернул карту восточных земель. За границами человеческих владений на ней оставалось много пустого места. Несколько речных изгибов, знаки зимовий, названия, написанные разными руками. Там начинались земли орочьих родов.

— Послы готовы?

— Ждут проводников, — ответил секретарь. — Купеческий двор отказался посылать прежних. Не уплачено за прошлую поездку.

Прелат некоторое время смотрел на карту.

— Уплатить.

— Из походной казны?

— Из моей.

Сейр впервые за весь разговор повернулся к нему полностью.

Варн накрыл ладонью пустое место за восточной границей.

— Письма верховным шаманам переписать. Не требование присоединиться. Приглашение обсудить общую опасность. Послы повезут сведения о некроманте и предложение охраны торговых путей.

— И сведения о Кхаз-Руне? — спросил магистр.

— О Ромгаре. Пока только о нём.

Секретарь кивнул и забрал бумаги.

Ни один орочий род ещё не обещал Варну людей. На карте не появилось ни нового знака, ни новой дороги. Прелат оставил рядом с пустой областью две незапечатанные грамоты и вернулся к письму о всадниках.

Иллис встретил путников у старого слива, уже в сумерках.

От третьего водосборника они шли вдоль подземных отводов, затем свернули к лесу. Ромгар дважды просил остановиться. Во второй раз просто сел у стены, вытянул ноги и закрыл глаза. Рокх ждал, следя за проходом. Он не предлагал взять гнома в тень: после зала с зеркалом собственные переходы всё ещё отзывались болью под рёбрами.

Теперь разведчик молча рассматривал Ромгара.

— Топор заверни.

Гном снял оружие, достал из мешка полосу плотной ткани. Пришлось помогать себе подбородком. Иллис наблюдал, пока оба лезвия не исчезли под обмоткой.

— Свет не гаси, — добавил эльф. — Просто не направляй в стены.

— Не собирался.

— Многие не собираются.

Рокх вошёл в слив первым.

Здесь он уже знал дорогу: низкий поворот, четыре чаши у ниши, проход между корнями. Он показал Ромгару, где пригнуться, и задержался на скользком уступе, пока тот не переставил топор. Иллис шёл сзади. На этот раз разведчик следил не за тем, куда идёт Рокх, а за тем, кого он привёл.

За последней лестницей открылась пещера.

Гном остановился.

Столица Тёмного Дома висела над синей рекой. Серебряные мосты уходили от одной стены к другой, проходя между домами, выросшими из чёрного кристалла. Под потолком раскрывались бледные цветы. Их свет ложился на крыши мягче, чем свет больной звезды, и впервые за день Рокх увидел на лице спутника цвет, не тронутый зеленью.

Но город изменился со вчерашнего утра.

Два нижних моста были пусты. Под одним стояли лодки с длинными шестами. Возле западной цистерны на камне белел свежий налёт, а мастер в кожаном капюшоне счищал его скребком в закрытый сосуд. Несколько окон затянули мокрой тканью.

Ромгар посмотрел на повреждённую опору. Левая рука чуть поднялась.

— Не здесь, — тихо сказал Рокх.

Гном опустил её.

На внешнем мосту ждали лучники.

Они не направляли стрелы, но расстояние между стоящими позволяло каждому выстрелить, не задев соседа. Ваэль Тарисс стоял перед ними. Рядом находилась старшая советница, ещё вчера не скрывавшая недоверия к новому союзнику.

Князь посмотрел сначала на мага, потом на гнома.

— Ты вернулся не один.

— Это Ромгар из Кхаз-Руна, — сказал Рокх. — Мой спутник. Служебное полномочие Престолу он вернул. У третьего водосборника помог остановить поток, который шёл в ваш город.

Он повернулся к гному.

— Ваэль Тарисс. Князь Тёмного Дома. Я заключил с ним союз до нашей встречи. Моей силой — против похода. Его знаниями — к дорогам из этого мира. Наш с тобой договор этого не отменил.

— Мне известно об обязательстве, — сказал Ромгар. — За помощь у водосборника отдельной платы не прошу. За себя отвечу сам.

Советница перевела взгляд на обмотанные лезвия.

— Твой знак уже бывал у наших выходов.

— Мой знак — раскрытая ладонь. Но я пришёл сюда из войска Престола. Этого отрицать не стану.

— И теперь считаешь, что достаточно вернуть грамоту?

— Для входа — нет. Поэтому стою здесь.

За лучниками собрались люди. Рокх заметил женщину с мальчиком, которую видел вчера у лодок. На этот раз корзина была у неё в руках. Ребёнок смотрел на кольца в бороде гнома, пока мать не увела его за плечо.

Ваэль протянул руку.

— Приказ.

Рокх отдал лист.

Князь прочёл его, не меняясь в лице. Передал советнице. Та пробежала глазами строки и позвала одного из мастеров у цистерны.

— Здесь та же последовательность отсечения, — сказала она, показывая ему нижнюю часть.

Мастер посмотрел на печать, но коснулся пальцем не её, а двух коротких слов в середине текста.

— Обратное сопротивление. Мы его слышали. Держали шлюз, а снаружи прибавляли.

Ромгар спросил:

— Где пострадавшие?

Советница резко подняла голову.

— Наши лекари работают.

— Хорошо. Тогда скажите им: свет шёл через белый камень с новым рисунком поверх старого. Если в ранах остался налёт, у нас есть часть устройства для сравнения.

Рокх вынул металлическую накладку.

Мастер взял её осторожно, за края. Перевернул. Его лицо изменилось.

Ваэль заметил это прежде, чем он успел заговорить.

— Знаешь?

— Нижняя разметка, князь. Из старого города. У нас такая же на пороге под третьим садом.

Рокх посмотрел на него.

— На каком пороге?

Князь протянул руку за накладкой.

— Об этом поговорим внутри.

Он отступил на шаг, освобождая мост.

Лучники остались на местах. Когда Ромгар проходил между ними, никто не отвёл глаз.

За княжеским столом Рокху снова хотелось стоять.

Карту, на которой они заключили союз, убрали; стол вымыли. Ромгар сел на низкую скамью сбоку и положил топор так, чтобы до него можно было дотянуться левой рукой. Советница проводила оружие взглядом.

Им принесли воду, густой грибной отвар и хлеб с тёмной коркой.

Рокх не притронулся к еде.

— Покажи вторую разметку, — потребовал он.

Ваэль уселся напротив.

— Ты даже здесь торопишься уйти.

— За утро я уничтожил единственную дорогу, которую смог увидеть ясно. Предпочёл бы не тратить вечер на выяснение, зачем она мне нужна.

Князь некоторое время смотрел на него. Затем сделал знак советнице.

Та принесла плоский футляр. Внутри лежали тонкие листы серой ткани с угольными оттисками. На одном действительно повторялся рисунок накладки: две чаши, порог, три линии под основанием. Только здесь изображение продолжалось дальше.

По обе стороны порога стояли вытянутые фигуры. На сохранившихся руках было по шесть пальцев.

Ромгар отложил чашку.

— Те, о которых ты рассказывал?

Рокх наклонился ближе.

— Похожи. Где это?

Ваэль указал вниз.

— Под нами.

Из бокового прохода доносились шаги. Кто-то передавал распоряжения о лодках у западной цистерны. Рокх дождался, пока голос стихнет.

— Ты говорил, что ваши знания заканчиваются возле третьего водосборника.

— О дороге оттуда к Башне — заканчиваются. О том, на чём стоит мой город, я знаю больше.

— И не сказал.

— Вчера ты попросил безопасный путь к водосборнику. Получил всё, что мы могли подтвердить. Если бы у меня был безопасный путь через нижние пороги, разведчики не исчезали бы в галерее у башни.

Князь не повышал голоса. Рокх чувствовал, как легко спор можно превратить в обвинение, а обвинение — в повод потребовать всё сразу.

Но накладку не доказывала, что Ваэль знал выход из мира. Только то, что у него были похожие знаки.

— Тогда рассказывай о небезопасных.

Ваэль повернул оттиск.

— Мы пришли в эти пещеры после тех, кто их выстроил. Не после людей. И не после другого эльфийского Дома. Их нижние улицы слишком высоки, лестницы слишком широки. Некоторые двери открываются там, где за стеной должна быть сплошная порода.

— Открываются? — спросил Ромгар.

— Несколько открывались. До моего правления. Есть записи зрителей, не только сказки.

Советница положила рядом второй лист.

На нём был изображён зал. Через середину проходила линия воды, но у самой арки она разделялась и обходила сухую площадку.

Рокх узнал устройство.

Во время боя он видел ту же площадку под разделителем. Рабочее место, которое они приняли за основание водяного механизма, было сделано так, чтобы на нём кто-то стоял.

— Приёмный порог, — сказал он.

— Ты умеешь читать? — спросила советница.

— Не надпись. Рисунок. Вода окружает место, но не входит в него. Канал переносит не всё содержимое.

Он провёл пальцем, не касаясь ткани.

— Здесь должен быть второй край. Куда он выходил?

— В одной записи — в сухое помещение с красным песком за дверью, — ответил Ваэль. — В другой — в зал с двумя рядами чёрных столбов. На старых планах пещер таких мест нет. Называть их другими мирами я не стану. Наши предки тоже умели ошибаться.

Ромгар наклонился над листом.

— А вода нужна для самой работы или только для отвода?

— Этого мы не выяснили. Пороги перестали отвечать ещё до рождения многих здешних мастеров. Последние попытки закончились потерями.

Рокх развернул собственную ладонь.

Знака не было.

Он поднёс её к оттиску. Ладонь не отозвалась ни на уголь, ни на старую ткань.

— Мне нужен настоящий порог.

— Тебе нужны мои проводники, мастера, записи и доступ под жилые своды, — сказал Ваэль. — А мне нужно, чтобы ты помог сохранить всё это до конца твоих поисков.

Ромгар спокойно продолжал есть. Он не собирался объяснять князю, как следует доверять некроманту.

Ваэль придвинул другую карту.

На ней были три выхода на поверхность. У двух стояли свежие отметки.

— Поход ждёт разрешения двигаться дальше. У северной просеки собирают новые зеркальные рамы. С третьего водосборника нас уже попробовали достать. Если они замкнут выходы, мы сможем ещё какое-то время жить здесь. Торговать — нет. Выводить раненых — нет. Искать твои двери — тоже нет.

— Ты хочешь, чтобы я уничтожил поход.

— Я хочу, чтобы у моих людей оставалась дорога. Не прошу обещать мне смерть каждого человека под белым знаменем.

Рокх посмотрел на две свежие отметки.

— Что взамен, кроме оттисков?

— Все сохранившиеся сведения о древних порталах под городом. Не слухи о том, что я когда-нибудь разрешу их посмотреть. Сами записи. Проводник к порогам. Наши наблюдения за нижними галереями и всё, что удастся установить по детали, которую ты принёс. В обмен — твоя помощь против инквизиции и тех сил Престола, которые перекрывают наши выходы.

— До моего ухода из Илия или до конца ваших войн?

— Обсудим конкретные действия. Начнём с этих двух мест.

Рокх поднял глаза.

— Один проход надо оставить свободным для людей, уходящих к переправе. Белый плащ сам по себе не цель. Среди них работают спутники Ромгара.

— А вооружённые отряды, которые назовут себя беженцами?

— Их отличим на месте. Я не предлагаю верить каждому.

Князь посмотрел на гнома.

— Ты молчишь.

Ромгар поставил пустую чашку.

— Потому что моей силой пока никто не торгуется. Я помогу осмотреть опоры, если ваши мастера захотят. И хочу получить копии наблюдений о свете для Кхаз-Руна. В нападении ради мести участвовать не стану. В защите выходящих людей — стану.

Советница некоторое время разглядывала его, затем придвинула чашку с отваром ближе к его левой руке.

— Сегодня опоры осмотрены, — сказала она. — Завтра придёт старший мастер.

Гном кивнул. Отказ его устроил.

Рокх вернулся к оттиску.

— Настоящий порог посмотрю сейчас. Дальше решим, с какого выхода начать. И записи — здесь, не после ещё одной услуги.

Ваэль положил ладонь на футляр, но не закрыл его.

— Записи останутся в этой комнате. Их можно читать и снимать копии. Под жилые своды — с проводником. Сегодня до внешней решётки. Ничего не открывать.

Рокх хотел возразить.

В правой ладони всё ещё дрожала боль после разрушенного разделителя. У Ромгара на повязке проступило новое пятно. Оба едва держались на остатке дневных сил.

— Сегодня ничего, — сказал маг.

Князь убрал руку с футляра.

К нижнему порогу Рокх и Ромгар спускались за Иллисом и старым мастером, который почти не разговаривал.

Эльфийские дома остались наверху. Мосты сменились лестницами, кристалл — тёмным камнем. В стенах встречались заложенные дверные проёмы, слишком высокие для любого из

путников. Между новыми трубами виднелись полосы древней резьбы. На одной сохранился ряд вытянутых лиц. Лица были сбиты одинаковыми косыми ударами.

Рокх остановился возле ближайшего.

— Мы не знаем, кто это сделал, — сказал мастер, не оборачиваясь. — Прежде чем спросишь.

Маг убрал руку.

Порог находился за железной решёткой.

Он был невысоким по сравнению с окружавшими его дверями — чуть выше человека. Две гладкие стойки, перемычка, сухая площадка между разделёнными каналами. Внутри арки стояла каменная стена.

На правой стойке повторялся рисунок с накладки.

Ромгар поднёс свет ближе, не касаясь кладки. Вода в желобах медленно двигалась от арки в разные стороны.

Рокх ждал ощущения дороги.

Ничего.

Он попробовал смотреть так, как смотрел бы Даргош: различая слои, не требуя сразу назначения. Увидел старые крепления. Мелкие следы поздних ремонтов. Пустые гнёзда, из которых давно вынули металл.

Ниже обнаружилась тонкая свежая борозда.

Рокх наклонился к решётке.

По каналу проплыла крупинка белого камня. За ней ещё одна. Они были слишком похожи на осколки разрушенных пластин.

— Когда здесь работали в последний раз?

Мастер подошёл ближе.

— Мы — семь дней назад. Меняли крепёж решётки.

— Белый камень использовали?

— Нет.

Рокх проследил движение воды. Вопреки ожиданию, крупинки приходили не из верхнего канала, по которому могла бы спуститься грязь после полуденного удара. Они появлялись у самой стены внутри арки.

С противоположной стороны порога.

Гном тоже это увидел. Поставил свет на сухой выступ.

Мастер медленно отступил к Иллису.

— Здесь сплошной камень, — сказал он. — Я проверял.

Рокх не ответил.

Из-за стены донёсся короткий металлический удар.

Потом второй.

Кто-то работал по ту сторону.

Рокх медленно отступил от решётки.

— Ромгар. Погаси свет.

Вода в желобе на мгновение остановилась.

Удары за стеной тоже.

Глава 3. Чужая смена

Ромгар погасил свет.

Несколько мгновений Рокх видел перед собой решётку — тёмные прутья на красноватом пятне, оставшемся в глазах. Потом исчезла и она. Из верхних садов доносился отдалённый стук колёс. Здесь, под каменными лестницами, было слышно только дыхание четверых и редкое падение капель.

Иллис осторожно переставил ногу.

— Не натягивай, — прошептал старый мастер.

— Я ещё не натянул.

— У тебя кожаный напальчник скрипит.

Эльф перестал двигаться.

Рокх опустил на корточки возле решётки. Холод от пола сразу прошёл через мокрую одежду. Он мог раскрыть зрение, протянуть тень в швы, заставить камень ответить. После дневного боя каждое из этих действий заранее отзывалось болью под рёбрами. К тому же они только что обещали ничего не открывать.

Маг коснулся нижнего прута костяшкой пальца.

Удар получился негромким.

По ту сторону выдержали паузу. Затем ответили одним ударом.

Ромгар присел рядом. От него пахло мазью Руты и высыхающей шерстью. Он положил на пол ладонь, но не направил силу в камень. Просто опёрся, чтобы разгрузить больное плечо.

— Слышит, — сказал он едва различимо.

Рокх постучал дважды.

Ответ повторился.

Потом за стеной заскребли. Звук переместился ниже, к самому основанию порога. В темноте мелькнула узкая полоска тусклого жёлтого света. Рокх увидел воду, короткий участок сухого камня и что-то белое, задержавшееся у края желоба.

Полоска исчезла.

— Не светите сюда, — прошелестел чужой голос.

Рокх замер. Голос был человеческим. Мужским. Слова произносились так близко к отверстию, что вместе с ними слышалось влажное дыхание.

— Кто ты?

— С той стороны кто?

— Человек, которому не нравится чужая работа под его ногами.

— Тогда мы с тобой разного роста. У меня всё над головой.

Ромгар осторожно тронул Рокха за рукав.

Из щели потянуло воздухом. Сухим, пахнущим сосновой смолой и железной окалиной. В подземном городе такого запаха не было: здесь дерево хранили сырым, а кузницы топили совсем другим углём.

— Где ты? — спросил гном.

Молчание.

Рокх уже собирался повторить вопрос, когда в желобе что-то тихо звякнуло. Узкая металлическая полоска ударилась о край плиты. Он протянул руку между прутьями, нащупал её двумя пальцами и вытащил из воды.

Полоска была свёрнута в неплотную трубочку. Внутри находилась бумага.

— Передайте смотрителю северного приёма, — прошептал незнакомец. — До грузовой смены. Только не через верхнюю...

Где-то за его спиной скрипнула дверь.

Рокх прижался ближе к решётке.

— Стой.

По ту сторону коротко выдохнули. Раздался металлический щелчок, похожий на звук задвигаемого засова. Жёлтая полоска погасла. Вода снова пошла по желобу, обогнула основание арки и потекла к их ногам.

Маг держал мокрую трубочку и слушал.

Дверь закрылась. Или это ударил механизм. Теперь расстояние невозможно было определить: звук пришёл из камня, одинаково глухой со всех сторон.

— Не через верхнюю что? — тихо спросил Иллис.

— Если вернётся, спросишь, — ответил Рокх.

Разведчик убрал стрелу в колчан.

Старый мастер достал из сумки маленькую масляную лампу. Зажёг её за поворотом, прикрыл стекло ладонью и только после этого вернулся к решётке. Ромгар принял лампу левой рукой. Обычное жёлтое пламя показало стойки, перемычку и каменную стену внутри арки.

Никакой щели не было.

Рокх провёл по сухому полу тонким железным щупом, который дал мастер. Щуп упёрся в камень. Выше — тоже. Ни отверстия, ни зазора, куда могла бы пройти трубочка.

— Я проверял, — повторил старый эльф.

— Вижу.

— Ты не верил.

— Теперь у нас обоих есть причина проверять заново.

Он вернул щуп. В желобе лежали две свежие белые крупинки. Рокх поднял одну на ноготь и понюхал. Каменная пыль, почти без запаха. Не всякий белый камень принадлежал церковному зеркалу.

Гном наблюдал за его рукой.

— Что в бумаге?

— Прочтём наверху.

— Здесь можно развернуть.

— Здесь кто-то только что попросил не светить.

Ромгар кивнул и отступил от решётки.

Старый мастер запер наружную калитку, дважды дёрнул её за прут. Защёлка исправно держала. Он посмотрел на ключ в собственной ладони так, словно впервые заметил, какую малую часть входа тот запирает.

Ваэль не спал.

Когда они вернулись, князь стоял у раскрытого окна, выходившего к реке. Внизу перетягивали лодку на другое место. Двое гребцов спорили с человеком на берегу; до зала долетали отдельные слова, и по ним было ясно, что спорят о причальном канате, а не о войне.

Советница убрала со стола остатки ужина.

— Что открыли?

— Ничего, — ответил Рокх. — Нам прислали письмо.

Ваэль обернулся.

Маг положил трубочку на чистую ткань. Металл оказался тонкой медью, почерневшей снаружи и светлой на перегибе. Бумага промокла только по краю. Внутреннюю сторону кто-то поспешно натёр жиром.

На листке были три строки.

«Северный приём. Ближайшую смену не пускать. Настоящих держат в Сухом дворе».

Ниже стояла отдельная буква «О» и знак: короткий крючок внутри квадрата.

Старый мастер сел, не спросив разрешения.

Ваэль посмотрел на него.

— Тиррен?

— Клеймо Олвена. Замочник из верхней слободы.

— Уверен?

— В клейме — да. Кто его поставил, не видел.

Рокх повернул медную полоску. На её краю обнаружили три неглубокие насечки. Одна проходила поверх другой, точно резчик сначала ошибся, потом поправил руку.

— Он выстукивал сигнал твоим инструментом?

— Моего там нет. Но медь похожа на обрезки, которые мы отправляли для пробы. Неделю назад.

Советница поставила пустую чашу слишком громко.

— Какие пробы?

Тиррен поднял голову.

— Саэрра, вы сами разрешили заказать новые крепления. Верхние мы сменили неделю назад, нижние пока стянуты временными полосами. Старые отверстия разнесло сыростью.

— Я разрешила передать размеры решётки.

— Я передал размеры и оттиски мест, куда крепления должны встать.

Ваэль подошёл к столу.

— Вместе со знаками?

Мастер промолчал.

Рокх вспомнил свежую борозду на стойке. Семь дней назад. Смена крепежа. Тогда же человек наверху получил изображение древнего порога.

— Ты знал, что знаки могут пригодиться не для железа? — спросил он.

— Знал, что они там есть. На этой стене ими исчерчено всё. Я заказывал скобы, а не новую дорогу.

— Кто получил листы?

— Олвен. И его помощники.

— Сколько?

— С ним трое. Беран, камнерез. Ласса делала промеры от нас. Она должна была вернуться с заказом.

Иллис перестал прислоняться к стене.

— Ласса ещё там?

— Вчера передали, что телега выйдет с очередным грузом. Я думал, задержали из-за застав.

Саэрра протянула руку за письмом.

— О задержке кто сообщил?

— Возчик. Он привёз квитанцию.

— Квитанция где?

— У меня.

— Принесёшь.

Старый эльф с трудом встал. На его лице проступили глубокие складки от крыльев носа к углам рта. До этого Рокх принимал их за часть обычного старческого выражения. Теперь мастер выглядел человеком, мысленно возвращающимся к разговору, в котором он мог задать ещё один вопрос и не задал.

Ваэль остановил его у двери.

— Сначала скажи, что значит северный приём.

— Наш грузовой двор у северных ворот. Там перегружают товары с повозок на низкие тележки. Люди с поверхности дальше наружных складов не ходят. А Сухой двор — наверху, под старым карьером. Там собирают груз и нанимают смену.

— А порог под третьим садом?

— На старых листах у него та же разметка приёма. Я считал, название осталось от прежней дороги. По самому порогу никто из наших не проходил.

Рокх посмотрел на медную трубочку.

Он ждал следа Башни Круга, другого мира, хотя бы подземного зала, которого нет на карте. Вместо этого древняя стена открылась рядом с местом, где меняли грузчиков. Именно это не позволяло отмахнуться от находки. Враг, которому нужна была дорога, мог быть гораздо ближе, чем хотелось.

— Из Сухого двора сюда сколько идти? — спросил он.

— По старой тропе полдня, — ответил Иллис. — С грузом дольше. Через северные склады короче, но нас увидят.

Ромгар развернул на столе мокрый листок.

— Следующая смена — это когда?

— Послезавтра, после малого вечернего колокола, — сказала Саэрра. — Раз в шесть дней. Зерно, соль, масло. Обратным грузом гриб и ткани.

— Перенесите приём.

— На сколько?

Гном встретил её взгляд.

— Пока не узнаем, кто придёт вместо ваших людей.

— У нас уже закрыта западная дорога. Из-за удара по цистерне нижние сады остались без полива. Зерно сюда не падает с потолка. Отказать грузу легко. Следующий пойдёт только после нового соглашения с перевозчиками.

Ромгар больше не настаивал. Придвинул письмо ближе к лампе и прочёл ещё раз.

Рокх ждал, что князь прикажет вскрыть порог. Наконец появилась возможность заглянуть туда, куда не пускали древние записи. Ваэль вместо этого позвал начальника северной стражи.

Распоряжения оказались короткими: ночной караул не менять, обычные сигналы оставить, пришедших с поверхности задерживать у наружного склада без объяснений о письме. Никому не сообщать, откуда оно получено.

— Вы не верите ему? — спросил Тиррен.

— Я не знаю, он ли писал, — ответил князь. — И не стану проверять это жителями города.

— Там могла быть ловушка, — сказала Саэрра, когда начальник стражи ушёл. — Кто-то хочет, чтобы мы закрыли единственный работающий торг.

— Могла, — согласился Рокх. — Поэтому мне нужен ответ от человека, а не ещё один спор о его бумаге.

— Сегодня ответов больше не будет, — сказал Ромгар.

Маг повернулся к нему.

Гном держал край стола. Пальцы левой руки были серыми от напряжения; правую он уже не поднимал. Рокх вдруг заметил, что и сам стоит, опираясь бедром о скамью.

— Ты за обоих решил?

— За себя. Если пойдёшь снова, я останусь спать. Утром мне понадобятся глаза, которые ещё различают строки.

Ваэль кивнул на футляры с оттисками.

— Записи перенесут в соседнюю комнату. Читать и снимать копии можно там. Тиррен придёт утром с квитанцией. До этого порог будет под наблюдением.

Рокх задержал взгляд на письме. Незнакомец по ту сторону мог сейчас лежать связанным. Мог уже не дышать. Мог спокойно считать деньги за хорошо разыгранную просьбу о помощи.

— Разбудите, если стена заговорит, — сказал он.

— Любая? — уточнила Саэрра.

— Начнём с этой.

Комнату им дали над мастерской канатов.

За одной стеной стояли большие барабаны с намотанным волокном. За другой хранили пустые корзины. На двух низких кроватях лежали чистые одеяла, пахнувшие травяным дымом. В углу находился кувшин с водой и таз, слишком мелкий для умывания и достаточно глубокий, чтобы залить пол.

Ромгар испытал это первым.

Рокх наблюдал из дверей.

— У тебя талант находить воду там, где её не должно быть.

— Подай тряпку.

— После всех твоих работ ожидал более сложного решения.

Гном молча протянул к нему мокрую левую ладонь.

Рокх снял с гвоздя полотенце и бросил. Ромгар поймал его грудью, вытер пол, потом сел на край кровати. Стягивать кольчугу оказалось труднее. Он освободил голову, вывел левую руку, а правый рукав зацепился за повязку.

Маг подошёл.

— Дай.

— За кольца возле локтя. Не тяни кисть.

Рокх снял рукав, положил кольчугу на скамью. Под ней рубаха прилипла к плечу. Гном расстегнул ворот и несколько раз осторожно свёл лопатки.

— Давно не получал такого удовольствия от обычной комнаты, — сказал он.

— Ты слишком мало сидишь в обычных комнатах.

— Ты слишком часто их портишь.

Вместе с полотенцами им принесли чистые перевязки, миску тёплой воды и кусок мыла. Ромгар долго размачивал ткань на ладони. Рокх сел напротив и занялся собственным запястьем. После светового удара ожог потемнел по краям. Никакой красивой линии, только повреждённая кожа, цеплявшаяся за рукав.

Гном взглянул на него.

— Горячее?

— Терпимо.

— Я спросил не это.

— Горячее. Меньше, чем днём.

— Тогда промой. Мазь тонко.

Рокх хотел напомнить, кто учил его лечению ран, но Ромгар уже смотрел на свою руку. Маг промыл ожог.

За стеной перестали вращать барабан. Раздались шаги, усталый смех, пожелание кому-то не проспать малый колокол. Рабочий день закончился. Подземный город продолжал жить по своему расписанию, хотя снаружи его уже делили на цели.

— Утром пойду к лекарям, — сказал Ромгар.

— Они тебя звали?

— Саэрра дала разрешение посмотреть записи. Двоим обожжённым лучше. Меня интересуют другие больные.

Рокх поднял глаза.

— Те же, что у тебя дома?

— Не знаю. Здесь свет не падает на людей прямо. Если слабость всё равно приходит, надо сравнивать больше, чем окна.

— Воду.

— Воду тоже. Еду, время начала болезни, откуда человек приехал. Я умею спрашивать, не касаясь чьей-нибудь крови.

Гном попытался затянуть повязку зубами. Рокх забрал свободный конец и завязал узел сам. Слишком туго. Ромгар пошевелил пальцами.

— Ослабь.

Маг ослабил.

Рокх лёг не сразу. Он сел у двери с первым из принесённых футляров. Внутри лежали описи, несколько прорисовок и лист, на котором прежний смотритель старательно отметил расходы на чистку каналов. На изнанке была детская рожица с длинными ушами. Кто-то отдал исписанный лист ребёнку, потом забрал обратно, когда понадобилась бумага.

Внизу ребёнок пририсовал к древней арке косую крышу.

Рокх провёл пальцем по краю рисунка. Потом перелистнул.

С кровати донеслось:

— Не вздумай будить меня, если найдёшь ошибку в счёте за тряпки.

— А если в счёте за твой топор?

— Это Дорне.

Через несколько мгновений Ромгар уснул.

Рокх дочитал опись. Затем следующую. В памяти Даргоша находились другие двери. Видящий умел выбирать путь, но это не делало его знатоком всех мест, к которым путь мог привести.

Маг закрыл футляр.

За стеной мышь скреблась в пустой корзине. Из дальнего прохода доносился плеск. Он оставил дверь незапертой, положил нож под край подушки и лёг.

Впервые за несколько ночей сон пришёл раньше, чем он успел решить, кому следует не доверять.

Утром канатчики начали работу раньше стражи.

Рокх проснулся от ровного скрипа за стеной. На соседней кровати никого не было. Кольчуга исчезла со скамьи; на её месте лежал кусок хлеба, прикрытый перевёрнутой миской. Рокх съел хлеб.

Тиррен ждал возле комнаты с записями.

Старый мастер принёс квитанцию, деревянный ящичек с инструментами и две чашки горячего настоя. Глаза у него покраснели. В отличие от Рокха, он, похоже, почти не спал.

— Ласса у меня училась, — сказал он вместо приветствия.

— Иллис её знает?

— Выросли на одной лестнице. Он всегда тянул её на поверхность. Она вытаскивала его из мест, куда он не мог вернуться тем же способом, каким залез.

— Значит, умеет искать выходы.

— Я не для утешения рассказал.

— Я тоже.

Тиррен поставил чашку перед ним и развернул квитанцию.

Бумага была обычной. Четыре крепления, две нижние скобы, оплата при сдаче. Внизу стояло знакомое клеймо с крючком. На обороте чужой рукой дописали, что из-за проверки дорог заказ отправят очередным грузом.

— Кто дописал?

— Складской распорядитель. Подпись его.

— Знаешь человека?

— Видел трижды. Один раз спорили о весе железа.

Рокх прочёл приписку до конца. В ней не утверждалось, что Олвен, Беран и Ласса находятся на свободе. Только то, что их работа продолжается. Этого оказалось достаточно, чтобы никто не пошёл искать людей.

Маг положил квитанцию рядом с ночным письмом.

— Покажи всё, что относится к северному приёму.

Тиррен принялся доставать листы.

Древняя дорога постепенно проступала под слоями поздних записей. Её закрывали сведения о налогах, обвалах, ремонте водостоков и споре двух семей за помещение, которое каждая считала собственной кладовой. У одного и того же места было четыре названия. Некоторые смотрители переписывали старую метку, не понимая её значения; другие заменяли знаком ближайшего торгового двора.

Рокх развёл листы по столу.

— Это считали разными порогами.

— Их и сейчас считают разными.

— Я о записях. Здесь меняется название, но не разметка.

Он показал короткую насечку у основания нарисованной стойки. Затем такую же на другом оттиске. На третьем насечка почти стёрлась, однако расстояние до соседнего знака сохранилось.

Тиррен подошёл ближе.

— Нижний порог. Приём под третьим садом. Старая северная чаша, — прочёл он подписи. — Три описи разных лет.

— Одно место. Поэтому у тебя одни смотрители утверждают, что он не открывался, а другие перечисляют полученные предметы.

— Ты думаешь, они всё-таки ходили?

— Нет. Посмотри, что получали.

Кусок ткани. Дощечка с отметкой уровня. Медная проба. Один раз — письмо, которое не сумели прочесть. Ничего крупнее ладони.

На отдельном листе поздний переписчик оставил пояснение: «Малый обмен был исправен. Большой проход закрыт. С той стороны людей не видели».

Тиррен сел рядом.

— Как наша трубочка.

— Похоже.

— Значит, там всегда было отверстие?

— Вчера было. Сегодня посмотрим. Не превращай одну ночь в несколько тысяч лет.

Мастер потёр глаза. Рокх подвинул к нему остывающий настой.

Другие пороги носили другие метки. Часть совпадала на листах из отдалённых пещер. Между ними тянулись линии, позднее принятые за водоотводы. Но у линий были остановки, боковые площадки, обозначения груза. В одной описи рядом с запасом масла стояло число пассажиров.

Рокх задержал палец на этой строке.

Перед ним лежали остатки транспортной сети. Не набор священных дверей, каждую из которых следовало умолять отдельно. Кто-то перевозил здесь вещи, считал прибывших, ругался из-за задержек. Древние тоже не любили ждать груз.

Он вспомнил звёздную дорогу и собственную уверенность, что каждый новый знак обязательно ведёт к чему-то огромному. Этот вёл к складу. Возможно, именно поэтому запись пережила тех, кто её оставил.

— Отсюда можно попасть к Башне? — спросил он.

Тиррен принёс ещё один лист.

В нижнем углу повторялся знакомый рисунок двух чаш. Дальше начиналась цепь отметок. На середине бумага обрывалась.

— Последний смотритель назвал это восточной ветвью. До башенных галерей он не дошёл.

— Где остальная часть?

— Сгорела вместе с переплётом. Задолго до меня. Вот опись утраченного.

Опись действительно существовала. Рядом с картами в ней перечислялись счётные книги.

Дверь открылась. Ромгар вошёл с тремя небольшими свёртками и листом, исписанным левой рукой.

— У двоих ожоги затягиваются, — сказал он. — Их лекари умеют работать с этим лучше, чем я. Забрал образцы налёта с разрешения.

— А другие больные?

— Есть сходство. Но одна семья заболела после возвращения с поверхности. Вторая живёт в нижнем городе всю жизнь. В третьей болеет только младший ребёнок. Все получают зерно из верхних складов. Половина здоровых соседей — тоже.

Гном положил свёртки подальше от чашек.

— Быстрого ответа не будет.

Рокх указал на оборванную карту.

— Здесь тоже.

Ромгар наклонился к столу. Несколько мгновений рассматривал линии, затем спросил о значках на полях. Тиррен начал объяснять местные меры. Гном выслушал и перечеркнул число, которое успел записать: расстояние оказалось длиннее почти вдвое.

В коридоре послышались торопливые шаги.

Иллис остановился на пороге.

— Внизу снова стучат.

На этот раз возле решётки стояли двое караульных.

Один держал лампу с закрытой шторкой. Другой — короткий арбалет, направленный в пол. В нише у лестницы лежала медная накладка, которую Рокх принёс с водосборника. Ваэль велел доставить её вместе с записями; Тиррен успел сравнить рисунок с настоящей стойкой и оставил рядом.

У основания арки белела тонкая полоска.

Свет с той стороны был дневным.

Рокх присел и увидел через неё край деревянного настила. Между досками застряла стружка. Где-то дальше двигались чужие сапоги.

Затем отверстие заслонила рука.

— Кто-нибудь есть?

— Письмо прочли, — сказал маг.

Рука исчезла. К щели приблизился человеческий рот, сухие потрескавшиеся губы, несколько тёмных щетинок на подбородке.

— Смотритель?

— Рокх.

По ту сторону тихо выругались.

Иллис посмотрел на гнома.

— Имя действует и без колдовства, — вполголоса заметил Ромгар.

— Мне говорили, ты по дорогам ходишь, — прошептал незнакомец. — А ты уже в стенах.

— Назовись.

— Олвен. Замочник. Мастер Тиррен должен меня знать.

Старый эльф подошёл ближе.

— Последнюю скобу ты сделал уже на палец.

— Потому что ты прислал две разные меры. Я взял меньшую. Больше всегда успеешь испортить.

Тиррен закрыл глаза, потом снова открыл.

— Где Ласса?

— Под верхним складом. С Бераном. Их к вечеру выводят, днём держат в сушильне. Там решётка на окне.

— Живы?

— Вчера были. Я видел.

Ромгар сел так, чтобы не закрывать лампу.

— Олвен, сколько времени можно говорить?

— Пока наверху разгружают камень. Здесь приказали проверить нижние крепления. Один сторож у лестницы. Ходит редко.

— Кто приказал?

— Человек по имени Весс. Без знаков. Но вчера при нём стоял печатник и всё время спрашивал, успеют ли к приёму. Через верхнюю контору ничего не передавайте. Распорядитель принимает бумаги при Вессе. Я потому и полез к стене.

Рокх взглянул на щель. Она была шириной в ладонь и высотой в два пальца. Выше и по бокам оставался сплошной камень. Сквозь такой проход нельзя было протиснуться, но письмо, нож или наконечник стрелы прошли бы легко.

— Как открыл?

— Здесь такая же рама. Под ней ящик с ползунами. Нас заставили подгонять железо по оттискам. Вчера днём всё загудело. Потом вода ушла и вернулась горячей. Нижний ползун закусил. Я выбивал его, услышал ваши шаги.

— Раньше ничего не было?

— Раньше была стена. Теперь тоже стена, пока рычаг не прижмёшь. Я не знаю, почему. Мне за железо платили.

Он помолчал и добавил:

— До позавчерашнего дня.

Рокх показал Тиррену белую крупинку, которую сохранял в бумаге. Мастер растёр её ногтем и кивнул. Обычная пыль из карьера. Никакого нанесённого знака, никакого следа очищающего фонаря. Маг убрал бумагу.

— Что хотят сделать? — спросил он.

Олвен ответил не сразу.

Сверху по ту сторону прогрохотали колёса. Человек дождался, пока шум стихнет.

— Привезти смену, которую здесь никто не заказывал. Ваших грузчиков со вчерашнего утра не выпускают со двора. Вместо них набрали людей. Одели в рабочее. Выдали инструменты.

— Наши знают своих в лицо, — сказал Иллис.

— Знают. Поэтому Ласса поедет впереди. С настоящими бирками. Ей велели сказать, что прежняя смена заболела. Беран будет с ней. Я должен показать новое крепление. Будто мы закончили заказ.

— И вы согласились?

Лицо у щели исчезло. Рокх услышал, как человек переменял положение. Вернулся он с тяжёлым дыханием.

— У Лассы сломаны два пальца. Берану ночью не давали спать. Я пока торгуюсь.

Тиррен стиснул край своей сумки. Иллис неподвижно смотрел в узкое отверстие.

— Что за крепление? — спросил Рокх.

— Длинная рама. Разбирается на три части. Везут как опору для грузовой тележки. На самом деле её велели поставить поперёк ворот, когда нас впустят на нижний склад. Чтобы нельзя было опустить заслон.

Ромгар поднял голову.

— Захватят приёмный двор.

— Наверное. Я слышал: держать до второго груза. Что придёт вторым, не видел. Ночью во дворе стоят закрытые повозки. Возле них меняются вооружённые.

— Сколько?

— Считавших здесь не любят.

— Ты всё-таки посчитал? — спросил Рокх.

— Восемь, пока носил петли. Ещё двое у конюшни. В остальных дворах не был.

Тиррен нагнулся к щели.

— Олвен, ты можешь выпустить Лассу?

— Я могу достать до стены. До сушильни отсюда лестница, дверь и человек с копьём. Дай мне ваш большой проход — выведу всех троих.

Мастер посмотрел на Рокха.

Маг не отвёл взгляда.

Вчера в пороге стоял глухой камень. Сегодня человек разговаривал с ними через прорезь, которой мгновением раньше не существовало. Соблазн был ясным: найти следующий ползун, следующий знак, заставить маленькое отверстие стать дверью. На той стороне ждали сведения, люди, возможно, часть пути к Башне.

— Я не знаю, как открыть большой, — сказал он.

Олвен тихо втянул воздух сквозь зубы.

— Ты же...

— Я не собираюсь проверять на твоём теле, насколько неверно мне это известно.

Лицо снова отодвинулось. Слышно было, как замочник вытирает нос рукавом.

Ромгар заговорил прежде, чем Тиррен успел что-нибудь попросить:

— Есть выход из этой комнаты, кроме лестницы?

— Старый люк. За ним ход к известковой яме. Засов с этой стороны. Мне ногу к скобе приковали, чтобы не ушёл. Длина цепи до рычагов.

— Замок?

— Клёпка. Я замочник, а они не дураки.

Рокх посмотрел на инструменты Тиррена.

— Зубило есть?

Олвен усмехнулся. Смех кончился кашлем.

— В руке. Бить по ноге при стороже? Он не настолько редко ходит.

— Тогда пока говори. Где держат бумаги на смену?

— В верхнем столе. Часть у меня. Приказали проверить размеры груза по ведомости.

— Передай.

Пауза затянулась.

— А вы за нами придёте?

Рокх собирался ответить сразу. Уверенное обещание стоило бы ему двух слов и дало всё, что лежало рядом с человеком. Но Ромгар сидел достаточно близко, чтобы замочник слышал обоих.

— Пойдём к Сухому двору, — сказал маг. — Я не обещаю, что найду там вас живыми. И не обещаю вытащить всех, если двор уже занят войском.

— Мне надо лучшее обещание.

— Лучше у меня есть. Правдивее — нет.

Тиррен отвернулся. Ромгар не вмешался.

Через щель показался угол сложенного листа.

— Возьмите, — сказал Олвен. — Только Лассу не считайте своей, если она завтра скажет не открывать. И чужой не считайте, если скажет открыть. Ей велят.

Рокх взял бумагу.

— Сам начерти сушильню. Двор. Где сторож. На изнанке.

— Я только что отдал лист.

Маг развернул его, оторвал чистую нижнюю полоску и протолкнул обратно вместе с коротким угольком.

Рисунок появился не сразу.

По другую сторону скрипел уголь. Замочник дышал через рот и время от времени переставал чертить, когда наверху передвигали груз. Иллис ушёл к повороту лестницы, отправил одного из караульных за князем и вернулся.

Рокх прочёл ведомость.

Двенадцать сменных рабочих. Три повозки. Два воза зерна, один — с маслом и крепёжным железом. У каждой повозки свой возчик; имена не исправляли. Ниже отдельным столбцом были указаны люди, которым предстояло остаться в приёмном дворе для установки новых опор.

Установщиков было больше, чем грузчиков.

На полях стоял знак дорожного надзора. Такой же Рокх видел на пропуске младшего печатника у водосборника. Однако печати прелата здесь не было. Ведомость выглядела частным распоряжением склада.

— Верхних хотят пропустить как наёмную смену, — сказал Ромгар. — А у нижних потребовать помощь в разгрузке. Когда люди разойдутся по тележкам, у ворот останется меньше стражи.

— Вы так входили в города?

— Я видел, как входят другие.

Гном прочёл оборот.

— Здесь не вся группа. Это только первые.

— Остальные подождут, пока поставят раму.

Рокх ещё раз взглянул на подпись. В ней не было ни угроз, ни призывов к очищению. Указания о сроке сдачи и количестве рабочих. Несколько коротких строк обещали сделать то, с чем не справилось войско на дороге.

Из щели показался рисунок.

Маг потянулся за ним.

— Олвен!

Голос за стеной прозвучал громко и близко.

Угол бумаги дёрнулся назад.

Кто-то поставил ногу на деревянный настил. Подошва тяжело прижалась к доске, и Рокх увидел через щель её край.

— Что под ногами?

— Стружка.

— Я о воде.

Олвен молчал.

Послышался лязг цепи.

— Встань.

Тиррен резко наклонился. Ромгар перехватил его за плечо, не позволяя приблизить лицо к отверстию.

— Встань, я сказал.

— Нога затекла.

Раздался удар. Глухой, мясистый. Тиррен дёрнулся в руке гнома.

Рокх придвинулся к щели с другого края. Видел он только доски, часть сапога и железную цепь, которая легла поперёк настила. В нескольких пальцах от прорези показалась человеческая лодыжка в расклёпанном обруче.

Маг поднял руку.

Ромгар посмотрел на него, затем на щель.

— Железо, — беззвучно произнёс Рокх одними губами.

Гном отпустил плечо Тиррена. Наклонился так, чтобы слова ушли вниз:

— Олвен. Поддай скобу к стене.

Тот услышал. Рокх увидел движение: обруч повернулся, клёпаная головка оказалась возле самого края.

Сапог переступил.

— С кем ты...

Рокх протянул тень.

Она скользнула по нижней кромке щели, легла на железо и вытянулась в тонкое тёмное жало. Клёпка была новой. Головку расплющили торопливо, оставив с одной стороны небольшой наплыв. Маг нашёл его обычным взглядом прежде, чем коснулся силой.

Тень поддела наплыв.

Ожог на запястье отозвался резкой болью. Рокх выдохнул, удержал движение. В щели не хватало места ни для широкого плетения, ни для ошибки: рядом находилась чужая нога.

Клёпка выскочила.

Обруч раскрылся с коротким звоном.

Олвен ударил первым.

Рокх не увидел чем. Услышал хруст дерева, злой вскрик, затем грохот падающего ящика. Сапог исчез из поля зрения. Кто-то задышал тяжело и часто, загремела цепь, брошенная по доскам.

— Уходи, — сказал Ромгар.

— Бумагу...

— Уходи!

В отверстие ткнулась рука. Скомканный клочок выпал в желоб.

— Вторая яма под навесом, — выдохнул Олвен. — Если выберусь... там. С востока. Не свистите. Сторожевой...

Наверху крикнули.

Снова ударило дерево. На этот раз не ящик — дверь.

Рокх вытащил рисунок из воды.

— Закрой за собой, — сказал он. — Как открывал.

— Там заело.

— У тебя осталось зубило.

Человек по ту сторону коротко, почти безумно рассмеялся.

— Теперь хороший совет.

Металл заскрежетал. Рокх отдернул пальцы за мгновение до того, как полоска света сузилась. Последним он увидел тёмное пятно крови на доске. По нему скользнула тень человека, уходящего в другую сторону.

Щель закрылась.

За стеной ещё некоторое время глухо стучали. Потом звук исчез.

Тиррен опустился на пол.

Иллис встал возле него. Не прикоснулся, ничего не сказал. Мастер сидел, глядя на собственные сапоги. В его сумке лежали инструменты, которыми здесь уже никому нельзя было помочь.

Рокх развернул мокрый клочок на колене.

Двор. Длинный склад. Сушильня под стеной. Рядом с ней два маленьких креста. От нижней комнаты шла извилистая линия к восточной стороне рисунка. На самом краю стояли слова «вторая яма».

Ни ответа, удалось ли до неё добраться, ни знака, что человеку не нужна помощь.

Ромгар взял у караульного сухую ткань и протянул магу.

Рокх посмотрел на своё запястье. Под рукавом выступила кровь.

— Одна клёпка, — сказал он с раздражением.

— Сядь. Перевяжем.

— Я сижу.

Гном оглядел его, затем опустился рядом.

— Тогда хотя бы не спорь с той частью совета, которую уже выполнил.

Рокх прижал ткань к ожогу и снова посмотрел на стену.

Человека по ту сторону он больше не слышал.

Саэрра хотела впустить подменную смену до первого склада.

— За ними должны прийти старшие, — сказала она. — На дороге мы возьмём наёмников.

Здесь сможем взять тех, кто отдаёт им приказы.

Перед ней лежал план северного приёма. Длинный крытый двор, два подъёмника, наружный заслон и низкая галерея, уходящая к жилым лестницам. Князь стоял напротив, придерживая бумагу ладонью. В зале пахло свежей краской: писарь заново отмечал повреждённые участки.

Рокх указал на галерею.

— Что здесь?

— Склады масла.

— А над ними?

— Жильё.

Он убрал палец.

Саэрра посмотрела на Ромгара.

— Мы умеем брать пленных в собственном городе. Лучники будут наверху. Людей из ближних домов выведем.

— А раму они начнут ставить до второго груза? — спросил гном.

— Мы остановим раньше.

— По какому признаку?

— Когда увидим оружие.

— А если сначала перевернут бочку масла?

Советница раздражённо отодвинула план. Рокх впервые заметил, как она устала. Прядь у виска выбилась из тугой причёски; на манжете темнело пятно чернил. Искала способ закончить хотя бы одну угрозу целиком.

Ваэль сел.

— На дороге пленники окажутся у них под рукой, — сказал он Рокху. — У ворот мы хотя бы знаем, где стоят наши.

— На дороге можно узнать то же самое. До того, как они поднимут оружие.

— Ты предлагаешь разведку.

— Я предлагаю перестать ждать их во дворе, который они уже обмерили.

Маг придвинул рисунок Олвена.

— Пойдём сюда. Найдём настоящую смену. Посмотрим на груз. Если получится, уберём подмену до выхода. Если нет — передадим, какие повозки задерживать и кто в них сидит. Северный приём до условленного сигнала никого не пропускает.

— Зерно останется наверху, — сказала Саэрра.

— На несколько часов. Если груз вообще дадут вывезти. Но закрытые ворота можно открыть позже. Сгоревшие приходится делать заново.

Ваэль посмотрел на Иллиса.

— Проведёшь?

— По восточной тропе. К складам спустимся не с дороги. Меня там знают, но сначала посмотрю сверху.

— Возьмёшь двоих из северного дозора. Один останется для передачи вести. Второй с тобой.

— По тропе пятеро пройдут медленнее.

— Значит, выйдете сейчас.

Рокх повернулся к Ромгару.

— Останешься с записями?

Гном поднял на него глаза.

— Нет.

— Рука...

— По дороге объясню, чего ею не буду делать. Лассе с Бераном может понадобиться тот, кто умеет наложить шину. А наёмникам я могу объяснить кое-что об их жалованье. Печать казны действует на них лучше молитвы.

— Ты уже вернул полномочие.

— Поэтому врать о полномочии не стану.

Рокх прикусил ответ.

Саэрра собрала ведомость и ночное письмо.

— Оригиналы останутся здесь. Копии получите. Списки настоящих грузчиков тоже. На поверхности их можно проверить, если найдёте распорядителя.

— И пусть ваши северные не стреляют в людей, которые побегут от повозок, — сказал Ромгар. — Не все побегут на город.

— Предупредим.

Тиррен подошёл к Рокху с металлической накладкой.

— Забери свою находку. Я снял размеры. К Сухому двору она относится так же, как к нашему порогу. Но вставлять её куда-нибудь наугад не советую.

— Ты успел составить список?

— Чего?

— Вещей, которые мне не советуют вставлять.

Старый мастер неожиданно улыбнулся. Улыбка тут же исчезла.

— Ласса смеётся, когда ей страшно. Очень громко. Не думайте, что она не понимает, что происходит.

Иллис отвернулся к дверям. Рокх завернул накладку в ткань и убрал к своим бумагам.

Перед выходом он задержался возле карты восточной ветви. Тиррен уже приготовил копию, отдельно обозначив места, где оттиск был сомнительным. От северного приёма уходили две старые линии. Одна возвращалась к городу, другая терялась за пустым местом на листе.

Маг взял копию.

За последней отметкой начиналось пустое место. Рокх убрал копию к остальным бумагам.

Ромгар тем временем оставил образцы у княжеского писаря. Для каждого продиктовал место, имя лекаря и обстоятельства сбора. Потом вынул собственный лист для Дорны, дописал две строки и вложил в пакет с наблюдениями.

— Напишешь, что идёшь спасать незнакомых мастеров? — спросил Рокх.

— Написал, где меня искать.

— Всего?

— И что мазью пользуюсь. Этому она обрадуется больше.

В Светограде в тот день выносили из учёной службы старые шкафы.

Двор был заставлен ящиками. Служители спорили, какие записи оставить под крышей, а какие могут постоять на воздухе. Дождя не было со вчерашнего вечера, и распорядитель считал это достаточным основанием не искать другого помещения.

Лиор сидел у дверей и переписывал перечень принятых бумаг. Его не отпустили после донесения. Сначала велели дожидаться вопросов, затем передали в распоряжение канцелярии. Теперь у него было много работы и ни одного ответа о том, когда она закончится.

Магистр Сейр прошёл мимо, заметил лист у него на коленях и остановился.

— Второй экземпляр у тебя?

Лиор поднял голову.

— Какой?

— Не заставляй спрашивать при них.

Молодой жрец посмотрел на служителей возле шкафов.

— Донесение Ромгара передано. Время записано.

— Это не ответ.

— Другого не дам.

Сейр постоял ещё немного.

— Тогда храни так, чтобы не нашли вместе с тобой.

Он вошёл в здание, оставив Лиора решать, услышал тот совет или предупреждение.

Варн ждал в бывшей комнате переплётчика. Большой зал передали воинским писарям; там считали прибывающих всадников. На столе прелата стоял ящик дорожных печатей. Рядом лежала грамота с гербом человеческого правителя, согласившегося дать конницу за отсрочку долга.

— Их командир требует, чтобы людей Престола не ставили над его сотниками, — сказал Варн.

— Вы обещали совместные действия.

— Они иначе поняли слово «совместные».

— Такое бывает с договорами, в которых оставляют место для удобного прочтения.

Прелат поднял глаза.

Сейр положил перед ним перечень деталей, отправленных на северные склады. Несколько строк он обвёл.

— Что это?

— Несоответствие. В отправке указано крепёжное железо. Из мастерских получили также основания для световых пластин.

— Железо и есть.

— Если перепутать порядок установки, они сработают внутри приёмного двора. Там не только стража.

— Значит, надо установить правильно.

Магистр не убрал руку с листа.

— Нужны мастера. Живые. Пригодные к работе.

Варн некоторое время смотрел на него, затем придвинул чистую бумагу.

— Пиши Вессу. В этой части распоряжаешься ты.

Сейр взял перо.

Он мог потребовать отменить отправку. Мог приложить к новому приказу описание того, что случилось в третьем водосборнике. Вместо этого написал о порядке установки рам, проверке опор и недопустимости повреждения работников до окончания приёмки.

Последние слова ему не понравились.

Он зачеркнул «до окончания приёмки».

Варн наблюдал молча.

— Отправить верховым, — сказал магистр. — С ответной распиской.

— Через зеркало быстрее.

— В частном дворе нет постоянного приёмника. Ближайшая застава прочтёт приказ прежде Весса.

— Боишься чужой небрежности?

Сейр положил перо.

— Теперь да.

Снаружи застучали копыта. Во двор вводили лошадей для восточного посольства. На сёдлах были закреплены мешки с подарками, два одинаковых кожаных футляра и запасные подковы. Один проводник отказался принять расписку вместо денег и теперь терпеливо ждал у ворот, пока принесут недостающее.

Варн подошёл к окну.

— Шаманы уже знают, что мы едем?

— Письмо передали через торговцев. Приглашения на совет ещё нет.

— Послы дождутся.

Сейр не ответил. На столе оставалась карта с пустыми местами за человеческой границей. Никаких обещанных орочьих отрядов на ней не было.

Прелат велел уплатить проводнику остаток и снова позвал воинского писаря. Спор о старшинстве человеческих сотников требовал решения раньше, чем переговоры с теми, кто ещё не согласился разговаривать.

Сейр свернул свой приказ.

Когда он вышел, Лиор всё ещё сидел у дверей. Магистр заметил на его коленях другую книгу. Не спросил, куда исчез прежний лист, и прошёл к конюшне.

Из столицы вышли через маленькую дверь за канатной мастерской.

Рокх до этого дважды проходил рядом с ней и считал дверью кладовой. За ней оказались восемь узких ступеней, проход между отвесными стенами и лестница, на которой приходилось ставить ноги боком. Местами камень был вытерт так гладко, что Иллис велел держаться за канат.

Ромгар послушался первым.

Наверху ветер шёл с востока. Небо затянули длинные серые облака; между ними иногда проступал болезненный солнечный диск. После света подземных цветов Рокху понадобилось время, чтобы перестать видеть зелень на собственных пальцах.

С ними шли двое эльфов из северного дозора. Один нёс маленький лук и сумку с перевязками, другой — скрученный сигнальный шнур с узелками. Имена Рокх услышал, но не запомнил с первого раза. Пришлось спросить снова. Лучник назвался Эреном, второй — Дайсом.

— Кому поручено возвращаться? — спросил маг.

— Мне, — ответил Дайс.

— Тогда не лезь первым.

Эльф взглянул на Иллиса, дождался короткого кивка и перешёл в середину цепочки.

Тропа огибала карьер. По ней давно не возили груз, зато хорошо знали козы. Мелкие камни осыпались под ногами; кусты цеплялись за плащ. В одном месте Рокх слишком поздно заметил низкую ветку и получил хлёсткий удар по щеке.

Ромгар остановился позади.

— Не говори, — предупредил маг.

— Хотел попросить поддержать. Мне в глаз придётся.

Рокх отвёл ветку. Гном прошёл под ней, пригнув голову. Топор оставался завёрнутым: обмотка защищала лезвия от камней и не давала металлу блеснуть издали.

Через час пришлось остановиться у ручья. Ромгар проверил повязку, Иллис поднялся на гребень. С дороги за холмом доносилось ржание. Несколько всадников шли к северной

заставе. На них не было белых плащей. Ромгар узнал жёлтые нашивки, но дождался, пока отряд скроется.

— Те, о ком писал князю его торговец, — сказал он потом. — Уже пришли.

— За нами?

— Прибыли на службу. Куда отправят, решит командир.

Рокх проследил взглядом пыль над дорогой. Теперь инквизиции не требовалось стоять на каждом повороте самой. Чужие солдаты могли задержать путника, даже не зная, почему его объявили врагом. Им было достаточно примет и оплаченного приказа.

Он поправил капюшон.

После полудня пошёл мелкий дождь. Тропа стала скользкой. Иллис выбрал более длинный обход: вести гнома по размокшему склону было опасно. На другом пути пришлось ползти под корнями, но здесь падать было невысоко.

Сухой двор показался незадолго до сумерек.

Сверху он выглядел обыкновенным складским двором: длинная крыша на толстых столбах, навес для телег, конюшня, низкое здание сушильни. В воротах стояли двое. Под навесом прохаживался пёс на длинной цепи. За оградой дымила печь. Несколько рабочих разгружали камень, перекрикиваясь через двор.

Иллис лёг возле кустов и долго смотрел вниз.

— Обычно у навеса уже ставят завтрашний груз, — сказал он.

Место было пустым.

Рокх достал рисунок Олвена. С востока находились две старые известковые ямы. До ближайшей можно было добраться под прикрытием низкой стены. Дальняя лежала возле пролома в ограде.

— Я проверю, — сказал Иллис.

— Вдвоём, — ответил Ромгар. — Если лежит раненый, один не вынесешь.

Разведчик кивнул Эрену. Дайс остался на гребне, следя за дорогой. Рокх с гномом спустились ниже, к заброшенному сараю, откуда были видны обе ямы.

Ждали недолго.

Иллис появился у пролома и показал ладонью вниз. Затем подозвал их.

Олвен лежал под сваленными досками. Рокх узнал потрескавшиеся губы прежде остального лица. Человек оказался пожилым, с редкими волосами, прилипшими к вискам. На шее проступил синяк. Раскрытый обруч всё ещё болтался на лодыжке: замочник не сумел снять его с опухшей ноги.

Ромгар опустился рядом.

— Не вставай.

— Да я... особенно...

Олвен закашлялся. Гном дал ему немного воды, подождал, пока он проглотит, и принялся осторожно ощупывать бок.

Рокх присел с другой стороны.

— Узнаёшь?

Человек долго всматривался в безбровое лицо под капюшоном.

— Значит, всё-таки пришли.

— Где Ласса и Беран?

Олвен закрыл глаза.

Из двора донёсся стук: кто-то выбивал клин из оси. Обычная работа перед дорогой. Рокх едва удержался от того, чтобы принять обычный рабочий шум за ответ: пленники ещё во дворе.

Замочник снова открыл глаза.

— Увезли. Когда нашли сторожа.

— Давно?

— После полудня. Три повозки. С теми людьми.

Иллис повернулся к дороге.

— До вечернего приёма больше суток.

— Теперь не будут ждать, — сказал Олвен. — Весс велел ехать к нижнему складу на ночь. Будто на дороге опасно. Ласса должна попросить, чтобы впустили под крышу.

Рокх посмотрел на Дайса, всё ещё стоявшего наверху. Поднял руку, подзывая.

Гонец спустился почти без звука.

— К князю, — сказал маг. — Груз вышел раньше. Будут просить ночлег. Лассу заставят говорить за них. Ворота не открывать, пока не получат второй вести от Иллиса. Повтори.

Дайс повторил. Иллис подтвердил распоряжение и показал короткую тропу к городу.

Когда гонец исчез, Рокх снова склонился над Олвеном.

— По какой дороге пошли?

Человек потянулся к рисунку дрожащим пальцем.

— Там, где старый навес. Потом через каменный мост. У второй повозки спица треснула.

Беран должен был...

Он застонал и перестал говорить.

— Хватит, — сказал Ромгар. — Дальше я.

Рокх поднялся. На мокрой бумаге темнел след пальца. До города повозкам было дальше, чем путникам по узкой тропе, но догонять их предстояло с другой стороны.

Иллис уже снимал с плеча лук.

— На мосту можно остановить.

— Сначала посмотрим, кто сидит рядом с Лассой.

Разведчик задержал на нём взгляд, затем убрал лук обратно.

Внизу запирали ворота Сухого двора. Над крышей сушильни поднимался дым, и рабочий у навеса накрывал брезентом оставленную телегу. Всё выглядело так, будто здесь закончили дела на сегодня.

Рокх сложил рисунок.

Они пришли к пустому складу. Люди, которых следовало найти, уже ехали к городу и должны были сами попросить открыть врагу ворота.

— Эрен останется с вами, — сказал он гному.

Ромгар кивнул, не отрывая рук от раненого.

— Не жди, пока начнут разгружаться.

Рокх поднял ворот плаща и пошёл вслед за Иллисом.

Глава 4. Право на дорогу

Повозки ещё не было видно, а её колесо уже стучало внизу.

Через каждые несколько оборотов к обычному скрипу примешивался сухой щелчок. Потом звук пропал. Кто-то выругался, хлопнул ладонью по дереву и потребовал принести фонарь.

Иллис остановился так резко, что Рокх едва не налетел на него. Разведчик присел, раздвинул мокрые ветви. Между листьями проступила дорога, огибавшая склон перед мостом. Три повозки стояли одна за другой. Под второй, возле заднего колеса, шевелился человек.

Олвен не ошибся насчёт спицы.

Дождь прекратился, но с кустов по-прежнему текло. Пока они спускались от известковых ям, зелёная полоса на западе сузилась до неровного просвета. У дороги уже зажгли два масляных фонаря. Их жёлтый свет выхватывал лошадиные ноги, нижние края бортов и грязь, в которой люди оставляли глубокие следы.

— Здесь, — прошептал Иллис.

На передней повозке сидела женщина. Белые волосы убраны под тесную шапку, мокрые пряди прилипли к шее. Одну руку она держала у живота. Другой придерживала край мешка, на который опиралась спиной. Рядом устроился человек с коротким мечом поперёк колен.

— Ласса?

Разведчик кивнул.

Охрана держала обоих пленников в поле зрения, но до каждого пришлось бы добираться отдельно.

Под навесом третьей повозки лежали длинные свёртки. Один распутился с края: из-под промасленной ткани выступал железный уголок с отверстиями. Рядом стояли бочки. За последним возом к дороге склонялась старая ива. На двух передних возах были мешки — настоящие, тяжёлые; один прорвался, и в грязь сыпалось зерно.

— Сколько видишь? — спросил маг.

— Девятерых. За последней ещё ходят.

— Оружие?

— Под куртками. У ближнего заступ без полотна.

Рокх присмотрелся. Древко действительно заканчивалось слишком тонко. Железо прятали под мешковиной, но рука держала его возле середины, как копьё. Человек мог бы сойти за рабочего, если бы не стоял совершенно неподвижно, пока двое возчиков пытались приподнять тяжёлый борт.

Иллис достал стрелу.

— Того, рядом с ней, сниму.

— А кто снимет остальных, пока она слезает?

— Успеет прыгнуть.

Ласса повернулась к своему сторожу. Что-то сказала. Он ответил, не глядя на неё, и коротко дёрнул левой рукой. Женщина подалась вперёд всем телом.

Рокх увидел верёвку между её поясом и железным кольцом в борту.

Разведчик медленно убрал стрелу.

— Под мостом есть проход для чистки, — произнёс он. — По той стороне можно выйти к первой повозке.

— Ты ходил?

— Весной. Когда вода была ниже.

Внизу человек у колеса выпрямился. Он был широк в плечах, с тяжёлой головой и стёртой до локтей курткой. Постоял, положив ладонь на борт. К нему сразу подошёл другой, в коротком сером плаще.

— Сколько ещё, Беран?

— Обод повело.

— Ты говорил, спица.

— Я говорил, что с такой спицей нельзя ехать. Теперь говорю про обод.

Серый плащ наклонился к нему. Рокх не расслышал слов, но увидел, как камнерез убрал руку с борта и снова опустился на колени.

Ласса засмеялась.

Смех был слишком громким для усталого обоза. Сторож возле неё повернул голову. Она указала на колесо и ещё что-то сказала, заставив двоих рядом усмехнуться. Человек в сером плаще посмотрел на неё без улыбки.

Иллис сжал тетиву между пальцами.

— Весс, — сказал он.

— Знаешь?

— Нет. Только что назвали.

Рокх прислушался. Возчик с третьей повозки действительно повторил имя, спрашивая, отвязывать ли лошадей. Весс велел оставить в упряжи. Себе он лошадь уже подвёл: невысокую, тёмную, с кожаным футляром у седла.

Маг отодвинулся от ветвей.

— Ты к Лассе. Я посмотрю, можно ли вытащить Берана. Пока не начинаем.

— Он её ударит.

— Тогда будешь решать. Но пока он держит верёвку, а ты держишь лук. Не перепутай, кому из вас сейчас труднее ждать.

Иллис долго не отвечал. Потом вынул из сумки короткую верёвку, протянул половину Рокху.

— Свяжи мешок. За спиной болтается.

Маг подтянул ремни. Накладка с древнего порога оказалась прижата к свёрнутой карте; он переложил её глубже, чтобы металл не звякнул о пряжку.

Разведчик ушёл вниз по склону. Рокх подождал, пока перестанут шевелиться листья, и двинулся к тёмной канаве вдоль дороги.

Под кустами пахло сырой глиной и прелой корой. Вода забиралась в сапоги. Можно было выйти перед обозом, показать лицо, заставить людей вспомнить слухи. Но тогда первым, что они сделают, будет не бегство. Они придвинут к себе тех двоих, ради которых он пришёл.

Рокх лёг на локти и пополз.

Сапог с Олвена не снимался.

Ромгар не стал стягивать его силой. Разрезал голенище, освободил опухшую ногу и велел Эрену отвернуться, когда тот попытался одновременно следить за оградой и помогать держать железный обруч.

— Смотри туда. Здесь я справлюсь.

— Одной рукой?

— Двумя. Одна плохая, не отсутствующая.

Олвен лежал на плаще под крышей заброшенного сарая. До известковой ямы было недалеко, однако этот короткий перенос отнял у него последние силы. Когда обруч наконец сняли, замочник закрыл глаза.

Ромгар задержал пальцы на его запястье. Пульс оставался частым. Под рёбрами болело, дыхание было неглубоким; по одним синякам нельзя было понять, чем всё закончится к утру. Гному хотелось дать телу больного тёплую поддержку, которую он давал десятки раз. Соб-

ственный запас ещё не восстановился после водосборника. На долгую дорогу и лечение всех найденных его не хватит.

Он поправил сложенную ткань под головой Олвена.

— Сколько настоящих работников осталось во дворе?

Замочник открыл глаза.

— Восемь. После нас привели... восемь.

— Где?

— Сенной сарай. У конюшни. Их до ухода груза заперли. Чтобы по дороге не встретились со сменой.

Эрен обернулся.

— Там нет караула. Я видел только двоих у ворот.

— Замок есть, — сказал Олвен. — И кормить к вечеру должны. Женщина носит. Она не из этих.

Ромгар посмотрел на ближайшую доску стены. Между ней и столбом оставалась щель, из которой был виден двор. Возле печи двигалась женщина с ведром. Тащила его двумя руками, останавливалась через несколько шагов. Молодой работник прошёл мимо, подхватил ведро снизу. Они заговорили, но отсюда слов было не разобрать.

Гном повернулся к Эрену.

— Нужно подвести её к ограде. Не пугай.

— Она увидит эльфа и закричит.

Олвен пошевелился.

— Скажи... за ножницами. Она мне ножницы дала. Я не вернул.

Эрен посмотрел на Ромгара. Тот кивнул.

Разведчик снял лук с плеча, положил у стены и вышел. До ограды добирался долго, выбирая места, где его не было видно от ворот. Женщина заметила его почти сразу. Не закричала. Ведро поставила и стала слушать, не подходя ближе.

Ромгар следил за её лицом. При имени Олвена оно изменилось, но женщина ещё некоторое время смотрела на Эрена, будто пыталась решить, сколько правды можно получить от незнакомца, не сделав ни шага ему навстречу.

Потом взяла ведро и пошла не к нему, а к печи.

Эрен вернулся без неё.

— Сказала ждать.

— Будем.

— А если пошла за охраной?

— Тогда скоро узнаем.

Гном сказал это спокойнее, чем чувствовал. Из сарая было два выхода. Через второй придётся нести Олвена по открытому месту; самому Ромгару нужен будет топор, и держать раненого останется одному Эрену. Хорошего расчёта здесь не получалось.

Женщина появилась со стороны кустов. В руках у неё были маленький светильник и свёрток. Увидев Олвена, она остановилась.

— Вот куда ты делся.

Замочник попытался улыбнуться.

— Ножницы...

— Пропади они пропадом.

Она опустила возле него, развернула свёрток. Там оказался хлеб, чистая рубаха и ложка.

— Ему надо под крышу получше, — сказал Ромгар.

— Тут всё под крышей. Только везде запирают.

— Сенной сарай откроешь?

Женщина подняла на него взгляд.

— А кто потом скажет, что открыла не я?

Гном не ответил сразу.

— Никто, если тебя видели.

— Вот и я так думаю.

Она положила рубаху рядом с Олвеном. На большом пальце у неё была старая серая повязка. Ромгар заметил, как женщина прячет руку под передником всякий раз, когда поворачивается к свету.

— Мне нужны люди, чтобы вывезти его, — сказал он. — И телега. Вы можете уйти вместе.

— У меня дочь в верхней слободе. Двое внуков. Их тоже вместе вывезешь?

— Сейчас — нет.

Женщина кивнула, словно только этот ответ и был ей нужен. Подошла к стене, выглянула во двор.

— Ключ у распорядителя. Кормить понесу, он сам откроет. Работники должны выкинуть мокрое сено: утром крыша протекла. Для этого им дадут вилы и пустую телегу. Я скажу, что в сарае уже задохнуться можно.

— И сколько времени они будут сено выкидывать? — спросил Эрен.

— Столько, сколько потребуется, чтобы перестали слушать, как они шуршат.

Она повернулась к гному.

— Больше я ничего не обещаю.

Ромгар убрал нож в сумку.

— Этого пока достаточно.

У дороги застучали копыта. Женщина резко подняла светильник, затем прикрыла его передником. Сквозь щель показался всадник в дорожной накидке. Он остановился у ворот и потребовал Весса.

Распорядитель вышел под дождевую трубу. Даже здесь он держал в руке связку ключей. Показывал вниз по дороге, объясняя что-то торопливо и несколько раз подряд.

Всадник раздражённо оглянулся на темнеющий склон. У седла висел футляр учёной службы.

Ромгар узнал застёжку.

— Подожди, — сказал он женщине. — Возможно, тебе не придётся ничего придумывать про сено.

Из канавы Рокх видел подошвы Берана.

Камнерез стоял на одном колене, вторую ногу вытянул под повозку. На щиколотке была верёвка. Её пропустили вокруг передней перекладины, оставив достаточно длины, чтобы добраться до колеса, но не отойти от веза.

Рядом лежали деревянный клин, молоток и две планки. Беран прижимал одну к треснувшей спице. Руки у него дрожали. Он нарочно ронял гвозди, но не всякий раз это было притворством.

Рокх подождал, пока ближайший охранник отойдёт за фонарём, и коснулся сапога Берана.

Камнерез вздрогнул. Молоток замер.

— Олвен жив, — прошептал маг.

Беран не повернул головы. Медленно положил молоток и потянулся за гвоздём, упавшим между камнями.

— Где?

— С Ромгаром. Выйдешь, когда скажу.

— Ласса?

— К ней идёт Иллис.

Камнерез задержал руку над землёй.

— Верёвку не режь. Увидят, что свободна.

Рокх посмотрел на узел.

— Тогда переступи через неё.

Беран послушался. Верёвка оказалась прикрыта его голенью. Маг вытянул нож и рассёк несколько волокон с нижней стороны, не перерезая всё. Под нагрузкой остаток не выдержит; пока лежал на камне, узел выглядел целым.

Камнерез нащупал под повозкой его рукав.

— Первому возчику скажи. Он не знает, что они задумали. Ему велели довести. У него дети.

— Имя.

— Радан.

Рокх повторил про себя: Радан.

Беран отпустил рукав и громко выругался на гвоздь.

— Нашёл? — спросили над ним.

— Нашёл. Держи фонарь ниже.

Маг замер под повозкой. Свет прошёл по камням в нескольких пальцах от его лица. Беран подставил к фонарю широкую спину, наклонился ещё ниже и заговорил о том, какой стороной должна лежать планка. Охранник отвечал всё злее. Он не хотел понимать колесо, но без колеса оставался здесь на ночь.

Когда свет снова подняли, Рокх пополз к переднему краю воза.

Переход между второй и первой повозкой был открыт. Справа кусты кончались; слева вниз уходила насыпь, отделённая низкой каменной стенкой. Дальше начинался мост — короткий, узкий, над быстрым ручьём. На противоположном берегу росли ивы. За ними дорога снова исчезала между холмами.

Иллис уже был под первой аркой. Рокх различил его руку на боковом выступе. Разведчик не смотрел на мага. Следил за Лассой и за человеком рядом с ней.

Весс вынул из футляра лист. Читал при свете, который держал для него худой мужчина с чернильными пальцами. На плече у того белела узкая нашивка печатника.

— Раму выгружают первой, — сказал Весс. — Не масло. Услышал?

— Без основания её не поставить.

— Они помогут.

— Я о порядке крепления.

— Значит, объяснишь порядок там.

Печатник сложил лист. Сам он был безоружен, но возле него стояли двое с одинаково коротко обрезанными древками. Ему не требовалось носить меч, пока другие носили его работу.

Человек у последней повозки окликнул Весса:

— На мост по одной. И людей с бортов снять. Камень под краем просел.

— Не задерживай.

— Я не собираюсь платить за твою спешку лошадьми.

Весс оглянулся, но спорить не стал.

Рокх присмотрелся к говорившему. Плотный мужчина в мокрой рабочей куртке, с бритым подбородком и узкой полосой седины над левым ухом. Пояс сидел поверх ткани слишком низко: под курткой был доспех. Указания этого человека слушали без повторения.

— Торвен, — позвал один из наёмников. — Сзади верховой.

Рокх медленно опустился обратно за борт.

По дороге со стороны Сухого двора спускался гонец. Лошадь шла устало, спотыкаясь на камнях. У седла болтался кожаный футляр с узкой белой полосой. Гонец миновал третью повозку, остановился возле Весса и назвал магистра Сейра.

Торвен подошёл ближе.

Гонец не отдал футляр сразу.

— Принять при свидетеле и расписаться. Так велено.

— Здесь достаточно свидетелей.

— Тогда выбирайте того, кто умеет читать.

Рокх услышал, как под мостом переступил Иллис. Отвлечение появилось само. Но вместе с ним появился и человек, который мог привезти приказ двигаться быстрее.

Ласса смотрела на гонца. Потом перевела взгляд вниз, к колесу своей повозки. Лицо её не изменилось; только здоровая рука перестала придерживать мешок.

Она увидела Иллиса.

Сторож ткнул её рукоятью меча в бок.

— Прямо сиди.

Женщина снова засмеялась.

— Куда ещё прямее? Ты мне позвоночник в доски вдавил.

Несколько голов повернулось к ней. Гонец перестал доставать бумагу.

Ласса не отвела глаз.

— Что там? Приказ, чтобы мы ехали в обнимку? Прочти вслух. Я хоть узнаю, кому обязана.

Весс шагнул к повозке.

Иллис исчез под её бортом.

Во дворе за карьером уже открыли сенной сарай.

Ромгар стоял у двери и пропускал людей мимо себя. Первые двое вышли, не поднимая глаз. Третий остановился на пороге, увидел Эрена и сразу спросил о северном приёме. Четвёртая, женщина в короткой кожаной куртке, стала звать остальных по именам.

Их действительно было восемь.

Распорядитель держал ключи у груди.

— Они не пленники. Рабочие на время проверки.

— Тогда почему дверь запиралась снаружи? — спросил гном.

— Чтобы не разбежались до окончания.

Женщина с ведром стояла позади него. Ничего не говорила. Когда один из вышедших покачнулся, она первой протянула ему хлеб.

Гонец уехал несколько минут назад. Ромгар успел перехватить его за воротами, назвать себя и показать Олвена. Приказ Сейра оставался в запечатанном футляре; вскрывать его до встречи с Вессом человек отказался. Но на сопроводительном листе было требование сохранить мастеров и допустить их осмотр. Этого хватило, чтобы распорядитель перестал утверждать, будто больного в известковой яме не существует.

Остального бумага не решила.

— До приезда старшего никого отпускать не велено, — повторил распорядитель.

Ромгар положил топор на землю возле двери. Под обмоткой глухо звякнул металл.

— Ты можешь не отпускать. Они сейчас сами уйдут.

— Это одно и то же.

— Тогда так и запишешь. Я увёл, ты не смог удержать.

Гном слышал собственную злость. Сдерживал её не ради человека с ключами: тому было страшно, и страх легко превращал любое движение в попытку доказать право на власть. Позади стояли двое складских стражников. Оба держали копья, но ни один не хотел первым опустить наконечник.

Женщина в кожаной куртке подошла к распорядителю.

— Наша плата осталась у тебя.

— Потом получите.

— Вчера тоже было потом.

— Сейчас не время.

— Сейчас восемь человек и два копы. Завтра опять будут два копы и один человек у стола. Выбирай время.

Ромгар посмотрел на неё. Она не просила его решать за всех и, похоже, прекрасно знала, что станет делать без его согласия.

Распорядитель пошёл в контору. Один стражник двинулся следом; второй остался у ворот, делая вид, что смотрит на дорогу.

Эрен подошёл к гному.

— Нам надо догонять.

— Знаю.

— Пока они считают монеты...

— Пойди помоги вынести Олвена. Я подожду счёта.

Работники спорили недолго. Получили не всё, но заставили распорядителя назвать остаток при других. Женщина с ведром подтвердила, что слышала. После этого трое сами пошли за телегой, оставленной под навесом. Она была пустая, с крепкими бортами и толстым слоем соломенной трухи на дне.

— Эту брать нельзя, — сказал распорядитель из дверей.

Женщина в куртке показала ему связку долговых бирок.

— Тогда вычти аренду из того, чего не отдал.

Она оказалась старшей настоящей смены. Звали её Сава. Лассу она знала; Беран когда-то правил каменный порог у её матери. Узнав, кого увезли с подменными работниками, Сава больше не спрашивала, почему надо спешить.

Ромгар поднял топор и вернул за спину. Олвена устроили на соломе. К груди он прижимал пустой свёрток из-под хлеба, будто в нём ещё оставалось что-то, что следовало сохранить. Ромгар забрал ткань, подложил ему под локоть и сел рядом.

Женщина с ведром подошла к телеге.

— Ножницы были мои, — сказала она замочнику. — Чтоб вернул.

Олвен открыл глаза.

— Раньше говорила...

— Мало ли что я говорила. Вернёшь сам.

Она отошла. Не стала ждать обещания, которого больной, возможно, не мог дать.

Сава взяла повод. Двое работников встали возле заднего борта, остальные пошли по бокам. Эрен вернулся за оставленным луком и ушёл вперёд проверить спуск.

Когда телега миновала ворота, Ромгар оглянулся. Распорядитель всё ещё стоял у конторы, а женщина уже снова несла ведро к печи. Двор возвращался к прежним делам. Гном не мог забрать её с собой против воли и не мог оставить возле неё собственную защиту.

Он запомнил, у какого окна она поставила светильник.

Весс успел подняться на подножку первой повозки.

— Слезай, — сказал он Лассе.

Она прижала больную руку к животу.

— Наконец-то.

— Не сама. Дай руку.

Сторож взялся за верёвку у её пояса. Рокх увидел, как натянулась петля. Иллис ещё не успел её перерезать.

Весс стоял спиной к дороге. До него было меньше десяти шагов. Можно было ударить первым, но после этого остальные увидели бы лишь человека, падающего рядом с Лассой, и чужие руки под её повозкой.

Рокх встал.

— Ей неудобно спускаться, пока вы держите с двух сторон.

Гонец обернулся раньше Весса. Торвен отступил от лошади. Двое возле печатника развернули древки, и мешковина соскользнула с одного наконечника.

Маг скинул капюшон.

Узнавание прошло по людям не сразу. Сначала на него посмотрели как на путника, который пришёл не вовремя. Потом худой печатник сделал шаг назад и ударился ногой о колесо. Кто-то возле бочек выговорил имя.

Рокх смотрел на Весса.

— Мастеров отпустишь. В приёмный двор твои люди не войдут.

— Ты не распоряжаешься дорогой.

— Пока на ней стою.

Торвен поднял ладонь, останавливая тех, кто потянулся к оружию. Его взгляд прошёл от открытого лица мага к повязке на запястье. На ней темнела грязь; рукав был мокрым до локтя. Рокх выглядел хуже листовок, на которых его рисовали среди языков пламени. По тому, как Торвен переставил ногу, было видно: он ещё не решил, что из этого следует.

Весс спустился с подножки. Лассу оставил сторожу.

— Это частный груз. Работники наняты. Никакого отношения к тебе.

— Тогда она сейчас сойдёт с телеги. И тот, под второй. А мы посмотрим, какие у вас договоры.

Ласса перестала улыбаться.

— Олвен?

— Жив. С гномом.

Женщина закрыла рот ладонью. На мгновение плечи её обмякли, и сторож крепче взял верёвку, приняв это за попытку соскользнуть.

Гонец поднял лист.

— Распоряжение магистра Сейра, — произнёс он громко. — О недопустимости повреждения работников и проверке креплений до установки.

— Прочту, — сказал Весс.

— Вы ещё не расписались.

— Потом.

— Мне приказано получить сейчас.

Рокх перевёл на гонца взгляд. Человек держался прямо, но бумага у него дрожала. Он явно хотел уехать. Для этого ему требовались три строки чужой рукой, и внезапно эти строки оказались труднее всего остального пути.

— Имя? — спросил маг.

— Давер.

— Давер, ты видишь верёвку?

Гонец посмотрел на борт.

— Вижу.

— Не забудь по дороге обратно.

Весс повернул голову к Торвену.

— Убери его с дороги.

Наёмник не двинулся.

— Кого из двух?

— Не шути.

— Я спрашиваю. Один привёз приказ. Второй стоит перед тобой. Про второго при найме разговора не было.

— Ты принял жалованье.

— За сопровождение и разгрузку. Потом оказалось, что ворота должны остаться открытыми. Теперь ты хочешь, чтобы мы здесь легли. Давай хотя бы не менять работу посреди моста.

Несколько человек у третьей повозки переглянулись. Они не были обманутыми грузчиками; мечи под куртками появились не случайно. Но умереть на дороге ради Весса, вероятно, не входило и в ту часть договора, о которой предпочитали молчать.

— Отпустите мастеров. Сложите оружие. Грузы довезут возчики, а ваш расчёт будете обсуждать наверху.

— С кем? — спросил Торвен.

— С тем, кто обещал заплатить.

— А эльфы выпустят нас обратно?

Маг почувствовал, что Иллис замер под бортом. Ответ касался и его.

— С этого места я дам уйти тем, кто оставит заложников и не поднимет оружие. За дорогу до вашего дома не обещаю. За князя тоже.

Торвен повернулся к своим.

— Слышали?

Весс поднял руку к груди, поправляя застёжку плаща. Рокх проследил движение. Ножа там не было. Однако человек возле Лассы сразу опустил свободную руку за борт.

— Радан, — сказал маг возчику. — Не трогай вожжи.

Возчик первой повозки посмотрел на него, потом на Весса. Это был невысокий человек с рыжей щетиной. До этого он сидел, втянув голову в плечи, словно весь разговор проходил где-то над ним и потому мог его не коснуться.

— Мне велели довезти, — произнёс он.

— Она связана с твоей телегой.

Радан посмотрел назад.

Теперь он увидел.

— Отвяжите, — сказал возчик. — Через мост так не повезу.

Весс подошёл к нему вплотную.

— Поедешь, когда скажут.

Ласса резко подалась в сторону. Сторож дёрнул верёвку, но вместо неё в его руке остался короткий конец.

Иллис поднялся за колесом.

Всё произошло слишком близко одно к другому.

Человек возле печатника вытащил короткий арбалет из-под куртки. Рокх увидел не лицо, а то, как приподнялся локоть. Между Лассой, поворачивавшейся к Иллису, и наконечником возник тонкий тёмный щит. Болт ударил в него, потерял скорость и упал под колесо. Боль прошла по запястью до самого плеча; щит погас.

Иллис выстрелил.

Арбалетчик ударился спиной о борт и сполз вниз. Его оружие зацепилось за край, повисло на ремне.

Весс схватил Радана за куртку. Возчик пытался вывернуться, не выпуская вожжей. Под серым плащом коротко блеснул нож. Радан согнулся и повалился вперёд.

Лошади рванули.

Ласса ещё стояла на подножке. Иллис держал её за пояс, пытаясь отвести от катящегося колеса. Сторож ударил мечом сверху, попал в борт и почти упал следом. Рокх толкнул его плечом. Не успел уйти от обратного движения: лезвие рассекло ткань на левом предплечье, скользнуло по руке.

Маг вцепился в рукав противника, прижал к краю телеги и ударил рукоятью ножа в лицо. Сторож отшатнулся. Колесо задело его сапог; он рухнул в грязь, выронив меч.

— Беран! — крикнула Ласса.

Камнерез поднялся под второй повозкой. Верёвка на ноге натянулась, остаток волокон лопнул. Он успел оттолкнуть от себя одного охранника, но второй схватил за ворот.

Рокх шагнул к ним.

Передняя повозка уже въезжала на мост. Радан висел грудью на передке; одна рука волочилась возле колеса. Лошади тащили его вместе с вожжами. Правый борт заскрёб по камню. Из раскрытого мешка широким жёлтым ручьём сыпалось зерно.

Торвен заорал своим держать задних лошадей. Кто-то ударил древком по чужому оружию. На дороге стало тесно от тел, сбившихся в кучу, и почти невозможно было понять, кто уже бросил меч, а кто ещё пытается его достать.

Иллис стянул Лассу с подножки. Оба упали возле каменной стенки.

Рокх услышал треск.

Колесо первого воза наскочило на край просевшего парапета. Телегу развернуло. Лошади продолжали тянуть, и весь тяжёлый груз медленно пошёл боком, сдвигая мокрые камни.

Возчик исчез за бортом.

Маг побежал к передку. Подхватил Радана за куртку, успел вытащить на камень прежде, чем телега опрокинулась. Мешки ударились о край моста. Один лопнул, второй повис на рваной верёвке. Остальные сыпались вниз, в воду и грязь у опоры.

Шум заглушил всё.

Рокх потянул возчика дальше от колёс. Тот был тяжелее, чем казался на облучке. Из-под куртки текло. Маг прижал ткань у раны, но уже по неподвижной шее и разомкнутому рту понял, что опоздал.

Позади, возле последней повозки, звякнула пряжка.

Весс сидел верхом. Беран стоял перед ним, прижатый к стремени; нож упирался камнерезу под челюсть. Двое вооружённых держались рядом. Весс успел отступить вдоль повозок, захватив Берана, пока остальные смотрели на падающий воз.

Рокх поднялся. Кровь на ладони была тёплой, чужой.

— Назад, — сказал Весс. — Лучник тоже.

Иллис уже стоял на ногах. Стрела смотрела вдоль дороги, поверх рассыпавшегося зерна. Ласса ухватила его за локоть здоровой рукой.

— Не так.

Весс оттянул голову Берана сильнее. На шее появилась тонкая красная линия.

Рокх видел лицо камнереза. Тот пытался не сглатывать. Его руки висели вдоль тела, пальцы были распухшими от холода и работы. Он не мог помочь им выбрать удобный выстрел.

— Ты хотел уйти, — сказал маг. — Уходи. Его оставишь.

— До поворота он идёт со мной.

— До ивы. Там, где мы ещё видим. Дальше — нет.

Весс посмотрел на дерево. Потом на Иллиса.

— Он опустит лук.

Рокх повернулся к разведчику.

Тот не двигался.

Можно было приказать. Можно было заставить руку дрогнуть — дар оставался с ним, несмотря на боль. Но между Рокхом и эльфом лежал человек, которого они не сумели защитить, а возле лошади стоял второй. Если сейчас отнять у Иллиса даже право решить, чем эта ночь закончится, союз превратится в знакомую цепь.

— Нам нужен Беран живым, — сказал Рокх.

— Я попаду.

— В Весса — да.

Ласса сильнее сжала локоть разведчика.

— Иллис. Пожалуйста.

Тетива медленно ослабла.

Рокх дождался, пока наконечник опустится.

— Отсюда выйдешь. До рассвета преследовать не стану. Это всё, что получишь.

— А потом?

— Потом лучше не стой на моей дороге.

Весс повёл лошадь к иве. Беран переступал рядом, придерживаясь за стремя. Двое сопровождавших не сводили глаз с лучника.

У дерева Весс отпустил ворот.

Камнерез остался стоять. Даже когда лошадь отошла, он не поверил, что можно двигаться. Ласса позвала его по имени, и только тогда Беран сделал первый шаг.

Один. Потом другой.

Иллис смотрел поверх его плеча. Весс уже повернул спиной; до него оставалось расстояние хорошего выстрела.

Рокх ничего не сказал. Ждал.

Разведчик убрал стрелу.

Торвен первым опустил меч на землю.

Не бросил. Положил возле камня, где не стояла вода, и отступил. За ним оружие стали выкладывать другие. Кто-то делал это охотно, кто-то смотрел на ушедшего Весса, словно ещё надеялся получить последнее распоряжение.

Печатник сидел возле бочек и держал ладони на коленях. Маг подошёл к нему.

— Как зовут?

— Нейс.

— Можешь идти?

Человек кивнул.

— Тогда отойди от груза.

Нейс поднялся. Он не пытался спрятать нашивку или выдать себя за возчика. Только осторожно обошёл лежавший арбалет.

Рокх дождался, пока тот встанет рядом с остальными.

— Оружие из-под бортов тоже. Свёртки с грузом пока не трогать.

Торвен повернул к нему голову.

— Ты сказал, грузы довезут возчики.

— И довезут. Без тех, кто собирался держать ворота.

— Мы ещё не решили, куда идти.

— Можете остаться здесь без оружия. Я не нанимал вас охранять мои разговоры.

Наёмник некоторое время разглядывал его. Затем кивнул двум своим, и они принялись доставать из-под курток то, что не оставили сразу. Появились ещё один короткий клинок, железная перчатка, маленький метательный нож. Рокх подождал, пока они закончат.

Он отвернулся.

У моста Ласса стояла перед Бераном и поправляла ему ворот. Здоровой рукой выходило плохо. Камнерез сам придержал ткань; оба некоторое время смотрели на тонкий порез, который мог оказаться последним.

— Ты опять не сел, — сказала женщина.

Он посмотрел на неё и вдруг тяжело опустился на край дороги.

Ласса засмеялась. На этот раз смех оборвался почти сразу. Она отвернулась к ивам и несколько мгновений дышала, упираясь ладонью в собственное колено.

Иллис стоял рядом, не зная, куда деть руки.

— Дай воды, — сказала она наконец.

Разведчик снял флягу.

Гонец нашёл Рокха возле тела возчика. В руке всё ещё держал приказ.

— Мне нужна расписка.

Маг поднял на него взгляд.

Давер сглотнул.

— Я понимаю. Но без расписки скажут, что не доставил. А он получил. Взял лист, прочёл начало и вернул. До того, как...

Он посмотрел на Радана.

Рокх вытер руки о рваную мешковину.

— Кто ещё видел?

— Торвен. Тот печатник.

— Тогда возьми их подписи. И запиши, кто лежит здесь. Ты видел нож.

— Видел, — тихо произнёс Давер.

— Это тоже доставь.

Гонец не ушёл.

— Вы разрешите?

Рокх понял, о чём он спрашивает. Любая запись могла вернуться новым приказом об охоте.

— Уедешь после того, как назовёшь имя возчика. Его зовут Радан. Дальше пиши то, что видел.

— И про вас?

Маг посмотрел на кровь, оставшуюся под ногтями.

— Ты меня видел.

Давер медленно кивнул и пошёл к Торвену.

Ромгар добрался до моста, когда уже совсем стемнело.

Телега с Олвеном шла медленно. Двое работников придерживали её на спуске верёвками, а Сава вела лошадь под уздцы. Эрен появился раньше остальных, увидел сложенное оружие и только после этого вышел из кустов.

Ласса поднялась навстречу.

— Олвен?

Эрен показал назад.

Она пошла к телеге слишком быстро, оступилась, но оттолкнула руку Иллиса, который хотел её поддержать. Беран поднялся следом. Возле борта оба остановились. Замочник приподнял голову с соломы.

— Колесо... поправил?

Камнерез сел на край телеги.

— Да пропади оно.

Олвен удивлённо посмотрел на него.

— Это хорошее колесо.

Ласса закрыла лицо здоровой рукой. Плечи у неё дрожали. Рокх не стал разбирать, смеялась она или плакала.

Ромгар подошёл к мосту, увидел возчика и опустился рядом. Коснулся шеи, отодвинул окровавленную ткань. Несколько мгновений оставался неподвижным. Потом прикрыл тело.

— Имя?

— Радан, — ответил Рокх.

— Кто знает родных?

Сава подняла руку.

— Я. Вozил с нами три года.

Она присела с другой стороны и поправила ворот на мёртвом так бережно, будто ему ещё могло быть холодно. Затем забрала из-под плеча маленькую кожаную сумку, проверила застёжку и положила на грудь.

— Это домой. Не к писарю.

Ромгар кивнул.

Рокх отошёл на край моста. Внизу вода прибавала мешки к опоре. Один ещё держался на выступе; из другого вымывало зерно. Лошади стояли на дальнем берегу, тяжело дыша. Торвен с одним из возчиков успели обрезать часть упряжи и отвести их, прежде чем перевёрнутый воз утянул бы следом.

Мост уцелел. Проехать по нему теперь было нельзя.

— Убрать телегу надо, — сказал Беран за спиной.

— Сядь.

— Пока сидел, она легче не стала.

Камнерез прислонился к парапету. Глядел на перекрученный передок без того отрешённого выражения, с которым стоял под ножом. Здесь хотя бы можно было понять, что держит, а что следует подпереть.

— Целиком не сдвинем, — сказал он. — Борт снимем. Мешки на камень. Потом передок развернём.

Рокх посмотрел вниз.

— Эти достанем?

— С верёвкой. Двое снизу, один на опоре.

— Вода поднимется.

— Значит, надо сейчас.

Сава услышала и подошла с двумя работниками. Маг хотел отправить Берана обратно к телеге, но тот уже объяснял, куда класть доску и за что нельзя тянуть. Сидеть он согласился только после того, как нашлось место, откуда было видно всю работу.

Рокх привязал верёвку к поясу и спустился к воде.

Холод ударил выше колен. Камни под ногами были скользкими. Первый мешок не поддавался: намокшая ткань зацепилась за обломок железа. Маг разрезал её у самого шва, теряя часть зерна, и помог работнику подтолкнуть оставшееся к верёвке.

Наверху тянули медленно. Ромгару пришлось оставить больных на несколько мгновений, чтобы объяснить, как перенести конец на другое кольцо, не порвав ткань. Сам он не тянул. Правую руку держал у груди, левой показывал, где встать.

На следующем мешке Рокх поскользнулся. Вода вошла за ворот. Он ударился боком о камень и некоторое время просто стоял, согнувшись, пока снова не смог вдохнуть.

Сверху свесилась рука Торвена.

Маг посмотрел на неё.

— Цепляйся, — сказал наёмник. — Пока не решил, что отнимешь за помощь.

Рокх ухватился. Торвен помог выбраться на выступ, после чего сразу убрал руку и снова взял верёвку.

Свободная дорога была нужна Торвену не меньше, чем остальным.

Когда вытащили последнее, что ещё можно было спасти, у опоры осталась полоса разбухшего зерна. Его уносило вниз по ручью. Сава смотрела на воду, пока работники считали мешки.

— До следующей поставки этого не хватит, — сказала она.

— Второй воз цел, — ответил Рокх.

— Знаю. Я его тоже считала.

Маг промолчал.

Ромгар позвал его к телеге.

— Руку покажи.

— Сначала её.

Ласса сидела рядом с Олвеном. Два пальца левой руки были распухшими и неестественно отведёнными в сторону. Гном уже приготовил тонкие дощечки и чистую ткань.

— Её я вижу. Твоя капает на мой мешок.

Рокх вытянул левую руку. Порез оказался неглубоким, но длинным. Ромгар промыл его, велел прижать повязку. Когда понадобилось завязать, маг помог правой рукой и скривился.

Гном заметил, но ничего не сказал.

— Весс ушёл? — спросил он после паузы.

— Да. С двумя. Берана оставил.

— Преследовать будешь?

— До рассвета — нет. Дал слово.

Ромгар поднял голову. Посмотрел на Иллиса, на камнереза возле парапета, затем снова на Рокха.

— Тогда успеем отвезти этих.

Рокх удерживал край ткани, пока гном заканчивал узел.

Дайс привёл северных стражников прежде, чем удалось освободить мост.

Их было шестеро. Из темноты сначала вышли двое с закрытыми фонарями, остальные остались у ив. Иллис сам пошёл навстречу, назвал себя и велел не поднимать луки.

Дайс долго всматривался в лежавшее оружие.

— Князь получил весть, — сказал он. — Саэрра закрыла нижний заслон. Сюда послали проверить дорогу. Крики слышали уже на спуске.

— Весс ушёл наверх, — ответил Иллис. — Эти сложили оружие. Мастера с нами.

Старший дозора посмотрел на людей Торвена.

— Заберём во двор.

— Они не идут в город, — сказал Рокх.

— Им найдётся другое помещение.

Торвен стоял возле третьей повозки. Его люди уже были без мечей, и появление лучников им явно не понравилось. Один переступил ближе к бочкам, второй взял за локоть раненого товарища.

Рокх встал так, чтобы не закрывать старшему дозора обзор.

— Я сказал, что с этого места дам уйти тем, кто сложит оружие. Они сложили.

— Князь поручил взять людей, которые идут к нашим воротам.

— Они уже не идут.

Старший дозора повернулся к Иллису.

Разведчик некоторое время смотрел на мокрые камни. Ласса была рядом. Он видел её перевязанную руку, кровь на воротах Берана и накрытое тело возчика у моста.

— Уговор слышал, — сказал Иллис. — Я согласился отпустить Весса. Эти оставили оружие после него.

— С князем это не обсуждали.

— Нет.

Старший выдержал паузу.

— Тогда князю объяснишь ты.

Иллис кивнул.

Торвен подошёл к сложенному оружию и остановился в двух шагах.

— Ножи оставьте. Перевязки резать.

Ромгар выбрал два коротких хозяйственных ножа, положил на плоский камень. Рядом оставил кусок чистой ткани.

— У того, кого задело колесом, ногу держать прямо. Пешком далеко не уйдёт.

— Дотащим до верхнего навеса.

— Там сухое место слева от стены. Сначала проверьте доски.

Торвен забрал ткань и кивнул, затем повернулся к своим.

Они ушли вверх по дороге. Раненого несли на снятом борте. Печатник Нейс шёл последним. Один раз оглянулся на свёртки с железом, но возвращаться не попытался.

Давер дождался, пока они минуют поворот. У него были две подписи и короткая запись о том, почему Весс не дал расписки. Сава продиктовала, куда передать весть о Радане. Гонец повторил название слободы, проверил подпругу и взял повод.

Ромгар остановил его.

— Приказ сохрани целиком. Не только ту часть, которую успел прочитать.

— У меня не копия. Подлинник.

— Тем более.

Давер посмотрел на магов.

— Там спросят, почему вы меня отпустили.

— Скажи, мы плохо умеем держать людей, — ответил Рокх.

Гонец не улыбнулся. Спрятал листы поглубже, сел верхом и поехал следом за наёмниками. У поворота придержал лошадь, пропуская тех, кто нёс раненого.

Работа на мосту пошла быстрее. Стражники помогли развернуть передок, сдвинуть разбитое колесо к краю. Вторую повозку проводили по одной колее, подложив доски там, где осыпался камень. Третью разгрузили наполовину, прежде чем рискнули вести следом.

Рокх несколько раз принимался торопить людей. Каждый раз обнаруживалось, что это не облегчает ни мешков, ни железа.

До северного приёма добрались глубокой ночью.

Город не открыл им большие ворота. За наружной решёткой стоял караул, дальше светились окна складов. Сначала впустили Лассу и Берана, затем Олвена с Ромгаром. Телеги остались на площадке. Настоящие работники называли имена по одному; Саэрра стояла возле списка и слушала каждый ответ сама.

Увидев тело Радана, она перестала писать.

Сава подошла к ней и заговорила негромко. Рокх слышал только отдельные слова: нож, мост, дети. Советница подняла глаза на мага, но вопроса не задала.

Потом дошли до зерна.

— Это всё? — спросила она.

— Часть осталась в ручье, — ответил Рокх.

— Сколько?

Сава назвала число. Саэрра повторила его писарю, велела отделить намокшие мешки и не сыпать зерно в общий запас.

— Железо в пустой навес. Разбирать при мастере. Все бирки сохранить.

— Не станешь спрашивать, почему не привели Весса? — спросил Рокх.

Она посмотрела на него.

— Стану. Когда Ласса сможет отвечать не стоя у ворот. И Иллис будет говорить вместе с тобой.

Разведчик остался возле списка.

Саэрра вернулась к телегам. Двое работников уже пробовали поднять длинный свёрток. Она велела оставить его на земле, позвать ещё двоих и только потом снова потянулась к перу.

Рокх смотрел, как с чужой повозки снимают раму, которой собирались удерживать городские ворота. Внутри она всё-таки попала. По частям, без печатника и без людей, которые должны были прийти следом.

Маг прошёл через маленькую калитку пешком.

Ласса попросила вернуть ей мерную рейку.

Рокх нашёл её у писаря среди отобранных вещей: узкая деревянная планка, стёртая на одном конце, с латунной полосой по ребру. Никаких знаков силы. Только зарубки, пятна пальцев и следы от ножа.

В комнате для пострадавших пахло горячей водой и растёртой корой. Олвен спал у стены. Беран сидел на краю скамьи, хотя ему уже приготовили отдельную койку. Ромгар разговаривал с местной лекаркой; та показывала на его правую руку с таким выражением, что Рокх предпочёл не вмешиваться.

Ласса приняла рейку здоровой рукой.

— Эту могли оставить под телегой.

— Могли, — согласился маг. — Скажи, что видел Весс на твоих промерах.

Иллис, вошедший следом, остановился в дверях.

— Она ещё не ела.

— Я слышала вопрос, — сказала Ласса. — И есть тоже собираюсь.

Она подвинула к себе миску. Ложку держала неловко: на правой ладони тоже были ссадины, которых Рокх раньше не заметил. Он дождался, пока женщина сделает несколько глотков.

— Оттиски порога он видел, — сказала она. — Но интересовался не одной решёткой. Принёс другие листы. Велел проверить, подходят ли размеры.

— Какие листы?

— Старый чертёж. Потом ещё один. На первом проём, на втором кусок стены. Надписей почти нет, только метки мест.

Рокх достал копию восточной ветви. Расстелил на свободном конце скамьи, прижал углы чашками.

Ласса перестала есть.

— Откуда?

— Тиррен дал.

— Дальше есть?

— Нет. За этим знаком лист оборван.

Женщина провела пальцем над двумя отметками у края.

— Вот эту видела. И следующую, которой у тебя нет.

Рокх наклонился ближе.

— Нарисуй.

Ласса подняла на него глаза, потом показала на повязку.

Маг выпрямился. Взял у писаря лист и уголь, положил перед ней.

— Скажешь, я нарисую.

Она повернула рейку. Под латунным краем, на стороне, которой планку прикладывали к камню, шли мелкие наколы. Рокх сперва принял их за следы случайных ударов. Но три группы повторяли расстояния между знаками на его карте.

— Я считала крепёж, — сказала Ласса. — На чертеже меняли меру дважды. Они думали, я не умею сравнить. Пришлось сохранять отдельно, иначе каждое утро работа начиналась бы сначала.

— Весс знал?

— Что сохраняю размеры — да. Что подписываю, к чему они относятся, — нет. Он забрал бумагу. Деревяшку с дырками не забрал.

Рокх перенёс отметки на лист. Ласса дважды остановила его: одна риска обозначала не поворот, а смену масштаба; другая относилась к ширине прохода. Готовой карты не получилось. Только короткое продолжение линии и ещё один знак за тем местом, где обрывалась копия Тиррена.

Но продолжение было.

Ромгар подошёл к скамье. Правая рука у него теперь висела на широкой перевязи.

— Что за место?

— На новом листе написали «Каменная таможня», — ответила Ласса. — Старая отметка другая. Её я не прочла. Весс спросил, сможет ли пройти тележка, если открыть нижнюю створку. Я сказала: по рисунку нельзя знать, сколько камня набралось внутри.

— Где эта таможня? — спросил Рокх.

— На восточной дороге. За старым межевым подъёмом, — сказал Иллис. — Верхний двор используют до сих пор. Нижний давно закрыт.

— Ты там был?

— Наверху. Вozил письмо три года назад. Под камень меня не пускали.

Ласса указала на рейку.

— Не считай это дорогой до Башни. Я видела размеры дверей. Что между ними, на тех листах не было.

Рокх смотрел на новую отметку, удерживая палец над пустым краем карты.

— Оригинал у Весса? — спросил он.

— Последний раз видела у него в футляре. Три дня назад.

Маг медленно убрал руку от бумаги.

Весс уходил с футляром у седла. Рокх мог остановить лошадь. Мог продолжить погоню, когда Беран уже вернулся. Вспоминать об этом теперь было особенно удобно: угроза чужому горлу осталась позади, а потерянный чертёж стал почти осязаемым.

— До рассвета ты обещал не преследовать, — сказал Иллис.

— Помню.

— Теперь там будут ждать.

— Возможно. Поэтому не пойдём через верхние ворота без проверки.

Ромгар сел рядом с картой и начал сопоставлять старые меры с теми, которые объясняла Ласса.

Саэрра пришла, когда миска женщины наконец опустела.

Она принесла сообщение северного дозора. На восточной дороге появилось новое подразделение людей с жёлтыми нашивками. Всадники заняли верхний двор Каменной таможни и требовали предъявлять грузы до спуска к эльфийским складам. Писарь отдельно отметил: знамя не церковное, командир называет распоряжение своего правителя.

Иллис перечитал строку.

— Сегодня?

— К вечеру. Дозорный вернулся час назад.

Рокх посмотрел на Ромгара. Гном тоже вспомнил всадников, которых они видели по дороге к Сухому двору.

Теперь у них было место службы.

Саэрра положила донесение рядом с новой отметкой.

— Ваэль выслушает вас утром. До этого никто не открывает нижние пороги и не уходит через северные двери без вести караулу. Спать можно здесь или в прежней комнате.

Она уже повернулась, когда Ласса окликнула её:

— Тиррен знает, что мы вернулись?

— За ним послали. Велела не бежать по лестницам.

— Значит, побежит.

Саэрра впервые за ночь слабо улыбнулась и вышла.

Рокх свернул карту. Мерную рейку оставил на скамье возле Лассы. Женщина накрыла её ладонью, не пряча, но и не отдавая.

— Утром покажешь ещё раз, — сказал маг.

— Утром спрошу у лекарки, чем могу держать уголь.

Он кивнул и поднялся.

У двери пришлось пропустить старого мастера. Тиррен вошёл запыхавшись, остановился между Лассой и Олвеном и некоторое время не мог выбрать, к кому подойти первым. Потом Беран передвинулся, освободив ему место на скамье.

Рокх вышел в коридор вместе с Ромгаром.

— К таможене? — спросил гном.

— После разговора с князем.

— И сна.

Маг посмотрел на мокрые рукава, на повязку, которую снова придётся менять. На этот раз спорить было не о чем.

За стеной начали передвигать спасённые мешки. Двое работников ругались вполголоса: один торопил, другой требовал сначала подложить доски. Наверху, по ту сторону холмов, чужие всадники уже проверяли дорогу, которой Рокх намеревался воспользоваться.

Он нёс под плащом короткую угольную линию — первый новый участок восточной ветви.

Дорога больше не обрывалась на краю листа. Теперь она упиралась в заставу.

Глава 5. Каменная таможня

Утром Рокха разбудил запах подгоревшего зерна.

Он несколько мгновений лежал неподвижно, слушая треск за стеной. Затем сел, потянулся за плащом и только у двери вспомнил, что мокрые мешки приказали сушить отдельно. Во дворе не горели ни склады, ни город. Работники рассыпали спасённый ячмень по железным листам и спорили, насколько близко их можно пододвигать к жаровне.

На соседней кровати сидел Ромгар. Он пытался застегнуть ворот левой рукой. Правая покоилась на перевязи, и пуговица всякий раз уходила под бороду.

— Если сейчас предложишь заклинание, — сказал гном, — придётся найти силы, чтобы тебя ударить.

Рокх наклонился и застегнул ворот.

— Я хотел предложить ножницы.

— Это хуже.

Маг подошёл к тазу. Вода остыла за ночь; на дне лежала маленькая щепка. Он смочил ткань, осторожно провёл по лицу, затем осмотрел повязку на левом предплечье. Порез перестал кровить. Правая кисть двигалась свободнее, но край старого ожога ещё цеплялся за рукав. Накануне он добрался до постели с готовым намерением проснуться раньше всех. Теперь за окном уже вовсю работали, и это раздражало сильнее боли.

В дверях появился Иллис.

Разведчик был без лука. На ремне остались нож и пустой кожаный держатель для сигнального шнура. Волосы он связал заново; под нижним веком темнела полоска, которой вечером не было.

— Князь ждёт. Ласса тоже будет.

— Она может ходить?

— От лекарской до зала — может. Дальше лекарка запретила.

— А тебе?

Иллис посмотрел на пустое место за плечом.

— Пока не знаю.

Ваэль выслушивал Саву стоя.

Старшая смены принесла мешочек Радана и две разломанные счётные бирки. Она положила их на стол перед князем, расправила ремешок, который всё время загибался внутрь, и назвала селение, где жила семья возчика.

— Мать детей сама решит, что делать с деньгами, — сказала она. — Только пришлите деньги, а не приглашение приехать за ними. Сейчас её через заставы не пустят.

Саэрра сделала пометку.

— Дом оплатит дорогу и утраченный воз. Остаток расчёта со складом мы ещё не получили.

— Воз был нанят. Его хозяин своё возьмёт. Я говорю о Радане.

Князь придвинул к себе чистый лист.

— Разделим выплаты. Кто повезёт весть?

— Мой брат. Он знает семью. Тело отправим с ним, когда дадут пройти верхним трактом.

Рокх остался у двери. Сава не повернулась к нему, хотя наверняка услышала шаги. Ночью он знал имя погибшего, место раны, вес человека, которого тащил по камню. Теперь у смерти оказались расходы, родные и дорога, по которой их могли не пропустить.

Ласса сидела возле окна. Перевязанные пальцы были уложены на небольшую дощечку. Рядом стоял Тиррен, держа её мерную рейку так бережно, словно хрупким было дерево, а не

рука ученицы. Беран и Олвен остались у врачей. Об Олвене сообщили только, что ночь он перенёс.

Когда Сава ушла, Саэрра закрыла дверь.

— Теперь о тех, кого вы отпустили.

Иллис вышел вперёд.

— Весс держал Берана. Я опустил лук. Решение моё.

— Я спрашиваю не только о Вессе.

— Остальные сдали оружие на условиях Рокха. Я подтвердил их северному дозору.

Ваэль сел. Золотой глаз остановился на разведчике; пальцы князя лежали на краю столешницы и не двигались.

— Ты имел приказ найти смену и предупредить о грузе. Не заключать перемирие от имени Дома.

— От имени Дома я ничего не обещал.

— Северные слышали твоё слово и выпустили людей, которых должны были задержать.

Рокх шагнул от двери.

— Они сложили мечи до прихода твоих северных. Без этого разговора вы получили бы бой у моста, мёртвых мастеров и три сгоревшие повозки.

— Возможно. Или пойманного Весса. Ты не можешь предъявить мне несостоявшееся как оплаченный счёт.

Маг остановился.

Ласса повернула к князю забинтованную руку.

— Меня не надо вписывать в удобный исход. Я была там. Когда Весс увёл Берана, хорошего исхода уже не оставалось.

Ваэль выслушал её, не перебивая. Затем потребовал рассказать, как люди стояли у последнего воза. Иллис показал на столе поворот дороги, и Ласса передвинула чашку, обозначающую её саму. Один раз они разошлись в показаниях: разведчик считал, что Беран мог броситься к обочине раньше. Ласса напомнила о ноже. Иллис убрал палец от чашки.

Ромгар не участвовал. Он не видел этой части ночи.

— Северному караулу передадут точные условия, — сказал князь наконец. — Они действовали у моста, а не на всех дорогах Дома. Иллис, до моего следующего распоряжения ты не отдаёшь приказов дозорам.

Разведчик коротко кивнул.

— Проводником пойдёшь, — добавил Ваэль. — Местность у таможни ты знаешь. С тобой будет Тиррен.

Старый мастер поднял голову.

— Я ещё не предложил.

— Предложишь. Но сначала поешь. Вчера ты пришёл к Лассе с угольком за ухом и до сих пор его не вынул.

Тиррен машинально тронул ухо. На пальцах осталась чёрная полоса.

Рокх придвинул к себе карту.

— Всадники уже там. Пока мы считаем, они могут вывезти нижние записи.

— Или поставить вторую раму, — сказала Саэрра. — Поэтому пойдёте не только за бумагами.

Она развернула донесение. У ворот Каменной таможни задержали два воза соли и партию лекарственного корня. Проезжим называли цену досмотра, которой прежде не существовало. Тяжёлые грузы пропускали в верхний двор, лёгкие оставляли на дороге. Печатники Престола получили отдельное помещение у старых весов.

Ромгар прочёл описание жёлтых нашивок.

— Тальмцы. Их князь распоряжается верхней частью тракта. В прежнем соглашении пошлина делилась между его казной и дорожными дворами.

— Прежнее соглашение у меня есть, — ответила Саэрра. — Нового никто не показал.

— Кто командует?

— Капитан Кард. Имя сообщил наш соляной торговец. Приказ говорит о проверке снабжения незаконных поселений.

— Приятно узнать новое название собственного дома, — заметил Тиррен.

Ваэль положил на стол небольшую пластину без магического свечения. На ней был выбит знак Тёмного Дома и вырезано место для подписи.

— Ты получишь пропуск представителя, Тиррен. Сможешь обсуждать промеры, грузы и состояние нижней кладки. Не военное соглашение. Ромгар — свидетель и мастер. Рокх идёт с вами под моей защитой до окончания переговоров, если Кард примет условия встречи.

— Под твоей защитой? — переспросил маг.

— На бумаге. Остальное у тебя уже есть.

— А если не примет?

— Не входите.

Саэрра положила рядом два одинаковых листа.

— Один отдашь с проводником, второй оставишь у себя. У верхних ворот вы будете не пленными и не нанятыми работниками. Не позволяй им заменить эти слова другими.

Рокх посмотрел на гнома.

— Тебе нравится?

— Пока я вижу способ не начинать с разрушенной заставы.

Ласса постучала рейкой по камню, привлекая внимание.

Она подготовила новый рисунок. Уголь держала правой рукой, ссадины ещё мешали; линии получились короткими, неровными. Но различие между старой и новой мерой теперь было отмечено ясно. На полях стояли две дверные ширины, прежде принятые за расстояние между комнатами.

— Не считайте шагами, — сказала она. — Вот здесь запись о размере груза. Весс принял её за длину прохода и заставил переделать раму. Дважды.

— Для чего ему понадобилась таможня?

— Чтобы не тащить её через весь двор. Он хотел внести части снизу, собрать за весами и уже оттуда двигать к воротам.

Рокх наклонился над рисунком. Знакомая последовательность чаш и коротких черт уходила к полукруглому знаку. Под ним Ласса написала: «Приём веса».

— Это название?

— Так перевёл человек, который привёз чертёж. Я услышала только эти слова.

— Печатник?

— Нет. Он был старше Нейса и носил ключ на цепочке поверх рубахи. Весс обращался к нему «смотритель». Больше не знаю.

Рокх запомнил. Весс оказался не началом следа, а посредником между теми, кто понимал хотя бы часть устройства, и людьми, которым платили за железо.

Ласса взяла свою рейку из рук Тиррена.

— Вернись с размерами, а не с объяснением, почему от стены остался щёбень.

— Это ты мне? — спросил мастер.

Она посмотрела на Рокха.

— Обоим.

Из города вышли после полудня.

Ромгару дали низкого выючного мула. Животное с длинными ушами терпеливо стояло, пока гном устраивался в седле, затем немедленно попыталось вернуться к кормушке. Тиррен взял повод. У его собственной сумки звякнули инструменты.

Иллис шёл впереди. Лук ему вернули, но сигнального шнура на поясе не было. У наружного поста распоряжения отдавал другой эльф. Разведчик сообщил ему дорогу, дождался ответа и молча двинулся дальше.

По другую сторону холма уже раздавался звон молотков. Повреждённый мост начали чинить; на берегу сушились вытасченные из воды доски. Сава нашла людей, которым требовалось возвращаться той же дорогой, и до их ухода успела договориться о работе. От утраченного зерна на камнях осталась светлая каша. Птицы слетались к ней, вздрагивая от каждого удара.

Иллис повёл спутников выше, к межевому подъёму. Этот путь был длиннее, зато позволял увидеть таможеню прежде, чем стража увидит их.

Воздух подсох. Над мокрой землёй тянуло горьким запахом полыни, на прогретых плитах шуршали мелкие серые ящерицы. Рокх несколько раз оглядывался на солнце. Сквозь облака проступал белый край, затем его затягивала зелёная муть. На открытом месте болели глаза, и он натянул капюшон ниже.

Тиррен остановился возле груды обтёсанных камней.

— Когда я был молодым, здесь стояли три дома.

— Остатки вижу, — сказал Рокх.

— Ты видишь поздние пристройки. Старые стены под ногами.

Мастер указал на ровную полосу поперёк тропы. У края сохранилась выемка для двери. Она была слишком широкой для обычного жилища, но прямо сейчас по ней перебирался жук с обломанным усиком, и древности пришлось подождать, пока он минует ладонь Тиррена.

— Их разобрали?

— Верх — на заставу. Низ затопило. Люди решили, что вода пришла сама. У отводов потом нашли снятые решётки.

— Ты был при этом?

— Нет. Приехал на следующий год. Мне показывали место, но решёток уже не было. Поэтому не спрашивай, кто их снял.

Маг провёл сапогом по камню. Под пылью проступила короткая знакомая черта, часть счётного знака. Тиррен отвернулся к мулу.

С гребня открылась таможня.

Верхний двор лежал в выемке холма, обнесённой стеной из разного камня. Новые бойницы были прорублены поверх старых широких окон. Над воротами висело жёлтое знамя; белые плащи собрались у длинного здания слева. Дальше тянулась очередь телег. Ни одна не двигалась.

Под стеной стояла женщина в серой безрукавке и спорила с солдатом. Она держала в руках весовой камень размером с кулак. Солдат показывал на ворота. Женщина показывала на камень.

— Мирна, — сказал Иллис. — Старшая весовщица. Три года назад она заставила меня открыть письмо, потому что отправитель забыл опломбировать футляр.

— Ты открыл?

— Позвал её начальника.

— И?

— Он принёс нож.

Ромгар выпрямился в седле.

— Пойду с Тирреном. Ты пока останься здесь, Рокх.

Маг уже собирался возразить, но посмотрел на очередь. Его появление было способно заставить людей разбежаться, а стражу — хватать первых попавшихся. На гребне он ещё мог выбирать момент.

— До нижнего колокола, — сказал он. — Если не вернётесь, пойду сам.

Гном указал на двор.

— Колокол здесь созывает носильщиков. За это время их могут позвать трижды.

Рокх помолчал.

— Тогда до захода солнца.

— Договорились.

Мирна оказалась ниже, чем выглядела с гребня. Подбородок у неё был исчерчен старым рубцом, волосы обрезаны над ушами. Вблизи Ромгар заметил, что весовой камень сделан из дерева и только обит железом.

— Подменили? — спросил он.

Она повернулась.

— Велели считать новым образцом. На четверть легче. Им удобно, а мешки таскают те же люди.

Солдат отступил от стены, разглядывая гнома.

— Вы Ромгар.

— Я. Нам нужен капитан.

— Здесь приказ о вас.

— Тогда капитан понадобится тем более.

Тиррен предъявил пластину Дома. Солдат прочёл бумагу, принял её обеими руками и ушёл к воротам. Возвращаться ему не хотелось; по крайней мере, первые десять шагов он шёл медленно, явно надеясь, что позовут кого-нибудь другого.

Мирна наблюдала за ним.

— Пришли вернуть старые гири?

— Посмотреть нижние помещения, — ответил Тиррен.

— Там опять работают ночью. А утром требуют, чтобы я подписала, будто двор не просел.

Ромгар спешился. Под сапогом качнулась плита. По шву тянулась свежая полоска песка, которую не успело смыть вчерашним дождём.

— Когда началось?

— Три недели назад. Сильнее — позавчера. Под большим коромыслом пришлось подбивать клин.

Гном присел. Не коснулся кладки силой: взял выпавшую щепку, вставил в шов и посмотрел, насколько глубоко она уходит. Щепка оказалась короткой. Мирна молча подала длинный железный шуп.

Капитан вышел из ворот, когда Ромгар уже стоял.

Кард был сухощавым человеком с короткой бородой, редкой на щеках. На левом сапоге засохла известь. От него пахло лошадью и несвежим дымом, а не благовониями, которыми сопровождали себя люди Престола.

— Князь прислал мастера и разыскиваемого монаха, — сказал он, глядя в лист. — Где второй разыскиваемый?

— За холмом, — ответил Ромгар.

Офицер поднял голову.

— Вы даже не пытаетесь скрыть.

— Мы прислали условия до входа.

Кард оглянулся на двоих воинов у своей спины.

— Оставайтесь.

Он отошёл к краю очереди, где уже никто не мог принять их разговор за приказ пропускать груз. Прочёл лист ещё раз.

— В моей грамоте сказано задерживать помощников некроманта.

— А в нашей — прийти и сказать, что мы у вас нашли, — произнесла Мирна.

Капитан резко взглянул на неё.

— Тебя не спрашивали.

— Тогда нечего было отдавать мне на подпись новую гирю.

Тиррен кашлянул, скрывая улыбку. Ромгар оставался серьёзен.

— Здесь просела кладка под весами, — сказал он. — Вы ведёте обозы в верхний двор. Я хочу посмотреть, что держит коромысло снизу. Мастер узнает старые крепления. Рокх — то, чего не узнаем мы. Отпускать его без присмотра никто не предлагает.

— Впустить я должен. Выпустить — тоже. А что получу?

— Двор, который не обрушится под вашими людьми.

— Это угроза?

Мирна протянула щуп. На его конце осталась белая мокрая глина.

— Это под коренным камнем. У меня там двадцать лет было сухо.

Кард долго смотрел на железо.

Потом забрал у Тиррена второй экземпляр условий, вычеркнул строчку о свободном передвижении внутри двора и написал рядом: «В пределах осмотра. С сопровождающим».

— До завтрашнего полудня. Ночевать в весовой. Оружие под обмоткой. Моих караульных не трогать. Прикажу им того же.

— Обыск? — спросил Ромгар.

— При свидетелях, без изъятия инструментов. Тайных гостей под видом груза сюда не вносят.

— Согласен.

— Говори за себя.

Гном впервые улыбнулся.

— Именно так ему и скажу.

Сейр получил возвращённый приказ к концу дня.

Давер едва стоял. В приёмной ему предложили подождать до утренней записи. Гонец сел на порог, положил футляр на колени и сказал, что тогда придётся перенести его вместе с дверью.

Лиор слышал разговор из соседней комнаты.

Через четверть часа Давер оказался перед магистром. Он передал приказ, лист с подписями Торвена и Нейса и отдельную полоску, на которой записал слова Савы о семье Радана.

Сейр начал с полоски.

— Кто убил?

— Весс. Ножом. Я стоял рядом.

— Ты видел удар или только человека после?

— Удар. Радан держал вожжи. Весс схватил его за куртку.

Магистр отложил бумагу.

— Почему некромант позволил тебе уехать?

Давер помолчал.

— Потребовал записать, что я видел.

— Это я понимаю. Что ещё?

— Ничего.

Сейр поднял глаза. Гонец выдержал взгляд, потом сел без разрешения. Ноги больше не держали.

Варн пришёл, когда Лиор принёс ему воду.

Прелат не стал ждать пересказа. Прочёл свидетельство, остановился на имени Торвена и спросил, сколько у того осталось людей.

— Не знаю, — ответил Давер. — Они ушли с раненым.

— Значит, некромант договорился с наёмниками.

— Он отобрал оружие.

— И сохранил людей.

Лиор медленно опустил кувшин. Сейр видел его лицо, но не подал знака молчать.

— Весс отказался выполнить мой приказ, — сказал магистр. — И убил возчика.

— Исполнителя проверят. Каменную таможенную займут по соглашению с тальмцами. Гелл получит новое поручение сопровождать установку печатей в нижнем дворе.

— Он был отстранён.

— От полевого старшинства над тем походом. Теперь речь о другом поручении. Княжескими всадниками он командовать не будет.

Сейр положил ладонь на возвращённый приказ.

— Тогда это следует написать.

— Напишем.

— И запретить ему входить в действующие приёмники до проверки.

Варн посмотрел на него так, будто магистр предложил идти через реку, не замочив плаща.

— Проверять быстрее.

После ухода прелата Сейр ещё долго сидел над листами. Затем велел Лиору снять две копии показаний и подготовил распоряжение тальмскому капитану: Весса удерживать до выяснения обстоятельств, его чертежи сохранить, нижнюю кладку не передавать церковным установщикам без совместного осмотра.

Под письмом он поставил собственную подпись.

Лиор прочёл начало и поднял глаза.

— Это отменяет отправку Гелла?

— Нет.

— Тогда он приедет раньше бумаги или позже, но всё равно приедет.

Сейр потер переносицу.

— Я знаю.

Когда Рокх вошёл в Каменную таможенную, разговоры на дворе оборвались.

Один из возчиков сплюнул себе под ноги, другой поспешно осенил ребёнка знаком. Мальчик попытался высунуться из-за мешков; мать втянула его обратно. Стражники держали копья вертикально, но кулаки сжимали слишком близко к наконечникам.

Маг шёл между Ромгаром и Тирреном. Иллис замыкал. У ворот он отдал дежурному писарю условленное имя, дождался, пока тот запишет время, и только потом переступил каменную полосу.

Мирна встретила их у весовой.

— На втором пролёте голову пригни, — сказала она Рокху. — Камню всё равно, сколько о тебе кричат.

— Наконец-то.

Внутри пахло солью, прогорклым маслом и просушенными шкурами. Огромное коромысло висело на оси, уходившей в потолок. Под одним концом стояла пустая платформа для мешков, под другим — ящик с грузами. На стенах были зарубки разных лет. Среди них темнела новая трещина.

Кард пришёл с двумя солдатами и молодым писарем. Тот нёс фонарь, стараясь не задеть им собственное колено.

— Где Весс? — спросил Рокх.

— Ты пришёл осматривать пол.

— Заодно могу спросить, кто его вскрывал.

Капитан взглянул на Мирну.

— Ночью уехал на восток. Оставил двух установщиков. Обещал вернуться утром со смотрителем.

— Футляр при нём?

— Я не составлял опись его седла.

Рокх удержал ответ. Обещанное Вессу время закончилось, но дорога теперь проходила через людей, которые не собирались расступаться только поэтому.

Мирна отперла низкую дверь за коромыслом.

Ступени были узкими и новыми. Через два пролёта они сменились широким пандусом, по которому когда-то могли спускать тележки. В стене сохранились железные кольца; ниже, почти у самого пола, шли другие крепления — из тёмного металла, который не покрылся ржавчиной.

Рокх пригнулся вовремя. Край перемычки скользнул по капюшону.

Под весами оказался зал.

Его ширина превосходила верхнюю постройку втрое. Коромысло таможни стояло на поздних деревянных опорах, не доходивших до древних сводов. Настоящий потолок терялся за ними; свет лампы высветил высеченную на камне шестипалую ладонь.

Рокх остановился.

Две арки стояли напротив друг друга. Между ними находилась круглая площадка с четырьмя желобами по краям. В каждом желобе лежала цепь, уходившая к тяжёлому противовесу. Площадка была пустой. Старые весы измеряли не мешок, не повозку, а всё, что оказывалось внутри неё.

Тиррен подошёл к обрамлению и провёл по воздуху пальцем.

— Вот этот размер дала Ласса. А мы искали дверь у дальней стены.

Ромгар поставил ногу у края площадки.

— Не вставай, — одновременно сказали Рокх и Мирна.

Гном убрал сапог.

— С какой стороны держит?

Мирна направила фонарь вниз.

Под ободом зиял узкий просвет. В нём блестел свежий металл. Старый противовес не лежал на опоре: его удерживали новые железные полосы, привинченные к треснувшему камню.

— Это поставили до прихода всадников, — сказала женщина. — Приказали не подпускать грузчиков.

Тиррен достал мерный шнур. Кард наблюдал, как мастер закрепляет конец у стены и тянет через зал. Молодой писарь присел с табличкой на колене. Только здесь Рокх заметил, что его руки испачканы не чернилами, а графитом и машинным маслом.

— Ты здесь работал?

Юноша напрягся.

— Помогал переносить.

— Как зовут?

— Ярек.

— Тогда не записывай. Покажи, что они сняли.

Ярек посмотрел на капитана. Тот кивнул.

У дальней арки стоял ящик. Внутри лежали изношенные вкладыши, две длинные скобы и тонкая пластина, изогнутая дугой. На ней повторялся рисунок чаш.

Рокх вынул свою накладку. Не поднёс к арке — положил на крышку рядом с найденной. Выемки совпали. На одном предмете сохранилось то, что на другом стёрлось за века.

Тиррен наклонился так близко, что борода коснулась крышки.

— Это не две разные детали. Одна мерная часть в двух местах.

— Сменные? — спросил Кард.

— Возможно. Сначала снимем размеры.

Капитан взглянул на дверь.

— У вас до полудня.

— Начнём сейчас, — ответил Рокх.

Он поднял фонарь над пластинами. На стене за ними проступили ещё две арки, почти полностью заложённые поздней кладкой. Одна уходила на восток, к башенным холмам. Другая смотрела туда, где за камнем должен был находиться склон и ничего больше.

Из второй тянуло сухим, солёным воздухом.

Глава 6. Мера прохода

К утру на крышке ящика лежали двадцать три рисунка, и ни один не показывал дороги. Рокх отложил перо. У него болела шея. За ночь он успел поспать на мешках из-под соли, проснуться от шагов караульного и вернуться к работе раньше Тиррена. Теперь старый мастер сидел напротив, жевал хлеб и переставлял дощечки с промерами. Ромгар ещё спал наверху. Иллис сменил стражника у входа только как наблюдатель: ключи оставались у людей Карда.

Ярек принёс горячую воду в закопчённом чайнике.

— Мирна велела не ставить на листы.

Рокх молча освободил место. Ярек задержался над рисунком.

— Вы опять складываете внутренние меры с наружными.

Тиррен поднял глаза.

— Где?

Юноша указал на короткую черту перед числом.

— Вот здесь. Мы так обозначаем свободный проём. Толщина обода в него не входит.

— Это ваша пометка?

— На новых листах. Я перенёс её со старого перевода. Смотритель сказал, так удобнее.

Маг подвинул ему перо.

— Исправь.

Ярек взял его неловко. Прежде чем провести линию, вытер пальцы о штаны. С двух чертей исчезли небольшие боковые участки; размеры сразу стали совпадать. Оставалось меньше расхождения, чем Рокх искал всю ночь.

— Почему вчера молчал?

— Вы не спрашивали про черту. Вы спрашивали, кто снял железо.

Тиррен куснул хлеб, не успев скрыть улыбку.

Рокх повернул к Яреку последний лист.

— Теперь спрашиваю про всё, что тебе кажется неправильным.

В этой части работы юноша оказался полезнее любого из древних воспоминаний. Он знал, как нынешние установщики сокращают числа, где переставляют отметку толщины, каким словом называют запас на износ. Древнего языка он не читал. Но между древними и Рокхом успели поработать люди, чьи ошибки Ярек понимал.

Через час рисунки разделили на три группы.

В первой лежали планы помещений. Во второй — размеры переносимого груза. В третьей оказались схемы, на которых расстояние вообще не имело значения. Повторяющиеся арки стояли рядом не потому, что их разделяло несколько шагов. Это был порядок обращения к приёмникам.

Тиррен поставил две деревянные чашки по разным концам ящика.

— Здесь наша таможня. Здесь следующий узел. Между ними может быть холм, река, несколько вёрст камня. А смотрителю достаточно знать, куда направить следующий груз.

Рокх посмотрел на короткие линии между знаками.

— Мы приняли расписание за карту.

— Не всё, — возразил мастер. — На нижних листах есть настоящий служебный ход. Для ремонта и осмотра. Он длинный. Дорога через приёмники должна была быть короткой.

Ярек принёс старую конторскую книгу.

На обложке сохранилось пятно от масла. Внутри торговые счета перемежались копиями документов, которые переписчик явно считал более важными, чем обычная пошлина. Рядом с изображением арки стояло позднее человеческое название: «Белая пристань». Ниже — расход на двух ходоков, посланных проверить ответную площадку.

— Сколько им дали? — спросил Рокх.

— Припасов на четыре дня, — ответил Тиррен. — Это не значит, что они шли четыре. Здесь записаны выдачи, а не прибытия.

Маг закрыл глаза на мгновение. Затем указал на нижнюю приписку.

— А это?

Мастер наклонил книгу к лампе.

— Вернули остаток соли. Значит, кто-то дошёл обратно.

Ромгар проснулся от шума на дворе.

Мирна стояла возле коромысла и не позволяла солдатам вкатить платформу с мукой. Кард приказал продолжать приём тяжёлых грузов, пока нижние мастера не предъявят доказательство опасности. Весовщица предъявила ему поднятую половицу. Под ней виднелся разошедшийся шов.

— Доказательство под ногами, — сказала она. — Мешок за мешком можете носить. Возом нельзя.

Капитан наклонился. Снизу донёсся голос Тиррена.

— Кто там ходит?

Мирна посмотрела на Карда.

Тот велел разгрузить муку снаружи.

Ромгар вышел из закутка, поправляя перевязь. Четыре часа сна не сделали руку здоровой, но перестали дрожать колени. Он сел у стола и попросил у Мирны книгу ремонтов за последние годы.

— Ещё бумага? — Она указала на лестницу. — Твои уже всё сняли с полок.

— Мне не про арки. Про воду в доме.

Женщина нашла тонкую тетрадь в ящике с хозяйственными расходами.

Вода из верхней скважины начала теплеть задолго до прибытия установщиков. Зимой дважды меняли прокладки. Весной жаловались на рыбу, которая поднималась к сливам. Ромгар попросил показать, куда эту воду подавали.

Мирна провела его в кухню, затем в пристройку для работников. Там на лавке спал мальчик лет десяти, укрытый двумя куртками. Женщина, сидевшая рядом, поднялась при виде гнома.

— Он не болеет. Просто не выспался.

Ромгар остановился у двери.

— Я не составляю список на выселение.

Женщина посмотрела на родовую пластину, не решаясь верить.

Мирна села на соседнюю лавку.

— Это мой племянник, — сказала она. — К вечеру у него руки дрожат. Утром лучше. Сестра думает, если не назвать болезнь, его оставят при дворе.

Гном спросил разрешения осмотреть ребёнка. Послушал дыхание, попросил мальчика сесть и удержать чашку. Вода плеснулась через край.

Мать отвернулась к стене.

— Давно? — спросил Ромгар.

— С начала тёплых дождей. Он раньше бегал до самой межи.

— Кто ещё здесь живёт постоянно?

Оказалось, двое взрослых тоже начали быстро уставать. Один приходился мальчику дядей, другой — нет. Оба работали возле старого отвода. Но женщина, которая стирала в той же воде каждый день, чувствовала себя хорошо.

Ромгар записал имена, еду, смены, начало жалоб. На полях оставил место для того, что пока не складывалось.

— Вы его заберёте? — спросила мать.

— Я могу попросить врачей в нижнем городе посмотреть. Дорога займёт время. Решать тебе.

— К эльфам?

Мирна сжала губы. Гном не стал спорить.

— Я оставлю, кому передать весть. Можно сначала поговорить через вашего торговца. Он вышел, когда мальчик снова лёг. Рокх ждал у лестницы, держа раскрытую книгу.

— Тебя искал капитан.

— Нашёл ещё троих, — сказал Ромгар. — У одного началось до нынешней переделки. Вода стала тёплой раньше. Это важно.

— Значит, Весс не испортил весь мир вчера.

— Вессу хватит того, что он действительно сделал.

Маг посмотрел на записи. Некоторые слова были зачёркнуты, другие дописаны между строк.

Рокх показал ему книгу.

— Нашёл ход к ответной площадке. Пока пеший. Если она цела, попробуем связать обе стороны.

— Сначала сколько идём?

— По промерам — день. Но у меня пока меньше причин доверять промерам, чем хотелось бы.

Ромгар протянул левую руку за книгой.

Весс вернулся до полудня.

Он приехал не с теми людьми, с которыми ушёл от моста. Рядом ехал церковный служитель, за ними — две телеги с закрытыми ящиками. На сером плаще Весса подсохла грязь; сапоги он успел сменить. Кожаный футляр по-прежнему висел у седла.

Рокх увидел его из окна весовой.

Весс тоже поднял голову. На короткое мгновение его лицо стало совершенно пустым, затем он повернулся к служителю и заговорил быстро, почти не разжимая губ.

Кард встретил приезжих у ворот.

Служитель предъявил два документа. Первый капитан прочёл сразу. Второй долго держал на свету, рассматривая печать. Потом позвал своего писаря.

— Новое поручение, — сказал Ромгар за спиной Рокха.

— Откуда знаешь?

— Иначе капитан уже смотрел бы в нашу сторону.

Рокх отступил от окна. До футляра Весса было сорок шагов. Можно было ждать, пока разговор у ворот закончится; можно было пройти через тень под конюшной и забрать нужное быстрее. Но вся нижняя работа держалась на условии не касаться караула. Весс почти наверняка приехал с человеком, которого собирался сделать свидетелем нападения.

Маг взял со стола собственный экземпляр условий.

— Поговорим при всех.

Кард не пустил их к воротам. Сам пришёл в весовую с Вессом, служителем и четырьмя солдатами.

— Осмотр переносится, — объявил он. — Нижний двор временно опечатывают для приёма группы установщиков. Вы можете остаться наверху до прибытия проверяющего от магистра Сейра.

— До полудня мы уже внутри, — сказал Рокх.

— Поручение новое.

Ромгар взял лист. Прочёл начало, перевернул, задержался на подписи.

— Здесь сохраняются материалы и не допускаются посторонние работы. Наш осмотр согласован тобой вчера.

— Его нужно остановить до совместной проверки, — вмешался Весс.

Гном поднял на него глаза.

— Это ты прочёл или дописал?

Весс потянулся за бумагой. Ромгар не отдал.

Служитель раздражённо кашлянул.

— Я привёз копию, переданную на восточную заставу через зеркало. Оригинал идёт из Светограда отдельно. Мы не обязаны ждать, пока любой встречный одобрит распоряжение.

Кард забрал лист у гнома.

— Нижний двор закрыть. Я сверю обе бумаги, когда придёт подлинник. До этого ничего не вывозить.

Последние слова он произнёс, глядя на Весса.

Тиррен поспешил к лестнице за инструментами. Два солдата остановили его. Мастер замер, будто не сразу понял, что руку на его груди поставили всерьёз.

— Там мои вещи.

— Получишь по описи, — сказал Кард.

— Мы их мерили с ночи!

Капитан отвернулся к служителю. Разговор закончился не тогда, когда иссякли вопросы, а когда у двери появились люди с копьями.

Ромгар смотрел на запертую лестницу.

Он согласился на осмотр, полагаясь на подпись человека, который оставался верен своему правителю, а не истине в тёмном подвале. Это следовало понять ещё вчера. Теперь внизу лежали сделанные ими рисунки и открытая книга с Белой пристанью.

Рокх подошёл к нему.

— Где Ярек?

Гном оглядел комнату.

Юноши не было.

Нашли его через Мирну.

Весовщица не стала спрашивать разрешения у караула. Вышла во двор, подняла пустое ведро и окликнула мальчика, которого послали к скважине. Через несколько минут Ярек появился у задней двери. Он успел снять рабочую куртку и теперь держал её под мышкой.

— Меня отпустили, — сказал он. — Велели до завтра не возвращаться.

— Кто? — спросил Рокх.

— Весс. Пока капитан читал бумагу. Сказал, я свободен от нижней смены.

Мирна взяла его за плечо.

— А ключ от бокового хода?

Юноша побледнел.

— Он показал разрешение.

Рокх посмотрел на гнома.

— Вывозить нельзя. Входить — можно.

Ромгар сжал здоровой рукой край стола. До капитана было двадцать шагов, однако пока он найдёт служителя, получит лист и снова сравнит строки, Весс успеет выбрать всё, что ему требуется.

— Я к Карду, — сказал гном. — Иллис со мной. Мирна, покажи Рокху боковой ход.

Маг остановился.

— Ты предлагаешь нарушить опечатывание?

— Предлагаю не потерять то, ради чего его объявили.

У весовщицы оказался второй ключ. Она даже не стала объяснять, почему никому его не отдала.

За кухонной пристройкой находился узкий спуск, которым раньше выносили мусор из подвала. Рокх прошёл следом за ней, пригибаясь под трубами. Левой рукой пришлось держаться за стену; кожа под повязкой натянулась, и он выругался вполголоса.

Внизу пахло дымом.

Мирна ускорила шаг. Маг перехватил её за локоть, остановил перед поворотом. Из-за стены доносился сухой треск и торопливое шуршание бумаги.

Весс стоял возле жаровни для разогрева заклёпок. Футляр лежал открытым на полу. Часть листов уже свернулась в чёрные трубки, другая была зажата у него под мышкой. Рядом на камне лежала тяжёлая крышка от ящика с инструментами.

— Поздно, — сказал он, увидев Рокха.

Маг шагнул к нему.

Весс швырнул листы в огонь и опрокинул жаровню.

Угли рассыпались по сухой стружке. Мирна схватила стоявшую у стены лопату, начала сбивать пламя. Рокх не стал останавливаться. Весс отскочил к пандусу, потянулся за ножом.

Он рассчитывал на заклинание. На то, что маг поднимет руку, а он успеет спрятаться за деревянной опорой или ударить снизу. Рокх вместо этого пнул футляр ему под ноги.

Весс споткнулся, ударился плечом о стойку. Нож выскользнул не сразу. Пришлось наступить на кисть, и человек закричал, пытаясь вырвать руку. Рокх прижал его лицом к камню. В левом предплечье горячо дёрнуло.

— Где остальные листы?

— Сгорели.

Маг наклонился ниже.

Весс задышал коротко. Край его лица был прижат к тёплой золе, и Рокх чувствовал, как мало осталось до движения, после которого уже не понадобится спрашивать. Давление было простым, понятным, почти успокаивающим.

— Сгорели, — повторил Весс. — Ты сам их видишь.

Сверху застучали сапоги.

— Убери ногу! — крикнул Кард.

Рокх не сразу поднял голову.

Капитан стоял на пандусе. Рядом были Иллис и Ромгар. Двое солдат держали копья, за ними Ярэк показывал на следы мокрых сапог у боковой двери.

— Он жёг документы, — сказала Мирна. — Спроси, зачем у него наш ключ.

Кард спустился. Вытащил нож из-под руки Весса, велел своим поднять человека.

Рокх отступил. На ткани под перевязкой выступила кровь.

Весс выпрямился не сразу. Смотрел на мага со смесью ненависти и удивления, будто сам не ожидал, что останется жив, если попадётся ему второй раз.

— Он напал на служащего Престола, — сказал он капитану.

Кард поднял обгоревший край листа.

На нём ещё читалось имя Радана.

— Ты какое поручение здесь исполнял?

Весс закрыл рот.

Служитель добежал до зала последним. Увидел перевёрнутую жаровню, дымящуюся стружку и ключ в руке Мирны. Начал говорить о сохранении порядка.

— Сохраняйте наверху, — сказал Кард. — Этого в караульную. Обыскать. Футляр ко мне.

Рокх присел у рассыпавшихся листов. Большинство было испорчено: огонь съел середину, вода из ведра смыла чернила по краям. Но под медным ободом футляра застряла узкая полоска пергамента, почти не тронутая жаром. На ней были четыре парных знака и маленькая стрелка, направленная в сторону от остальных.

Белая пристань.

Маг узнал обозначение на старой книге. Рядом стоял другой знак — не тот, который всю ночь перерисовывал Тиррен.

Капитан повернулся к солдату. Мирна требовала принести ещё воду. Ромгар смотрел, не повело ли опоры от жара.

Рокх сложил полоску и убрал в рукав.

Остальные листы он отдал Карду.

За восточными холмами дождь шёл уже третий день.

Посольские лошади вязли у ручьёв. Один из подарочных сундуков пришлось перегрузить на вьючного быка, взятого у торговцев. Служитель, отвечавший за посольскую печать, всё время проверял кожаный чехол и злился, когда проводники останавливались не возле его коня.

К орочьим стоянкам добрались к вечеру.

Над широкой поймой поднимался дым десятков очагов. Ветер прижимал его к мокрой траве. Между повозками сушили ремни, чинили колёса, передавали из рук в руки связки железных наконечников. Двое детей гоняли по доске каменные кружки; старик считал их выигрыш на пальцах. Никто не бросился встречать белые плащи.

Послов остановили возле длинного навеса.

Человек, которому Варн поручил переговоры, назвал себя и потребовал проводить его к верховным шаманам. Орк с перевязанным кожей запястьем выслушал перевод, посмотрел на лошадей и указал на стойло.

— Сначала поставьте животных. Потом назовёте тех, кто приехал. Совет ещё не собрался.

— Нас ожидали.

— Знали, что вы едете. Это другое.

Переводчик повторил без смягчения.

На следующий день к послам пришла пожилая орчиха в длинной серой одежде. На её поясе висели костяные счётные планки, а ладони были испачканы глиной. Она назвалась Уршей, одной из хранительниц верховного совета.

Служитель развернул грамоту. Говорил об общей угрозе, торговых путях и силе, которую тёмный пришелец собирает против живых. Урша слушала, не касаясь бумаги.

— Кто из ваших видел его у наших стойбищ? — спросила она.

— До ваших земель он ещё не добрался.

— Тогда кто видел угрозу нашим родам?

Посол начал объяснять, что опасность следует останавливать заранее.

Орчиха подвинула к нему три деревянные планки. На каждой были нанесены зарубки, обмотанные цветной нитью.

— Ваши новые заставы задержали наш металл и два зимних стада. Это уже произошло. Кто отвечает за них?

— Порядок на дорогах обсуждается отдельно.

— Для того, кто ведёт стадо, дорога одна.

Она поднялась, не взяв подарка.

— Письмо останется у нас. Шаманы прочтут, когда соберутся. Потом зададут вопросы своим торговцам и тем, кого вы зовёте врагами. До этого ответа не будет.

Посол попросил назвать день.

Урша посмотрела на небо. С края навеса сорвалась тяжёлая струя воды и разбила лужу возле его сапога.

— Вы ещё не ответили про стада.

К вечеру белые плащи всё ещё стояли у длинного навеса.

Подлинный приказ Сейра доставили в таможную после захода солнца.

Кард прочёл его при Мирне. Сравнил с копией, которую привёз служитель. Различие оказалось небольшим: из копии исчезло требование удержать Весса и сохранить его чертежи. Зато появилась отдельная строка о запрете чужого осмотра.

Служитель уверял, что получил бумагу уже в таком виде.

Капитан запер её вместе с подлинником.

— Это и скажешь проверяющему.

Весс оставался в караульной под двумя замками. Его не отдавали ни эльфам, ни Рокху, ни сопровождавшему церковному человеку. Солдаты Карда сторожили теперь не только лестницу, но и собственный шкаф с печатями.

Тиррен дождался разрешения вернуться к книгам.

Часть инструментов сохранилась. Обгорела мерная нить, испортился лист с двумя размерами. Старый мастер пересчитал остатки, некоторое время стоял над пятном на полу, потом взял чистую доску.

— Придётся снимать заново.

— Я оставил у себя копию, — сказал Ярек.

Он достал сложенный вчетверо лист. Юноша переписывал промеры для собственного обучения, пока Рокх с Тирреном спорили о порядке знаков. Теперь этот лист остался единственным целым.

Ромгар сел возле него.

— Покажешь путь до первой проверочной ниши?

— У меня туда старший ходил. Я только до боковой двери.

— Значит, покажешь дверь.

Мирна принесла хлеб, сушёное мясо и небольшой мешок яблок. Кард отправил к северным складам сообщение о продлении осмотра и задержании Весса. Из города на следующее утро обещали прислать припасы и ещё одного дозорного.

Рокх стоял у восточной арки.

За заложённым проёмом тянуло солёным воздухом. В нижней части стены обнаружилась обычная дверца, ведущая в служебный ход. Её засов заржавел, но петли держались. Древний приёмник мог переносить груз, а человек, который должен был его чинить, всё равно шёл по узкому тёмному коридору.

В рукаве лежала скрытая полоска.

Он уже придумал объяснение: капитан забрал бы её вместе с прочими уликами, мастер переписал бы неверно, Саэрра отложила бы до совета. Все три причины были возможны. Ни одна не объясняла, почему он до сих пор не показал находку Ромгару.

Гном подошёл с лампой.

— Утром идём вчетвером. Эрен догонит у входа, если успеет из города. Пищи берём на три дня, обратно не рассчитываем пройти за один.

— Ты успел всё решить.

— Могу решить меньше. Тогда помоги считать.

Рокх убрал руку от рукава и взял мешок с яблоками. Два оказались мягкими. Он отложил их на стол для ужина, остальные пересыпал к сухому хлебу.

Тиррен за их спинами снял железный засов.

Дверца открылась внутрь. Из темноты потянуло прохладой, в которой не было ни соли верхнего склада, ни дыма недавнего огня. На полу лежал старый обломок светильника. За ним уходили следы сапог — давние, присыпанные пылью, но направленные в обе стороны.

Глава 7. Белая пристань

За первой дверью пахло землёй. За второй запах исчез.

Рокх остановился на верхней ступени. Внизу лежал слой тонкой серой пыли, не потревоженной сквозняком. В ней отпечатались подошвы двух людей, прошедших здесь когда-то давно. Следы вели к стене, поворачивали и возвращались. Ни одного отпечатка за поворотом не было.

Тиррен поднял лампу.

— Смотрители дошли сюда.

— А дальше?

— В расходной книге этого нет.

Мастер сказал без досады. За ночь он выпался, сменил тесную обувь и оставил половину тяжёлых инструментов Мирне. Теперь на поясе висели щуп, короткий молоток и сумка с медными мерками. На спине — свёрнутая ткань для оттисков.

Р

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.